

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского»

На правах рукописи

Мельничук Наталия Вячеславовна

КОНСТРУКТИВНОЕ И ДЕСТРУКТИВНОЕ РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В
АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ
ДЕБАТОВ В БУНДЕСТАГЕ)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Научный руководитель:
Васильев Лев Геннадьевич,
доктор филологических наук,
профессор

Калуга – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КОНСТРУКТИВНОЕ И ДЕСТРУКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ	8
1.1. Предпосылки формирования конструктивного и деструктивного типов дискурса: состояние проблемы.....	8
1.2. Процесс коммуникации и проблемы его понимания: успешность/неуспешность коммуникации.....	31
1.3. Аргументативный дискурс и методики его анализа	34
1.4. Социокультурная институциональность парламентских дебатов в рамках конфронтационного дискурса.....	55
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	61
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОНСТРУКТИВНОСТИ И ДЕСТРУКТИВНОСТИ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ В БУНДЕСТАГЕ.....	63
2.1. Тактико-стратегические аспекты манифестации речевого взаимодействия	64
2.2. Аргументативные характеристики конструктивности и деструктивности по критериям оценивания ИКД.....	97
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	143
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	147
МЕДИАГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА....	166
Приложение: Тексты протоколов заседаний в оригинале	167

ВВЕДЕНИЕ

В данном диссертационном исследовании представлен анализ конструктивного и деструктивного речевого взаимодействия в институциональном аргументативном дискурсе.

Конструктивность и деструктивность коммуникативного взаимодействия представлены в современных лингвистических исследованиях преимущественно в аспекте достижения конструктивного и снятия деструктивного ракурса общения [Арутюнова 1990; Баранов 1990; Богданов 1989, 1990; Виноградов 1977; Дейк 1978, 1989; Демьянков 1992; Залевская 2001; Иссерс 2003; Карасик 1998, 2000; Третьякова 2003; Leech 1983 и др.].

Проблемные ситуации конструктивности и деструктивности общения в современной лингвистике описаны в основном с точки зрения достижения оптимальности (кооперативности) взаимодействия. В настоящей диссертации изучение конструктивного и деструктивного типов дискурса проводится относительно ситуативных условий конфронтационного взаимодействия в дискурсе парламентских дебатов.

Актуальность работы определяется значительным социальным весом парламентских дебатов и парламентаризма в целом в жизни европейского и российского общества и вытекающей из этого необходимостью комплексного исследования конструктивного и деструктивного типов дискурса в условиях конфронтационного взаимодействия в парламентских дебатах.

Научная новизна обусловлена многоаспектностью исследования конструктивности и деструктивности речевого взаимодействия; уточнены понятия *конструктивный* и *деструктивный* дискурс и представлен их анализ в прагматическом, аргументативном и структурно-семантическом аспектах; апробирован и представлен в действии Индекс качества дискурса (далее – ИКД) как инструмент измерения его структурно-содержательных свойств.

Объектом исследования являются конструктивные и деструктивные высказывания политиков – участников парламентских дебатов в Бундестаге.

Предметом исследования являются параметры конструктивности/деструктивности аргументации в парламентских дебатах в условиях конфронтационного взаимодействия.

Цель исследования – выявление и анализ речевых и языковых средств манифестации конструктивного и деструктивного коммуникативного взаимодействия в парламентском аргументативном дискурсе с учетом фаз его протекания.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) проанализировать сущность и современное состояние изученности проблемы конструктивности/деструктивности общения;

2) выработать методику анализа конструктивного и деструктивного типов дискурса;

3) апробировать методику фиксации фаз протекания и оценки степени конструктивности/деструктивности дискурса с помощью особого инструмента контроля – ИКД;

4) проанализировать выступления парламентариев с точки зрения использования ими конструктивных и деструктивных макростратегий и реализующих их стратегий и тактик на основе структурно-функционального подхода;

5) описать средства манифестации коммуникативного взаимодействия в условиях конфронтации с учетом аксиологичности высказываний.

Поставленные задачи определили **методы** исследования: дискурсивный анализ, приемы интерпретативного и контекстуального анализа, методы моделирования, качественного и количественного анализа, методы стратегического и аргументационного анализа.

Теоретической основой исследования являются работы в области:

– коммуникативно-дискурсивной лингвистики (А.Г. Гурочкина, В.И. Карасик, Р. Лакофф, А.Э. Левицкий, Дж. Остин, А.А. Пушкин, И.А. Стернин, И.П. Сусов и др.);

– речевых стратегий и тактик (Л.Г. Васильев, В.В. Богданов, М. Грайффенхаген, Л.И. Гришаева, Т.А. ван Дейк, О.С. Иссерс, С.А. Сухих, Е.И. Шейгал и др.);

– теории аргументации (Л.Г. Васильев, В.С. Григорьева, Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, Т.П. Третьякова, С. Тулмин, Ю. Хабермас, Н.Ю. Фанян и др.);

– теории межкультурной коммуникации (Г.А. Антипов, Л.И. Гришаева, О.А. Леонтович, Л.В. Цурикова и др.).

В качестве инструмента аргументативного анализа конструктивности и деструктивности общения используется ИКД – качественный показатель, созданный в духе учения Ю. Хабермаса и предложенный в [Bachtiger, Steenbergen 2004].

В качестве **материала для анализа** были выбраны протоколы дебатов в Бундестаге в период с 13 января по 7 июля 2016 г., пункты, касающиеся принятий поправок в законе о правах женщин после событий «Кёльнской ночи», опубликованные на официальном сайте немецкого Парламента www.bundestag.de. Общий объём материала составил 122 страницы транскриптов.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании и демонстрации возможностей расширения спектра методик анализа в теории межличностного общения. Помимо этого, подход к анализу дискурса с учетом функционального вектора социальной сферы придает новый импульс изучению социокультурных речевоздействующих параметров конфронтационного общения и, соответственно, развитию теории аргументации. Важным представляется и изучение соотношения позитивных и негативных состязательных тенденций в процессе принятия решений на основе применения современных методов анализа, что дает новый импульс к исследованию публичного дискурса и его институциональных жанров.

Практическая ценность диссертации связана с возможностью использовать результаты исследования в учебных вузовских курсах по проблемам дискурса, прагмалингвистике, интерпретации текста, риторике, при обучении

студентов формированию конструктивных высказываний и адекватному реагированию на критические деструктивные суждения оппонентов.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Аргументативный дискурс парламентских дебатов представляет собой двойственное образование с конструктивной и деструктивной составляющими. Эти составляющие не заданы изначально, а обусловлены развертыванием диалога: их порождают спорные ситуации, возникающие в ходе дебатов; сама аргументативная деятельность направлена на разрешение обсуждаемой проблемы как конструктивным, так и деструктивным путем.

2. Объем деструктивной конфронтационной составляющей в аргументативном дискурсе парламентских дебатов рассмотренного типа превалирует над конструктивной, но дискурсивное качество дебатов не находится в прямой зависимости от данного объема.

3. Определение типа макростратегии (конструктивной/деструктивной) позволяет определить общее дискурсивное качество дебатов, а также качество дискурсивного вклада в дебаты каждого оратора.

4. ИКД с представленными критериями кодирования может быть использован как эффективный инструмент фиксации фаз протекания дискурса и определения как конструктивности/деструктивности высказываний, так и дискурсивного качества дебатов.

5. Построение конструктивных и деструктивных высказываний в аргументативном дискурсе парламентских дебатов в Бундестаге происходит под воздействием внутрикультурных факторов, определяемых базовыми немецкими ценностями *Ordnung* (порядок), *Pflicht* (долг), *Disziplin* (дисциплина), *Gehorsam* (послушание), *Recht* (право), *Sicherheit* (безопасность, гарантия).

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в докладах: на итоговой научной конференции профессорско-преподавательского состава «Актуальные вопросы филологии, лингвистики и журналистики» (Тирасполь, 2018); на VI научно-практической Интернет-конференция с международным участием «Актуальные проблемы

лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков» (Тула, 2018); на Международной научно-практической конференции «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 2017); на VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки XXI века» (Москва, 2016); на IX Международной научно-практической конференции «Современные концепции научных исследований» (Москва, 2014); на III Всеукраинской научной конференции германистов с международным участием «Германистика XXI века: когнитивная, социальная и прагмалингвистика» (Харьков, 2014); на Международной научно-практической конференции «Журналистика XXI века: опыт прошлого и вызовы будущего» (Тирасполь, 2013); на V Международной научно-методической конференции «Теория и практика языковой коммуникации» (Уфа, 2013).

По результатам исследования опубликовано 14 статей, 3 из которых – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Объем и структура работы. Общий объем диссертации составляет 183 страницы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, медиаграфии источников иллюстративного материала и приложения.

ГЛАВА 1. КОНСТРУКТИВНОЕ И ДЕСТРУКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ

1.1. Предпосылки формирования теории конструктивного и деструктивного типов дискурса: состояние проблемы

Вопрос конструктивности/деструктивности общения является решающим в аргументативном диалогическом дискурсе. Охват жизненных ситуаций в диалогическом общении весьма широк, и рационализация существа таких диалогов как состязательных обменов мнениями связана с потребностью освещения различных взглядов на строение и содержание речевого взаимодействия в них. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть состояние проблемы в широком тематическом диапазоне с подробным анализом фундаментально-прикладных монографических исследований.

Начнем с понятия *конфронтация*, оно напрямую связано с понятием *состязательность*, и будет в дальнейшем трактоваться как противостояние и столкновение групповых интересов. Вслед за Н.В. Гришиной понятия *конфликт* и *конфронтация* рассматриваются как синонимы [Гришина 1982: 118]. Понятие *кооперация* мы рассматриваем вслед за А.Н. Леонтьевым как координацию единичных сил участников коммуникации – комбинирование и суммирование этих сил [Леонтьев 1975: 270]. Так как анализируемые дебаты, в частности, и особенности немецкого парламентаризма, в целом, находятся в рамках противостояния групп (партий и их представителей), а дебаты в стенах Бундестага не нацелены на вербовку союзников и суммирование сил внутри партий, то фокус нашего исследования остается исключительно в поле *конфронтации*.

Конструктивная конфронтация выражает стремление уладить конфликт и прийти к общему знаменателю, а деструктивная представляет собой путь к разрыву коммуникации.

Будучи концептуальным пространством, деструктивность включает в себя концепты эмоций, которые служат причиной возникновения и поддержания

деструктивного поведения коммуникантов, а также те концепты эмоций, которые являются результатом деструктивного коммуникативного поведения [Волкова 2014: 48].

Проблема деструктивности коммуникативного поведения связана с определенными тенденциями функционирования и развития современного общества. Термин *деструкция* встречается в философских исследованиях и берет свое начало в категории негативности Гегеля. Впервые этот термин ввел немецкий социолог и философ Э. Фромм, который разграничивал «доброкачественную и злокачественную агрессию» и видел истоки человеческой деструктивности исключительно в факторах, отличающих человека от его животных предков [Фромм 1994: 163].

Следует различать понятия *агрессия* и *деструктивность*, поэтому вслед за Э. Фроммом мы не относим деструктивность к врожденным человеческим инстинктам, и, рассматривая проблему деструктивности человеческого общения, принимаем в качестве рабочего определения Я.А. Волковой: «Деструктивное общение представляет собой тип общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты» [Волкова 2014: 148].

В подходе А.М. Ватолкиной [Ватолкина 2007] проведено исследование искажения восприятия конфликтной ситуации в межличностном конфликте и вытекающей отсюда деконструктивности общения. В процессе межличностного общения человек всегда конструирует образы, а в силу онтологической субъективности конструктивной деятельности образ партнера по общению неизбежно становится результатом в разной степени адекватного, но всегда искаженного восприятия. Такое искажение рассматривается как взаимная неадекватность восприятия, т.е. расхождение образов конфликтной ситуации у оппонентов. Поэтому предрасположенность к конфликтному поведению не обязательно определяется собственно личностными качествами коммуникантов. Категориальная структура восприятия оппонентами ситуации конфликта

включает параметры 'негативность оппонента', 'нормативность конфликта', 'субъективная его острота', 'возможность воздействия'. Адекватность восприятия внешним условиям разнится, и выделяются неадекватные, адекватные, ложные и нулевые типы конфликта. Степень же искажения восприятия конфликтной ситуации влияет на конструктивность/деструктивность поведения в интеракции.

Помимо восприятия партнера по общению на ход межличностного взаимодействия влияет и восприятие собственно ситуации, коммуникативного контекста. Последние рассматриваются у А.М. Ватолкиной многоаспектно, что, на наш взгляд, можно рационализировать, например, в терминах пропозициональной прото-проекции. В ней предикатом будет представление о сути противоречия, актантами – целостное представление субъекта о себе и о сопернике (ценностях, интересах, устремлениях и т.п.), сирконстантами – представление об условиях конфликта. Выделены два типа образов конфликтной ситуации у оппонентов: (1) «ситуация недоразумения» – восприятие конфликта как менее острого, когда восприятие оппонента умеренно негативно; это позволяет выбрать кооперативную стратегию поведения; (2) «ситуация борьбы» – восприятие конфликта как более острого, когда восприятие оппонента резко негативно; это позволяет выбрать конкурентную стратегию поведения, связанную с деструктивностью общения – неуважительностью, резкостью и т. п. Степень взаимной искаженности восприятия обратно пропорциональна восприятию оппонентами собственного эмоционального состояния и прямопропорционально связана с восприятием эмоционального состояния другого. Иначе говоря, восприятие эмоционального состояния оппонента более значимо для субъекта, чем реальное или воспринимаемое собственное состояние.

Данная работа, как представляется, весьма точно характеризует природу деструктивности; при этом, для лингвистического исследования интересным представляется анализ вербальных манифестаций функций образов (стадий) конфликта: иницирующая (начало конфликта), активизирующая (мотивационная), оценочная (эмоциональная), опорная (основа для принятия решений), защитная (оправдание собственного поведения).

В подходе Е.В. Сатыбаловой [Сатыбалова 2002] ставится задача преодолеть неразработанность теории человеческой деструктивности, дать исходное базовое определение деструктивности, ее эвристическое значение, провести типологизацию оснований деструктивности, осветить ее отдельные виды, а также критерии ее выделения, позволяющие вести адекватную антропологическую экспертизу, описать позитивную и негативную формы деструктивности и их влияние на человеческие феномены.

Автор предлагает симбиоз метафизической и постмодернистской научных парадигм, который осуществим на основе привлечения трех исследовательских подходов – диалектико-рефлексивного, онтологически-метафизического и деконструктивного. Первый позволяет, в числе прочего, установить взаимодополнительность параметров «господство/подчинение» человеческого и внечеловеческого, созидательного (конструктивного) и разрушительного (деструктивного) в едином феномене человеческой деструктивности. Второй направлен на выявление фундаментальных оснований человеческой деструктивности и вскрытие ее экстрапонятийных оснований, лежащих в специфически человеческом бытии и природе человеческого. Третий дает представление о позитивном смысле и конструктивных возможностях деструктивности и об особенностях проявления ее негативной и позитивной форм.

Автор устанавливает первичную онтологическую структуру деструктивности как связку ‘очеловеченное-внечеловеческое’, которая проявляется во всех сферах и на каждом уровне жизнедеятельности – (а) метафизическом, (б) культурно-историческом, (в) межиндивидуальном, (г) внутрииндивидуальном. В (а) – это отношение «человек – мир» (связь энтропии мирового бытия и микрооткрытости нестабильного человеческого существования); в (б) «индивид – род» (связь бесконечности мира с конечностью существования человека); в (в) «я – другой» (интертекстуальность); в (г) «я – я» (проблематичность человека).

Наиболее выпуклыми формами человеческой деструктивности являются: а) негативная рефлексия – ущербность человеческой чувственности как утрата непосредственной связи с миром, а отсюда тревожность и аддиктивность; б) позитивная рефлексия – конструирование человеком смысла собственной жизни как источник человеческой целостности в каждодневном его бытии. Такая трактовка позитивной деструктивности отличается от предложенной Э. Фроммом многокомпонентной трактовки доброкачественной агрессии именно рефлексивным характером, а у Э. Фромма речь идет о приспособительном механизме, свойственном всему живому.

Существенными выводами для нас представляются соображения о взаимодополнительности позитивной и негативной форм деструктивности и потому об их типичности для общения.

В подходе Т.А. Васильевой [Васильева 2004] феномен деструктивности рассматривается, как одно из свойств сознания в филогенезе и связано с феноменом противоречия. Разновидности деструктивности отражаются в материальных манифестациях – текстах, при этом форма текста считается маркером деструкции. Эта идея восходит к антиномиям Э. Канта, и тогда, следуя логике автора, поскольку антиномии суть объективная данность, наличие деструктивности представляет собой явление неизбежное и даже необходимое, связанное с укоренённостью противоречий в современном состоянии общественного сознания, особенно в творческом процессе. Тем самым, деструктивность пронизывает не только гносеологическую сторону сознания, но и его иные сферы. Принцип деструктивности связывается у автора с принципом глобального кризиса ценностей в модернизме. Природа деструктивного сознания расценивается Т.А. Васильевой как стремление обрести им целостность восприятия действительности ценой слома прежней структурной организации мышления. Деструктивное сознание определяется как сознание, саморазрушающееся тогда, когда оно не справляется с содержащимися в нем противоречиями – антиномиями.

При этом автором предлагается упрощенная, на наш взгляд, процедура диагностики деструктивности: последняя устанавливается, если удастся сформулировать противоречия на языке пространства культуры, в которое она помещена. Упрощенность здесь видится в том, что семиозис трактуется как панацея: если мы рефлекслируем явление и манифестируем его в знаках, то тем самым онтологизируем явление на основе (выбранной языковой) собственно знаковой системы, а не на основе внутренне присущих этому явлению признаков. Деструкция, по мнению Т.А. Васильевой, связана с дезорганизацией, а последняя характерна для мифологического (холистического) мышления как противостоящего мышлению рациональному. Рациональность связывается у Т.А. Васильевой с понятием отстраненности и над-существования (сверх-бытийности) субъекта по отношению к его собственной культурной среде (принцип «категориального Ничто»). Корни противоречий в трактовке современных ценностных ориентиров усматриваются в Ветхом Завете. Деструктивность последнего усматривается автором в том, что он выполнял функцию своеобразного субстрата над уже развитой тысячелетней культурой. Впрочем, рациональное у Т.А. Васильевой приравнивается к логическому, что в контексте последних достижений аргументологии представляется неверным: рациональное во многом прагматично.

В подходе Ф.Г. Фаткуллиной [Фаткуллина 2002] деструктивность рассматривается как отдельная семантическая категория в русском языке, как понятие деструкции репрезентируется в лексической семантике. Деструкция трактуется в предельно широком смысле, как разрушение, а деструктивность – как ситуации, связанные с деструкцией.

К субстанциональным признакам деструкции автор на основе анализа словарных дефиниций относит: (а) членение, изменение, деформацию, разрушение, уничтожение объекта; (б) любое изменение структуры чего-либо под влиянием внешнего воздействия с необратимым изменением функционала изменяемого объекта; (в) саморазрушение объекта под воздействием внешних факторов. Тем самым определяющим признаком деструкции объявляются

признаки разрушения и изменения структуры объекта, общие для всех трех названных групп. Именно на основании этих признаков устанавливаются так называемые прототипы деструктивности *разрушение, повреждение, отделение, обработка, рытье, уничтожение*.

Семантическое поле деструктивности рассматривается как поле комплексного типа, т.е. одновременно с точки зрения его организации (парадигматики) и статальной семантики (семантического функционала, представленного вербоцентрически, в виде пропозиционального образования). При этом лексико-морфологические (частеречные) характеристики компонентов поля не считаются определяющими, поскольку представляют собой, по мнению автора, результат синтаксической отглагольной деривации. В отношении пропозиционального принципа изучения категории деструктивности любопытным представляется следующий момент. К набору семантических признаков деструктивности у автора отнесены 1) способ совершения действия, 2) целенаправленность действия, 3) результат действия, 4) орудие и средство действия, 5) качественная или количественная характеристика объекта воздействия. Очевидно, однако, что все эти признаки за исключением, возможно, (4) представляют собой непропозициональные элементы – это сирконстанты; даже признак (4) близок к сирконстантам, соотносясь с признаком (1), если, конечно, не рассматривать его как собственно медиатив, по системе [Богданов 1977].

Более точно описана семантика деструктивов с точки зрения ретроспективной (экзистенциальной) и перспективной (результатирующей) пропозиции.

Описанный подход интересен детальной проработкой лексической и сочетаемостной семантики деструктивных слов в межчастеречном ракурсе.

В подходе Ф.К. Бураихи [Бураихи 2011] изучаются глаголы деструктивного воздействия в русском языке с точки зрения их системных и функциональных дискурсивных характеристик. Автор доказывает, что определяющим системным семантическим признаком изучаемых глаголов является наличие типовой

объектной лексической сочетаемости. Доминирует в такой сочетаемости полигрупповая, когда глагол сочетается с существительными нескольких лексико-семантических групп. Менее продуктивной признается моногрупповая сочетаемость, а наиболее продуктивным признается глагол уничтожать, обладающий свободной сочетаемостью с существительными.

Дискурсивные условия оказывают влияние на системные характеристики деструктивных глаголов в зависимости от типа и целеустановки дискурса. В результате такого влияния меняются сочетательные возможности рассматриваемых глаголов, но это влияние не энтропийно, а определяется двумя важнейшими факторами, экстралингвистическим и лингвистическим. Первый связан с появлением новых объектов, которые могут быть подвергнуты воздействию, а также с усовершенствованием способов и возможностей разрушения. Второй определяется появлением в узусе окказиональных словосочетаний, которые ведут к образованию части новой речевой системности, задающей возможность перенесения возникших семем теперь уже в систему языка с расширением сочетаемости соответствующих лексем.

Сочетаемость глаголов рассматривается автором с прагмалингвистических позиций, так что решающей здесь оказывается категория интенции, проявляющаяся по-разному в разных типах дискурса. В медийном дискурсе доминируют целеустановки на информативность и оказание речевого воздействия, в рекламном – на разрешение имеющихся у покупателя проблем с помощью приобретения рекламируемого товара. Особо характеризуется художественный дискурс; в нем сочетаемость определяется неодинаковыми целеустановками – на понятность и на образность.

Важным представляется семиологический вывод автора о том, что интенция на создание образа в художественном тексте реализуется именно с помощью сочетательных возможностей и индивидуально-авторской организации семантической (семемной) структуры слов с регулированием их комбинаторных возможностей.

Социально-терапевтический подход Ю.В. Данько [2004] обусловлен потребностью преодоления отклоняющихся от норм, кризисных и деструктивных моментов в социальных связях, интеракциях и процессах в жизни индивидов, групп социальных слоев, социальных систем, структур и институтов. Социальная терапия в науке рассматривается двояко – как воздействие на субъект и как межсубъектное взаимодействие, но в диссертации избирается для анализа первый аспект. Предметом исследования объявлен комплекс разноуровневых технологий преодоления деструктивных отклонений в социальных процессах, а инструментально социальная терапия определяется как воздействие социальных субъектов на деструктивные отклонения на основе изменения качества социальных взаимодействий и отношений субъектов.

Основные результаты исследования сводятся к следующему.

Онтологически социальная терапия считается комплексом процедур, направленных на устранение причин негативных отклонений в социальных процессах разной сложности. Всеобщность социальных связей, пронизывающих все стороны жизнедеятельности человека, является условием достижения позитивных изменений при реализации социально-терапевтического воздействия, а это дает основу для осуществления стабильных глубоких изменений.

Социальная терапия осуществляет системные преобразования, дающие возможность позитивного изменения деструктивных компонентов социального существования человека; такие преобразования возникают в результате технологизации процесса социальной терапии. Технологизация понимается как воздействующий комплекс, выражающийся в структурной упорядоченности социальной терапии, ее объективно-преобразующей направленности, целеполагании. Последнее заключается в нормализации социальных связей, взаимодействий и отношений в разных сферах общественной жизни.

Само деструктивное и социально деструктивное поведение индивидов, обусловлено их представлениями о существующей реальности, основанными на имеющемся негативном жизненном опыте. Имеется нормативно-ценностная рассогласованность по отношению к условиям жизнедеятельности, вызванная

длительным кризисом. Деструктивные изменения в сфере индивидуального и массового сознания обуславливают отклонения в поведении субъектов, затрагивают все структурные уровни социальной жизни и проявляются в утрате ценностей, социальной пассивности, недоверии, антипатии, подозрительности, агрессии и аутоагрессии и в других негативных проявлениях в протекании социальных процессов.

В данном подходе важным является само определение причин деструктивности поведения и возможностей их преодоления с помощью комплекса социально-терапевтических мер.

В подходе И.В. Лысак [Лысак 2007] деструкция рассматривается с позиций системной и синергетической парадигм. Такой подход основан на идее маппирования. Предполагается соответствие исследовательских процедур принципам организации объекта. Системный подход применяется в силу организации человека как интегральной системы высшей сложности, а также по причине исследовательской перспективности интеграции данных разных сфер знания. Синергетический подход используется в силу акцента в нем на самоорганизации и самодезорганизации; деструктивная деятельность человека рассматривается как проявление хаоса, неизбежно присущего человеческой природе.

В диссертации И.В. Лысак систематизированы данные о биологических и психических причинах деструкции, предложена классификация деструктивных изменений личности как следствия аутодеструктивной деятельности и способы аутодеструкции, установлена специфика деструктивной деятельности человека на Западе, Востоке в трансформирующейся России, выявлены механизмы и социальные последствия деструктивной деятельности в природе и социуме.

Деструктивная деятельность расценивается как манифестация хаоса, органичного для человека, но проявляется обычно лишь в бифуркационные периоды его жизни, а потому не сводима лишь к биопсихическим и социокультурным факторам.

Рассмотрим теперь подходы исследователей, осветивших проблему конструктивности/деструктивности в различных сферах деятельности.

В концепции М.А. Вышквыркиной [Вышквыркина 2009] проблема конструктивности/деструктивности рассматривается на основе парадигмы социального интеллекта. Автором выявлены и описаны два основных типа релевантных реакций на противоречия в системе знаний или представлений субъекта о другом человеке. Во-первых, это конструктивные реакции, которые отражают оценочные (оценивание партнера по коммуникации), действенные (готовность действовать по отношению к партнеру) и смыслопорождающие (направленность на разрешение противоречий и порождение новых смыслов о партнере) процессы как компоненты мышления о другом человеке. Во-вторых, это деструктивные реакции – реакции «ухода» от мышления о другом человеке, возникающие в процессе решения проблемы межличностного взаимодействия, которая является или представляется субъекту потенциально проблемной.

Выявлена специфика связей между «смыслопорождающей» конструктивной реакцией и различными компонентами социального интеллекта – способностью предвидеть последствия поведения, правильно оценить состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям, а также способностью распознавать структуры межличностных ситуаций в динамике. Эти связи находятся в отношениях обратно пропорциональной зависимости.

Автору удалось установить личностные детерминанты, определяющие различные типы реакций на противоречие в системе представлений о другом человеке. Для конструктивных типов реакций характерно: преобладание копинг-поведения, ориентированного на решение задач; прямая взаимосвязь с общительностью, смелостью, импульсивностью, проницательностью, стремлением к доминированию; обратная взаимосвязь с «вытеснением», «отрицанием», «компенсацией» и копинг-поведением, ориентированным на избегание. Деструктивные типы реакций характеризуются: доминированием копинг-поведения, ориентированного на эмоции; преобладанием «отрицания»; обратной взаимосвязью с самодостаточностью, импульсивностью,

проницательностью, общительностью, «компенсацией», «регрессией» и «отрицанием».

Подход М.А. Вышквыркиной дает возможность отнести поведенческие (в том числе, языковые) производные коммуникантов к их социально-личностным особенностям.

В подходе И.В. Нелюба [Нелюба 2005] рассматриваются причины возникновения и пути регулирования деструктивности в выборном процессе. Деструктивность считается одной из разновидностей конфликта, связанной с нарушением норм и конвенций; вторая сторона конфликта – конструктивность, связанная с состязательностью и коммуникативностью. В качестве научной парадигмы исследования взят комплексный подход к исследованию конфликтного потенциала выборов, для которого объективной предпосылкой является дуализм государства и общества, управляющих и управляемых субъектов. К традиционным конфликтогенным характеристикам российской государственности автор относит несменяемость и неделимость власти, ее слияние с собственностью и фактическое отчуждение общества от формирования политики.

К конструктивным конфликтам на выборах автор причисляет конфликты типа дебатов и игры, которые способствуют развитию честной конкуренции, когда кандидаты следуют общим нормам и правилам, завоевывая голоса избирателей путем представления им лучших идей, программ, проектов. Конфликты-дебаты демонстрируются по федеральным и местным каналам телевидения и радио, и кандидаты имеют возможность показать свои ораторские способности, умение стратегически мыслить, доказывать и убеждать. Деструктивные конфликты специально конструируются под выборы для дискредитации противников. Это заместительные, манипулятивные, фальшивые конфликты, сфабрикованные политтехнологами в медиапространстве. К деструктивным конфликтам в диссертации отнесены конфликты типа схватки, приводящие к нарушениям правовых и этических норм, когда избирателя вводят в заблуждение недобросовестной конкуренцией и искаженной информацией, а это

затрудняет принятие им окончательного решения и подрывает доверие к институту демократических выборов и к власти.

В отличие от западной традиции, для населения России не является нормой поведения публичное разрешение конфликтов. Для россиян характерно подсознательное неприятие конфликта. Поэтому известная аксиома современной западной конфликтологии о том, что конфликт – это норма, для россиян не действенна: конфликт не является естественной нормой существования, равно как и публичный способ его регулирования.

Автором установлены причины, способствующие возникновению деструктивных конфликтов. Подход И.В. Нелюба дает интересные данные для исследования языковых составляющих конструктивности/деструктивности, присущих культурам Запада и причин их возможного отличия от манифестационных характеристик дебатов в России.

Т.В. Левкова [Левкова 2003] рассматривает деструктивность как одну из сторон проявления неассертивной агрессии. Этот подход перекликается с подходами, принятыми в зарубежных коммуникативных исследованиях. Само агрессивно-ассертивное поведение, по мнению автора, является условием адекватного самоутверждения и самореализации педагога.

В данном подходе нам представляется целесообразным внести пояснения: агрессивно-ассертивное поведение (*aggressiveness*) характерно, например, для американской культуры. Речь в этом термине идет не об агрессии, а о напористости. К тому же, самоутверждение связано с принципом авторитарности и власти (*authority, power*), который в разных культурах находится на разных уровнях ценностного предпочтения. В восточноазиатских и арабских он почти абсолютен, в британской – умеренный (частные школы). В российской только начинается процесс отхода от данного принципа.

Особенностями ассертивного общения Т.В. Левкова считает направленность, интенсивность, качество преобразования активности человека.

Основные результаты исследования представляют собой связную последовательность (она уточнена в плане следования компонентов – порядок следования пунктов (в), (д) у автора иной и не вполне соответствует самой логике формирования действующей системы) и заключаются в следующем:

(а) уточнены понятия *дуалистичность агрессии, конструктивная педагогическая позиция в ситуациях агрессии*;

(б) введено понятие *ассертивная педагогическая позиция*;

(в) обоснована необходимость реализации системы ассертивной позиции субъектов;

(г) определены предпосылки и условия формирования ассертивной педагогической позиции у студентов вуза;

(д) установлены особенности проявления агрессии в педагогическом общении;

(е) отрефлексированы механизмы развития конструктивной педагогической позиции в ситуациях агрессии;

(ж) разработана модель конструктивной педагогической позиции в ситуациях агрессии.

Следует отметить экспериментальную часть исследования, основанную на корреляционном анализе с обработкой статистических результатов по формуле Пирсона (критерий корреляции Пирсона представляет собой метод параметрической статистики, позволяющий определить наличие или отсутствие линейной связи между двумя количественными показателями, а также оценить ее тесноту и статистическую значимость). Психодиагностика показала обратную пропорциональность уровней деструктивности (враждебности) VS. уверенности и самооценки. Использование констатирующего эксперимента подтвердило важнейшие направления формирования и развития конструктивной (ассертивной) позиции в общении – снижение уровня враждебности, развитие адекватности самооценивания и стимулирование уверенности в собственных возможностях. Эти направления реализуемы через групповые методы подготовки и переподготовки специалистов.

Можно отметить и перспективность разработанной автором модели развития асертивности будущего педагога, содержащей три ориентационных модуля – на личностную сферу, на общение и на деятельность. Эта модель, судя по формулировкам модулей, предназначена для самостоятельного использования. Ее эффективность определяется наличием ряда педагогических условий: (а) усвоение знаний о природе агрессии; (б) наличие установки (=настроенности) на адекватную и позитивную самооценку; (в) рефлексия собственных возможностей для самоизменения; (г) формирование рефлексии и эмпатии; (д) осознанное овладение навыками асертивного общения.

Из результатов исследования можно взять на заметку идеи о неоднозначности понятия *агрессия* и о возможности осознанного – и самостоятельного – формирования конструктивной позиции в общении на основе выработки действенных методик.

Конструктивный/деструктивный дискурсы являются объектом изучения и в концептологии. Концепт «деструктивность» активно исследуется ведущими учеными: в подходе М.М. Кононова [Кононов 2009] на основе аксиоматического принятия идеи о двустороннем характере речевоздействующей деятельности выделяется деструктивная сторона последней. Современные информационно-политические технологии считаются продуктом информационно-психологического и политического воздействия, объединение которых происходит на основе признака манипуляции, подразумевающей задействование интенсивности, информационной насыщенности, эмоциональной окраски, направления потоков негативной информации. Такие технологии соотносимы с методами спецпропаганды, обладающей системным характером с упорядоченным целенаправленным формированием, обработкой и распространением специальной информации. Объектами воздействия признаются коллективные адресаты – политическая элита и электорат, а целью – преобразование в нужном русле их информационно-психологического и политического состояния, т.е. разрушение самостоятельно сформированных личностью представлений о реальной политической действительности. К методам речевого воздействия автором

причисляются информационно-политические технологии, направленные на построение в сознании адресата программируемых кластеров планируемого восприятия нужным образом сформированной информации (направление, корректировка, усиление), которая задает возможность задуманной последующей деятельности как реакции на получаемые в результате информационного воздействия установки. Информационно-психологические технологии классифицируются автором на основе следующих пяти критериев: (а) характера информационно-политического воздействия на сознание коллективного адресата; (б) степени достоверности информации; (в) интенсивности воздействия на сознание адресата; (г) скорости передачи информации; (д) концентрации актуальной информации в коммуникативных каналах информационно-политического воздействия на сознание российского электората и представителей политической элиты. Результатом деструктивного воздействия может явиться блокировка и разрушение у адресатов основных механизмов мышления, объективного восприятия и адекватной реакции на реальную политическую картину, что приводит адресата к невозможности осуществлять объективное политическое волеизъявление. Еще одним результатом такого воздействия признается постепенная нейтрализация, а затем и ликвидация способности адресата доверять власти, разрушение веры в справедливость, в нравственность и возможность самосовершенствования.

Системность воздействия излагается на основе анализа политической ситуации в России в период 1999 – 2008 гг., когда на первом этапе воздействие на аудиторию было направлено на достижение кланом Б.Н. Ельцина победы на выборах, а на втором – комплексная постэлекторальная информационно-психологическая обработка общества. Позднее воздействие выстраивалось на основе следующей последовательности: задействования административного ресурса при отведении на задний план принципа деструктивности; использования деструктивной стороны в сочетании с конструктивной; переход от деструктивного к конструктивному воздействию с отведением в тень административного ресурса. Однако, приведение автором такой положительной

динамики (с ориентацией на преобладание конструктивности), на наш взгляд, не вполне соотносится с реальным положением дел, где политический дискурс наряду с конструктивной стороной изобилует деструктивными моментами – достаточно вспомнить интенсивную кампанию 2016 г. по дискредитации президента Турции, которая быстро в угоду политической ситуации сменилась положительными (конструктивными) оценками возобновления межгосударственных отношений.

В подходе Е.И. Кокконен [Кокконен 2004] взамен традиционного для психологии пошагового метода детального анализа и разрешения конфликтов предлагается использовать конверсационный и контент-анализ высказываний участников педагогического взаимодействия при поэтапном разрешении конфликтов. Конверсационный анализ (педагогического) дискурса содержит объяснение ценностей, видов и правил поведения, организации деятельности, контроль понимания и усвоения информации, оценку результатов – высказываний, связанных с выражением личностного отношения; такие высказывания отражают стиль вербального общения: оценку событий, обстоятельств, достижений и т. п. Контент-анализ грамматических категорий основан на идее о преимущественном контроле субъектом лексики, нежели грамматики высказываний (в частности, категорических квалификаторов, квантификаторов, номинализаций), что помещает грамматику в сферу большей неосознаваемости и дает, соответственно, возможность объективного оценивания параметров языковой личности.

Автор на основе методики анализа парных негативных и позитивных единиц, именуемых, соответственно, конфликтогенами и синтонами, предлагает концептуальную модель конструктивного разрешения конфликтов на основе модификации стиля вербального общения. В диссертации выявлено, что в педагогическом общении конфликтогенами обычно являются доминирующие вербальные воздействия учителей на уроке: команды, порицания, замечания, ирония, повышение тона, нотации и др. Синтонами выступают ободрение, инструктирование и поощрение, хотя их ранговое место среди вербальных

воздействий учителей значительно ниже, чем негативных номинализаций. Применение попарной методики дает возможность вынесения терапевтических рекомендаций для повышения конструктивности общения. Для учителей – это (а) преимущественное использование синтонов; (б) прикрепление позитивных номинализаций ("окно" Т. Гордона – трансдеривационный поиск, иначе говоря, «подобное реагирует на подобное») учителей к приемлемому поведению учеников, что позволяет последним осознать свой позитивный опыт, а это способствует контролю над конфликтной ситуацией и опровергает сложившиеся негативные ожидания педагогов. Для обучающихся – это суперкодирование своих переживаний, т. е. их объективация, о соответствующем отстранении для наилучшего преодоления негативного.

Преодоление деструктивности общения предстает тогда так: работа с позитивными вербальными воздействиями педагогов позволяет увязать свои синтонные воздействия и позитивное поведение класса; это дает возможность педагогу по-иному осмыслить свой опыт взаимодействия с классом и в дальнейшем пересмотреть свою позицию; осознание контроля над ситуацией позволяет учителю быть более открытым для работы с конфликтогенными высказываниями и их минимизацией или недопущением. Рефлексивное суперкодирование обучающимися своих высказываний помогает педагогу сориентироваться в локализации проблемы: находится ли она в сфере педагога или в сфере ученика и предложить соответствующие формы и средства вербального воздействия, среди которых можно выделить Я - и Ты-высказывания, пресуппозиции и др.

Теперь рассмотрим концепции, представленные исследованиями вопроса конструктивного взаимодействия.

В подходе О.Н. Князевой [Князева 2011] проблема конструктивности общения рассматривается, вслед за Е.В. Коротаевой [Коротаева 2008], не в дихотомическом, а в тетраотомическом интервале видов взаимодействия – конструктивного, поддерживающего, рестриктивного и деструктивного.

Основные результаты, к которым пришла автор, заключаются в следующем. На основе формирующего эксперимента установлена специфика конструктивного взаимодействия в институциональной (вузовской) среде. Выявлено, что изначально – без подключения направленных педагогических методик – у студентов преобладают личностно-ориентированные тенденции (направленности на себя и на взаимодействие) в ущерб акциональным (направленности на обретение профессиональных навыков), что трактуется автором как низкий уровень конструктивности взаимодействия студентов с преподавателями. В результате обучения с повышением конгитивно-коммуникативного, ценностно-мотивационного и рефлексивного компонентов увеличивается уровень коммуникативной и профессиональной компетентности, в результате чего конструктивность взаимодействия возрастает. Это связано с повышением в процессе обучения готовности к принятию будущей профессии, под которой понимается процесс перехода от внешней мотивации к принятию внутренней личностно-профессиональной мотивации. Механизм субъективного отражения интеракции с преподавателем побуждает студента к овладению новыми формами поведения и способами действий в будущей профессии, при этом необходимы замер и увеличение уровня притязаний, целенаправленности и действенности.

Разработанная автором модель лежит в общем русле тенденций отечественной педагогики профессионального образования и содержит вполне продуктивные, хотя и теоретически/инновационно малоинтересные основания (мы их здесь распределили по видам): (а) общепедагогическое – организацию деловых игр и разбор проблемных ситуаций; создание условий для преобразования студентов из объектов педагогического воздействия в субъекты; самоанализ педагогической деятельности преподавателя во взаимодействии со студентами; (б) фатическое – установление контакта со студентами; эмоциональную поддержку обучающихся; организацию обратной связи; (в) методическое – разработку УМК дисциплин; составление методических рекомендаций для практических занятий для преподавателей студентов.

Из идей, высказанных автором, на вооружение можно взять, прежде всего, принцип рефлексивной разработки формирования, развития и реализации содержания компонентов деятельности продуктивного общения.

В исследовании Д.Н. Сторожиловой [Сторожилова 2006] проводится изучение природы социального диалога, выявление диалогических оснований конструктивного взаимодействия конкурирующих субъектов в социо-коммуникативном пространстве. Социальный диалог рассматривается автором с коммуникативно-конструктивной точки зрения, и социальность связывается с понятием социализации (где предполагается равноправие коммуникантов), задающей возможность развития интеракции информационно-коммуникативных систем, которыми считаются общающиеся, что, на наш взгляд, несколько технократизирует существо личности. Сам конструктивный диалог не считается целью коммуникации, а являет собой реализационную среду, потому что связан с решением социально значимых проблем. Такой диалог задает возможность рефлексии проблемных ситуаций, открытого разъяснения позиций коммуникантов и совместного поиска оптимального разрешения проблемы; это помогает снять противоречия между людьми и консолидировать общество.

Лингвистически значимой представляется идея автора о социально-семантическом уровне информационного понимания социального диалога. Д.Н. Сторожилова справедливо указывает на зависимость монологических и диалогических процессов – передачи информации и возникновения коммуникации между субъектами социального диалога от употребляемых ими знаково-языковых форм. Столь же значимой можно считать идею о существовании инфлуентарного уровня социального диалога, на котором раскрывается то, как информация влияет на человеческое сознание, определяя условия интенсивности воздействия предлагаемых ценностей и идей получателей информации. При этом прагматический уровень отнюдь не исключается из рассмотрения, поскольку именно он связан с собственно диалогической интеракцией. Тем не менее, семантический уровень триады представляется преобладающим в анализируемой концепции, поскольку для конструктивного

социального диалога необходимой считается коммуникативная оппозиция. Источниками же возникновения последней считаются моменты, непосредственно связанные с личностными моментами, включающими когнитивный и ценностный диссонансы наряду с диссонансом прагматическим.

Коммуникативная оппозиция рассматривается автором многоаспектно с разделением: (а) неинституциализированной и институциализированной (через организованные каналы) форм; (б) организованной и стихийной, в рамках которой выделяются субъекты с критически-конструктивным, деструктивным или пассивным отношением к социальным проблемам; (в) конструктивной и деструктивной; (г) системной и внесистемной; (д) легальной, полуполюгальной и нелегальной; (е) парламентской и непарламентской. Представляется, однако, что такое разделение основано на разных классифицирующих признаках, которые автором не эксплицируются, что, конечно, снижает ценность таксономии.

Конструктивность связывается у автора с фундирующим для нее принципом межличностной и межгрупповой толерантности, который рассматривается с точки зрения установки – очевидно, коммуникативной, а не психологической.

Подход Д.Н. Сторожиловой представляется интересным, хотя в настоящее время инновационность ряда высказанных в нем позиций, уже снижает свою остроту.

В концепции А.А. Дукман [Дукман 2004] конструктивность общения рассматривается и как межличностный, и как индивидуально-личностный феномен. Предложена теоретическая модель личностно-смысловых оснований конструктивности в межличностном общении на основе обращения к внутренним смыслообразующим свойствам и процессам личности, образующим ее имплицитные представления о конструктивном межличностном общении. Содержание таких представлений определяется ведущим предельным смыслом общения. Вариативные компоненты имплицитных представлений обусловлены (а) возрастом личности, (б) спецификой разделяемого предельного смысла общения. В (а) представления о конструктивности затрагивают глубину, полноту

и объединённость общения, значимость которых повышается с возрастом. В (б) выявлено пять групп предельных смыслов общения: самореализация, саморазвитие в общении; общение как необходимое условие жизни; терминальность (телеологичность) общения; общение ради общения, фатичность; общение как эмоциональное отражение партнера. Для каждой группы респондентов, разделяющих тот или иной предельный смысл, выявлены особенности имплицитных представлений о конструктивности общения.

Конструктивность определяется на основе соотношения экстра - и интра-объектного факторов. В первом важна процедура верификации объективных проявлений конструктивности, которая инициируется и осуществляется извне. Этот фактор позволяет выявить семь инвариантных компонентов имплицитных представлений о конструктивности в межличностном общении: (1) Диадная целостность; (2) Созидание в общении; (3) Полнота общения; (4) Поведенческая гибкость, вариативность; (5) Равенство партнеров, поведенческая слаженность; (6) Эмоциональная толерантность; (7) Личностная сила.

Второй фактор допускает межличностную верификацию конструктивности участниками общения, которая тем самым является субъективной, но не менее важной для определения мотивационных предпочтений, постановки задач и оценивания общения и его перспектив, а также вероятных поведенческих производных личности в конкретном отрезке общения; этот фактор связан с принципиальным для диссертации понятием личностно-смысловых оснований конструктивности общения. Они представлены у диссертантки четырьмя моделями: а) прото-общности (отражает стремление к единой общности, единению и зависимости); б) индивидуальной зависимости от другого и его правил; в) индивидуальной/персональной отделённости и самовыраженности; г) сотрудничества с другим с возможностью персональной самовыраженности. Данные модели, как представляется, составлены на основе принципа категориальных взаимоотношений: (а) равноположности; (б) подчиненности; (в) внеположности; (г) переkreщивания. Это свидетельствует о потенциальной

непротиворечивости избранного автором принципа моделирования и, соответственно, о его высокой степени приемлемости.

Представленный анализ монографических исследований в широком тематическом диапазоне и в различных сферах деятельности формирует наше видение проблемы с учетом междисциплинарного воздействия, социальных связей, а также биологических и психологических причин возникновения деструкции.

Теоретическое осмысление конструктивности/деструктивности производится в диссертации на основе единства социального и личностного. На межличностном уровне конструктивность в общении определяется с точки зрения наличия позитивного результата общения по продуктивному решению партнерами совместных задач, достижению индивидуальных целей созидательности отношений. На индивидуальном уровне конструктивность задается имплицитными представлениями, позволяющими на языке структур сознания описывать ее личностно-смысловые основания. Деструктивность на названных уровнях имеет противоположные показатели.

Проблема деструктивности как результата усиления агрессивности общества требует углубленного изучения деструктивного коммуникативного поведения различных социальных групп с целью выделения и дальнейшего принятия на вооружение стратегий и тактик, противодействующих деструктивности коммуникации.

В аргументативном дискурсе деструктивное общение представлено особым типом эмоционально-окрашенного общения, основная цель которого – возвышение говорящего за счет унижения оппонента.

Обзорный анализ представлен более частотным описанием деструктивного взаимодействия, поскольку основная коммуникативная цель участников парламентских дебатов – борьба за власть; стороны, являясь политическими соперниками, взаимодействуют в условиях деструктивной конфронтации чаще, чем в условиях конструктивной. Этим обусловлен приоритет нашего исследовательского интереса.

1.2. Процесс коммуникации и проблемы его понимания: успешность/неуспешность коммуникации

У лингвистов всегда вызывали интерес проблемы диалогической речи как основы коммуникации. Над этой проблемой работали такие известные ученые как А.Н. Баранов, В.В. Богданов, Н.В. Волошина, О.В. Михайлова, И.П.Сусов, С.А. Сухих, В.С. Третьякова и др. Однако, несмотря на значительное количество работ по данной теме, недостаточное внимание уделялось исследованию феномена непонимания и причин коммуникативных неудач, а также понятия *конструктивность* в деловой диалогической коммуникации.

Сфера делового общения – целенаправленная деятельность коммуникантов, которая подчиняется принятым в обществе правилам и стандартам. Как правило, деловая коммуникация представляет собой общение в любой официальной ситуации, так как ее участники являются носителями определенного статуса.

Речь является ядром и самым универсальным средством коммуникации, так как при передаче информации посредством прямой речи менее всего теряется смысл сообщения. Для разрешения определенной проблемы один из коммуникантов обращается к собеседнику, поскольку это диктуют ему условия коммуникативной ситуации; говорящему необходимо выбрать способ языкового выражения его коммуникативного намерения. Язык, в свою очередь, предлагает целую парадигму постоянно реализуемых коммуникативных форм предложения. Коммуникативный эффект достигается говорящим в зависимости от верно выбранной коммуникативной формы. Это и определяет успех или неуспех коммуникации в целом. Для достижения успешной коммуникации участники стремятся максимально реализовать свои установки [Барташова, Полякова 2009: 32].

В дискурсе полной актуализацией речевого акта является коммуникативный ход. Коммуникативная интенция должна соответствовать коммуникативному эффекту, в противном случае общение будет неэффективным.

Споры и социально-политические дискуссии не представляют собой опасности, они лишь демонстрируют культурное разнообразие, которое существует в социуме. Конфронтация – это противостояние, она может быть и конструктивной, и деструктивной. Для преодоления деструктивных конфликтных ситуаций и устранения этих разногласий нужно уметь четко вербализировать свою точку зрения. В случае ее успешной вербализации расхождение во мнениях принимает различимые формы, и каждый получает возможность определить для себя причину разногласия и пути его разрешения.

Факторы успешной коммуникации представляют собой совокупность речевых, психологических и социокультурных знаний. Для достижения успешной коммуникации необходимы знания закономерностей речевого общения в единстве и взаимосвязи всех его составляющих. Успешность коммуникации во многом определяется успешностью речевого акта.

Что касается публичных выступлений ораторов в Бундестаге, эффективность общения нужно определять для каждого коммуниканта в отдельности. Эффективное речевое взаимодействие, на наш взгляд, связано с достижением говорящим поставленных целей: информационной, предметной и коммуникативной. Максимально эффективное общение – это модель, а реальное общение не всегда соответствует модели, часто речевое взаимодействие становится неэффективным (нарушено коммуникативное равновесие, не достигнута коммуникативная цель), и, как следствие, возникают деструктивные конфликтные ситуации. Чтобы снизить конфликтность общения необходимо знать, какие факторы снижают эффективность общения и тем самым способствуют возникновению коммуникативных неудач. К ним можно причислить: (а) ситуативные факторы – нарушения, которые связаны с ситуацией общения; (б) контекстуальные факторы – неверная референция; (в) продуктивные и рецептивные факторы; (г) текстуальные факторы.

Успешность коммуникации в аргументативном дискурсе часто зависит от составляющих прагматического характера. Успешность речевого общения – достижение говорящим стратегической цели в условиях конструктивного

речевого взаимодействия. Неуспешность, неэффективность речевого общения приводит к явлениям, получившим название коммуникативного конфликта, коммуникативной неудачи и коммуникативного дискомфорта [Kim 1994: 140].

В рамках коммуникативно-прагматического подхода представлено основополагающее понимание коммуникативной неудачи как «полного или частичного непонимания высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществления или неполного осуществления коммуникативного намерения говорящего» [Ермакова, Земская 1993: 57]. К коммуникативным неудачам могут привести следующие неблагоприятные факторы:

- чуждая коммуникативная среда ведет к дисгармонии и сводит все усилия коммуникантов на нет;
- серьезной причиной коммуникативной неудачи может быть нарушение паритетности общения и как следствие нарушение правила кооперации коммуникантов;
- ритуализация живого речевого общения препятствует реализации коммуникативных замыслов коммуникантов, при этом нарушаются этические нормы. Разные социокультурные взгляды собеседников могут повлечь за собой неуместные высказывания, ведущие к коммуникативным неудачам.

Не все коммуникативные неудачи ведут к деструктивному конфликту. Деструктивность стратегически рефлексивна, она предполагает столкновение, противоборство оппонентов, где каждый из участников коммуникации сознательно действует в ущерб другому. Коммуникативные же неудачи обычно связаны с отсутствием намерения нанести ущерб интеракции; они могут быть устранены в процессе коммуникации за счет переформулировок, уточнений, пояснений, что может привести к смене негативного вектора на противоположный и к реализации коммуникативного намерения говорящего.

Важным фактором успешной коммуникации считается также коммуникативная заинтересованность, не зависящая от социального статуса и ролей. В исследовании моделей языкового поведения Т. А. ван Дейк описывает случаи, в которых коммуниканты должны менять тактику речевого общения – в

зависимости от контекста, от текущей ситуации, от коммуникативного взаимодействия, от типа дискурса [Дейк 1989: 156]. Успешность речевого акта возможна, если коммуниканты обладают общими знаниями и значениями. Коммуникативный опыт, накопленный человеком в ходе различных коммуникативных ситуаций, помогает ему в дальнейшем правильно избирать тактики речевого общения. Важным условием успешности коммуникации является умение адресата на основе названных факторов понять коммуникативный замысел своего визави.

В современной лингвистике коммуникативные неудачи напрямую связывают с личностными характеристиками коммуникантов, обстоятельствами общения и внешними обстоятельствами, принципами коммуникативной контактности. Коммуникативные неудачи – это неосуществление инициатором общения своих коммуникативных намерений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между коммуникантами. Важным условием успешности коммуникации является умение адресата понять коммуникативный замысел. Вопрос конструктивности/деструктивности в ходе речевого общения по сей день остается в лингвистике открытым, например, в части ‘соблюдение какого именно принципа является наиболее важным для успешной коммуникации?’.

Следует отметить, что функция воздействия играет решающую роль в парламентских дебатах, так как главная цель дебатов – это не просто проинформировать адресата, а повлиять на его мировоззрение, сформировать его отношение к чему-либо. Умение использовать многообразные речевые средства для достижения поставленных целей является залогом успеха оратора в публичной политике.

1.3. Аргументативный дискурс и методики его анализа

Публичная профессиональная деятельность публичных личностей напрямую связана с их способностью/неспособностью аргументированно

высказывать свою точку зрения и опровергать точку зрения оппонента. В связи с этим представляется релевантным рассмотреть аргументацию как реализацию дискурса, охарактеризовать ее основные теоретические понятия, выявить ее признаки и структурно-содержательные особенности.

В исследовании конструктивного и деструктивного типов дискурса, взяв за основу диалогический подход, мы будем придерживаться принципов интерактивной социолингвистики и, соответственно, различать *текст*, написанный автором, и *дискурс* как интерактивный способ взаимодействия, так как дискурс, по мнению Т. ван Дейка, не ограничен ни рамками текста, ни рамками самого диалога, а несет в себе когнитивные и социально-психологические составляющие, среди которых *адресант, адресат, цель, намерения, коммуникативные установки* и т. д. [Дейк 1989: 122].

Обобщая множество точек зрения по проблеме содержания аргументативного дискурса, остановимся на определении Г.Н. Манаенко: «Дискурс – это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [Манаенко 2003: 37].

Объектом нашего исследования является аргументативный дискурс парламентских дебатов, представленный текстами (протоколами), содержащими конструктивные и деструктивные высказывания политиков. Аргументативный дискурс парламентских дебатов относится к институциональному типу и характеризуется признаками институционального дискурса:

1) конститутивные признаки включают в себя участников коммуникации, условия, организацию, способы и материал общения;

2) признаки институциональности определяют ролевые характеристики, действия, жанры;

3) нейтральные признаки включают общие характеристики дискурса [Карасик 2002: 11].

Вслед за Л.Г. Васильевым мы рассматриваем аргументацию в академическом плане как дисциплину, изучающую способы обоснования утверждений в рамках рассуждений или обмена утверждениями, и как дисциплину, описывающую правила рассуждения, отделяя, таким образом, аргументацию от риторики (см.: [Васильев 2014: 55]).

История и современное состояние аргументации подробно описаны в работах ведущих представителей мировой аргументологии [Dascal, Chang 2007; Eemeren, Grootendorst, Kruiger 1987; Eemeren, Grootendorst, Henkemans 1996; Finocchiaro 2005; Баранов 1990; Брутян 1984; Васильев 1992; 1994; 2014; Демьянков 1986; 1989; Родос 1989 и др.].

Д. О'Киф выделяет 2 основные подхода к изучению аргументации: коммуникативный и интерактивный, в терминологии Д. О'Кифа им соответствуют аргумент-1 (монологичен) и аргумент-2 (диалогичен) [O'Keefe 1977].

Аргументативный подход к анализу средств выражения конструктивности и деструктивности предполагает некий анализ самого определения *аргумент*. Рассмотрим 3 основные течения в русле данного определения.

Ф.Х. ван Еемерен рассматривает аргумент как расхождение во мнениях двух сторон, и пишет, что коммуникативная деятельность, которая не направлена на устранение расхождений во мнениях, не рассматривается как аргументация [Eemeren 1994: 178]. Понятия *аргумент* и *аргументация* взаимозаменяемые. Однако *аргумент* используется в спорах между двумя сторонами.

Прагматодialeктики определяют *аргументацию* как процесс, направленный на разрешение разногласий, в котором выделяются четыре основные направления. Определение аргумента как спора и аргумента как оправдания можно встретить в абстрактной структуре аргументации П.М. Дунга. Аргумент, по словам П.М. Дунга, – это абстрактный объект, роль которого определяется исключительно его отношением к другим аргументам, где особое внимание не уделяется внутренней структуре аргументов [Dung 1995: 326]. По его мнению, каждый аргумент рассматривается как атомный. Внутренняя структура аргумента отсутствует.

Второе течение рассматривает аргумент как дискуссию по проблеме. Это подтверждается тем, что значение «аргумент» происходит от латинского *argumentum* и *arguere*, а их корень от греческого прилагательного ἄργυρος («сияющий, блестящий»). Другой, более поздний подход, рассматривающий аргументацию в качестве дебатов, был разработан Марком Аакхусом и Марчином Левински. Цель их «полилогического подхода» состоит в том, чтобы расширить теорию аргументации, которая выходит за рамки ее диалектических или диалогических структур, так как: «аргумент в современных спорах и размышлениях подразумевает наличие нескольких игроков, много позиций и много мест» [Aakhus and Lewin'ski 2017: 179]. Они определяют аргументативный полилог как дискуссию между «несколькими различными аргументативными партиями, которые защищают свои собственные позиции» [Aakhus and Lewin'ski 2017: 176]. Данное определение аргумента является более распространенным, нежели первое.

Третье определение *аргумента* широко распространено в философии – аргумент как обоснование или утверждение претензии. В определении Т. Говье [Govier 2005] аргумент – это набор требований, некоторые из которых выдвинуты, чтобы стать основанием для другого требования или заключения.

Таким образом, *аргумент* – это высказывание, содержащее как Тезис, так и его обоснование, что выявляет особенность аргументативного дискурса: он состоит из более, чем одного высказывания.

Трактовки понятия *аргументация* различны: Л.Г. Васильев рассматривает *аргументацию* как взаимодействие субъектов общения, включающее в себя обмен мнениями и отстаивание своих позиций [Васильев 1992]; Г.А. Брутян рассматривает *аргументацию* как способ рассуждения, в котором в качестве тезиса выдвигается некое положение, доводы определяют истинность данного положения, приводятся противоположные доводы, оцениваются основания и тезис, далее следует доказательство тезиса и опровержение антитезиса [Брутян 1984: 7].

Реализация аргументации происходит в рамках аргументативной ситуации – одно из центральных понятий аргументации, которое определяется как «ситуация прямого или непрямого взаимодействия субъектов общения, в которой происходит обмен мнениями с отстаиванием некоторой позиции» [Васильев 1992: 3].

Л.Г. Васильев рассматривает два подхода к анализу аргументативного дискурса: *объяснительный* (первого и второго порядка) и *описательный*. Суть объяснительного подхода первого порядка заключается в непосредственном анализе аргументативных механизмов с воссозданием имплицитных составляющих аргумента. Объяснительный подход второго порядка ориентирован на анализ аспектов аргументирующей личности (социальных, психологических, институциональных и др.) Суть описательного подхода заключается в непосредственном анализе языковых выражений ситуации аргументативного общения. Возможен симбиоз этих двух подходов [Васильев 2014], именно на нем и будет построено далее наше исследование аргументации.

Обратимся к структурно-функциональному подходу: концепция голландской прагматодialeктики в своем интеракционном понимании аргументации была лингвистически-ориентированной. Диалогический принцип являлся основой даже монологической речи (интеракционные роли Протагониста и Антагониста). Типы единиц разделены по степени сложности и выделяется:

- собственно простая дискуссия (у Антагониста нет своего видения проблемы);
- несобственно простая дискуссия (у Антагониста есть свое видение проблемы, но выдвигаются либо про - либо контраргументы);
- полностью составная дискуссия (выдвигается и про- и контраргументация) [Blair 1986 – Цит. по: Васильев 2014: 64].

Минимальным элементом аргументации принято считать высказывание с определенной функцией (ингерентной или адгерентной). К ингерентным элементам в калужской лингво-аргументологической школе относят компоненты,

задающие номинальный состав аргумента – Тезис, Данные, Основание, к адгерентным – Свидетельство, Ограничитель, Оговорку [Васильев 2014].

При анализе типов Тезисов, Данных и Оснований в настоящей диссертации принимается классификация, предложенная в [Васильев, Назарчук 2013].

Типы Тезисов представлены в четырёх разновидностях: декларативные, классификационные, оценочные, акциональные; их семантика очевидна по внутренней форме слов и не нуждается в экспликации.

Данные делятся на фактуальные и мнения. Данные-факты основаны на опыте и реально существующих явлениях действительности. Данные-мнения сопоставимы с убеждениями и догадками и не всегда основаны на опыте.

Основания разделены на пять видов – каузации, группировки, сопоставления, авторитета и мотивации. Основание каузации включает условные и причинно-следственные связи. Основание группировки включает обобщение и классификацию. Основание сопоставления построено на аналогии и наглядности, Основание авторитета представлено экспертными мнениями. Основание мотивации включает ориентацию на эмоции, ценностные ориентиры человека и его мотивы.

Ограничитель – это условия, в которых Тезис действует (полностью или частично), а Оговорка – условия, в которых он не действует; Оговорка – это, по сути, контраргумент.

По признаку структуры выделяют единичную и комплексную аргументацию; в составе комплексной выделяют множественную и составную; в рамках составной – координативную (сочинительную) и субординативную (подчинительную). По мнению Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гротендорста аргументативное взаимодействие нацелено на убеждение собеседника, что характерно для обыденных диалогов (цит. по [Васильев 2014: 64]).

Единичная аргументация: Тезис подкрепляется двумя Доводами, один из которых может быть выражен имплицитно, например: Я убеждена, что ты

сдашь экзамен (Тезис) по вождению, ведь ты так усердно готовилась к нему (Довод 1), Довод 2 выражен имплицитно.

Множественная аргументация: Тезис подкреплён двумя (или более) Доводами, которые не связаны между собой и каждый из них в отдельности достаточен для доказательства Тезиса, например: Летать самолетами очень удобно (Тезис), так как это самый быстрый вид транспорта (Довод 1) и самый безопасный (Довод 2).

Сочинительная аргументация: рассуждение, где только совокупность Доводов обеспечивает доказательство Тезиса, например: Наш холодильник был пуст, (Довод 1) а магазины давно закрыты (Довод 2), поэтому мы пошли обедать в кафе. (Тезис).

Подчинительная аргументация: первый Довод – для обоснования Тезиса, а второй поддерживает первый, например: Сегодня нам нужно поехать в ЗАГС (Тезис), потому что заявление подается за три месяца (Довод 1), а мы итак уже на две недели опаздываем (Довод 2).

Минимальной единицей аргументации в калужской лингво-аргументологической школе принято считать Аргументативный Шаг (АШ) как комплекс аргументативных функций, т.е. АШ характеризуется самостоятельностью и способностью функционировать в качестве аргумента. Вне АШ невозможно сказать, какую аргументативную функцию выполняет то или иное суждение (Тезис или Довод) [Васильев 2014: 140].

Максимальная единица аргументации – Аргументативный Ход (АХ), в формальном графическом выражении он представлен абзацем и состоит из нескольких АШ [Васильев 1999: 21].

Если аргумент содержит в себе более одних Данных или более одного Тезиса, но расположен в пределах одного абзаца, то это Аргументативный Супер-Шаг, формальные границы которого в письменной речи точно не определены. Аргументативный Супер-Шаг может иметь двойственную структуру: один Тезис и несколько Данных ($T+D_1+D_2\dots+D_n$), это конвергентный Супер-Шаг (CS_k), либо – одни Данные и несколько Тезисов ($T_1+T_2\dots+T_n+D$), это дивергентный Супер-

Шаг (СШ_д). Но в обоих случаях это составные аргументы, содержащие не менее двух элементарных АШ, однако, в отличие от АХ, они располагаются в пределах одного и того же абзаца.

Наша задача – определить общую структуру для текстов дебатов, определить взаимосвязь Доводов в рамках одного аргумента. Это позволит говорить о конструктивности и деструктивности дискурса не только с помощью лексико-грамматических средств, но и на основании специфики аргументативных структур. Коммуникативный речевоздействующий эффект достигается посредством характера связи Доводов в аргументе.

Обратимся теперь к рассмотрению методики анализа средств выражения конструктивности/деструктивности в аргументативном дискурсе парламентских дебатов.

В нем отношения коммуникантов могут развиваться по двум сценариям: в форме конструктивного диалога или в виде деструктивного конфликта. Ключевую роль в проблеме возникновения конфликтных ситуаций играет вопрос конструктивности/деструктивности в ходе речевого общения. Характер поведения коммуникантов определяет ход и направленность процесса коммуникации, так как функция языка в политической коммуникации реализуется посредством применения стратегий и тактик речевого общения. В аргументативном дискурсе парламентских дебатов при выборе стратегий речевого общения коммуниканты преследуют определенные цели: укрепить свои позиции и завоевать авторитет, получить голос адресата на выборах, убедить адресата в правильности своих суждений, дать адресату новую информацию о своей позиции.

Термин *стратегия* не имеет четкой дефиниции и используется в различных сферах и дисциплинах. Термин заимствован из военного дела и определялся изначально как наука о ведении войны.

По определению О. С. Иссерс речевая стратегия – это гибкая совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Из этого определения следует, что речевая тактика – это действия, способствующие реализации определенных аспектов стратегии. То есть стратегия – это общий

замысел реализации чего-либо, а тактики – определенные явные способы реализации этого замысла. В условиях речевого взаимодействия тактики могут преобразовываться в стратегии [Иссерс 2003: 111].

Тактика нацелена на корректировку определенных представлений действительности адресата. Вспомогательным средством в этом процессе является коммуникативный ход. О.С. Иссерс описывает коммуникативный ход как инструмент, способствующий реализации тактик [Иссерс 2003: 113]. В функциональном плане О.С. Иссерс выделяет основные (оказывают непосредственное воздействие на адресата) и вспомогательные (прагматические, диалоговые и риторические) стратегии [Иссерс 2008: 106].

Л.Г. Васильев и Н.Н. Черкасская так же полагают, что речевые стратегии реализуются посредством тактик, и в соответствии с этим стратегия рассматривается как нечто целое, тактика – как часть [Васильев, Черкасская 2012: 65].

Вслед за Н.Н. Добряковой мы считаем, что «...необходимо разграничивать аргументацию с четко представленной логической схемой построения рассуждения (логической демонстрацией), усиливаемой риторическими средствами убеждения, и убеждение, в основе которого находится паралогическая демонстрация или риторические приемы построения убедительной речи» [Добрякова 2003: 41]. Поэтому рассмотрим существующие классификации стратегий для диалогов парламентского плана и непосредственно для дебатов, так как коммуникативные стратегии дискурса дебатов подчинены глобальной цели интеракции, что усложняет структуру аргумента [Белова 1995: 27].

Т.А. ван Дейк пишет о взаимодействии речевых стратегий в политическом дискурсе и классифицирует их на:

- стратегии презентации, характеризующиеся языковым представлением участников коммуникации;
- семантические стратегии – стратегии идеологического воздействия;
- аргументативные стратегии, характеризующиеся ментальным действием;

– стратегии речевых действий, представленные терминами теории речевых актов [Дейк 1989: 32].

Е.И. Шейгал выделяет в политическом дискурсе следующие виды стратегий:

– стратегия вуалирования, затушевывания нежелательной информации (позволяет завуалировать, сделать менее явными неприятные факты);

– стратегия мистификации (скрытие истины, преднамеренное введение в заблуждение);

– стратегия анонимности (деперсонализации) как прием снятия ответственности. [Шейгал 2000: 197]

В.С. Дудченко [Дудченко 2001: 46] разделяет стратегии парламентского плана на 3 вида:

– конфронтационная стратегия: направлена на достижение собственных интересов, без учета интересов партнера по коммуникации; она представляет собой некий способ самоутверждения за счет другого;

– нейтральная стратегия: ориентирована на игнорирование коммуниканта; В.С. Дудченко называет нейтральную стратегию поведения «стратегией избегания» – уход от конфликта, отказ участвовать в нем, предоставление инициатору конфликта того, что он хочет;

– кооперативная стратегия: как и конфронтационная, нацелена на достижение собственных интересов, но только конструктивным, мирным путем; один или оба коммуниканта стремятся перевести конфликтную ситуацию в мирное русло. В.С. Дудченко называет кооперативную стратегию поведения «конструктивной» – работа с конфликтом, его регулирование и разрешение.

В.О. Мулькеева классифицирует стратегии по признаку гармонизации/дисгармонизации [Мулькеева 2005: 76].

О.Л. Михалева предлагает наиболее полную и всестороннюю, на наш взгляд, классификацию стратегий дискурса парламентских дебатов: стратегия на понижение (дискредитация оппонента), стратегия на повышение (самопрезентация), стратегия театральности [Михалева 2009: 126].

О.Н. Паршина выделяет самые значимые конфликтные стратегии: самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроения адресата, а также информационно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и манипулятивную стратегии [Паршина 2005: 7].

Подробный анализ деструктивного общения требует изучения ряда параметров, важнейшим из которых является коммуникативная цель. Деструктивность коммуникативного поведения в аргументативном дискурсе парламентских дебатов проявляется в стремлении участников коммуникации дискредитировать оппонента, и при этом, по возможности, самопрезентовать себя.

Исследование в русле стратегического подхода ставит во главу угла интересы говорящего. Конкретная коммуникативная ситуация формирует перед говорящим ряд вопросов. Суммируя ряд вопросов, О.С. Иссерс определяет способ описания речевой тактики, которая формирует конкретную стратегию осознаваемую говорящим. В анализе аргументативного дискурса парламентских дебатов в Бундестаге остановимся на данном способе описания [Иссерс 2003: 127–129], так как имплицитные и эксплицитные характеристики коммуникативной стратегии проявляются только в рамках диалогической речи.

Само по себе разграничение монологического и диалогического дискурсов довольно проблематично. Обмен небольшими репликами между коммуникантами в рамках контактной интеракции позволяет достаточно легко определить такое взаимодействие как диалогическое, а длинная цепь последовательно связанных и объединённых общей темой высказываний одного из коммуникантов может рассматриваться как монолог [Бахтин 1972; Якубинский 1986; Васильев 1994; Выготский 2000].

Но коммуникативные взаимодействия более сложного уровня, коими являются парламентские дебаты в Бундестаге, не позволяют четко разграничить диалогический и монологический типы дискурса. Данное исследование базируется на интерактивном подходе, так как парламентские дебаты динамичны

и спонтанны, но в то же время характеризуются наличием определенных правил построения диалога – наличием коммуникативной цели, целостности и фокуса, на которых сосредоточены усилия коммуникантов.

Выбор стратегий коммуникантами осуществляется на основе определенных коммуникативных установок. В связи с этим представляется целесообразным остановиться на вопросе коммуникативных установок говорящего и слушающего в условиях конструктивного и деструктивного речевого взаимодействия. В своей работе остановимся на определении В.В. Богданова, который трактовал установки как нечто стоящее в центре внимания говорящего [Богданов 1990: 34].

В.В. Богданов разработал классификацию установок говорящего, в которой выделил 2 группы: межличностные и внеличностные. В межличностных он выделяет установки на самого себя, на адресата, на слушающего и на 3-х лиц.

Установка на самого себя – это некая презентация себя самому себе, адресату или слушающему.

Установка на адресата – в центре внимания говорящего находится адресат. В коммуникативном плане это самая значимая установка, некий способ апробации своего речевого поведения на адресате.

Установка на слушающего – говорящий строит свои высказывания и формирует коммуникативное поведение с учетом присутствия слушающего. Установка на слушающего имеет место только когда говорящему известно о присутствии слушающего.

Установка на третьих лиц – речевое взаимодействие предполагает порой ссылку на третьих лиц, входящих в сферу интересов говорящего или адресата, и оказывающих влияние на коммуникативное поведение говорящего.

Внеличностные установки В.В. Богданов классифицирует следующим образом: установки на действительность; на пропозициональное содержание высказывания; на языковые средства.

Установка на действительность – учет говорящим временных и пространственных параметров ситуации, социокультурных реалий.

Установка на пропозициональное содержание высказывания отличается от установки на действительность, поскольку важен учет развития отношений между пропозициональным содержанием речевого акта и референцией (реальной действительностью).

Установка на языковые средства – говорящий для выражения каких-либо установок подбирает подходящие, по его мнению, языковые средства, которые будут способствовать решению конкретной коммуникативной задачи. К данным установкам относятся выбор лексики, построение определенных синтаксических конструкций, использование жаргонизмов и т.д.

В классификации установок, по В.В. Богданову прослеживается связь между межличностными и внеличностными установками, так как выбор событий действительности, пропозиционального содержания и языковых средств определяется именно участником коммуникации – говорящим как инициатором речевого взаимодействия в зависимости от конкретного адресата, от слушающих (при их наличии), от присутствия третьих лиц.

В анализе конструктивного и деструктивного типов дискурса парламентских дебатов в Бундестаге выделим все межличностные установки по классификации В.В. Богданова – на себя, на адресата, на слушающего и на третьих лиц, так как в парламентских дебатах выступающий (говорящий) может ссылаться на лиц, входящих в сферу интересов говорящего или адресата. Что касается внеличностных установок, особый интерес для нас представляет установка на языковые средства как на средства манифестации речевого взаимодействия.

Основываясь на множестве существующих классификаций стратегий, в своем исследовании выделим четыре основные коммуникативные стратегии: дискредитации, манипуляции, самопрезентации и компромисса. Прежде чем перейти к исследованию в русле стратегического подхода необходимо дать краткую характеристику названных стратегий.

Стратегия дискредитации – одна из самых сильных и часто употребляемых конфликтных стратегий в состязательной и политической коммуникации, так как

основной задачей является принижение оппонента и самовозвышение на его фоне. Стратегия дискредитации обычно реализуется посредством тактик оскорбления, издёвки, обвинения. Представленные тактики являются, по сути, схожими речевыми действиями, поэтому показателем реализации стратегии дискредитации служит результат речевого воздействия, то есть реакция адресата (он обижен или оскорблен, или же чувствует себя объектом насмешки) [Иссерс 2003: 127-129]. В.О. Мулькеева пишет о двуадресатности, двунаправленности, то есть о действии стратегии дискредитации не только на оппонента, но и на информирование наблюдателя об отрицательной оценке оппонента. Автор говорит и о ретроспективности данной стратегии, как некой ответной реакции на событие [Мулькеева 2005: 82].

Что касается установки говорящего и слушающего на тип общения, тактики оскорбления и издёвки характеризуются установкой на деструктивную конфронтацию с оппонентом. Велика вероятность, что и установка слушающего будет ответной. Но так как стратегия дискредитации характеризуется двунаправленностью и тактики рассчитаны на расположение со стороны присутствующих наблюдателей, используются элементы самопрезентации для поддержания собственного имиджа.

Успешная реализация тактик во многом зависит от трех условий [Иссерс 2008: 160–162]:

1. Предварительные условия: говорящий (Г) выражает негативную оценку в адрес оппонента (N). Полагая, что слушающий (С) оценивает N положительно или же N находится вне оценок С, Г старается навязать С свою негативную оценку N.

2. Сущностные условия (коммуникативная цель): Г стремится уязвить N, заставив С смеяться над ним, т.е. открытая негативная оценка не только со стороны Г, но и С.

3. Условие искренности: Г старается добиться согласия С относительно негативной оценки N.

О.С. Иссерс выделяет коммуникативные ходы реализации тактики оскорбления: прямое оскорбление (экспрессивная и оценочная лексика), косвенное оскорбление (Г использует ассоциацию или сравнения для переноса негативной оценки из одной когнитивной области в другую).

Коммуникативные ходы реализации тактики обвинения также разделяются на прямые и косвенные.

Тактику издёвки реализуют ходы ‘развенчание притязаний’ и ‘навешивание ярлыков’ (деталь частного плана с четко подобранной отрицательной оценкой помогает С в создании образа политического лица) [Иссерс 2003: 164–174].

Стратегия дискредитации относится к семантическому типу стратегий и является основной конфликтной стратегией в политической коммуникации.

Стратегия манипуляции – это попытка навязать оппоненту свою коммуникативную стратегию с целью захвата смыслового пространства, постановка во главу угла своих интересов, пренебрежительное отношение к интересам оппонента. Говорящий, используя данную стратегию, ставит оппонента в позицию подчинения. И.И. Гулакова выделяет в стратегии манипуляции доминирующие установки: навязывание своего мнения и преувеличение своей авторитетности [Гулакова 2004: 77]. Основные тактики – тактика побуждения и тактика трансформации ситуации (представление ситуации в выгодном для говорящего свете). Основная установка – навязывание своего мнения и гиперболизация своей авторитетности.

По мнению Е.В. Фроловой авторитетность позиций и их умелое использование является важным фактором воздействия в стратегии манипуляции [Фролова 2007: 12].

Е.И. Шейгал выделяет два вида манипулирования: аргументативное (нарушение логики и цельности текста, уклонение от обязанностей доказывания) и референциальное (искажение образа референта) [Шейгал 2000: 19].

Правильное использование языковых ресурсов помогает говорящему в нужном ему русле имплицитно воздействовать на оппонента и заставить его действовать в своих интересах.

Стратегия самопрезентации зачастую является сопутствующей стратегией стратегии дискредитации, так как аудитория склонна оценивать политиков по принципу «хороший – плохой», а значит, улучшение имиджа говорящего ведет за собой ухудшение имиджа его оппонента. Как правило, говорящий дискредитирует оппонента с целью самопрезентации и повышения собственного имиджа на его фоне «Вот он какой плохой, а я вот какой хороший», в этом случае стратегия самопрезентации является деструктивной. Но и конструктивная функция данной стратегии возможна, поэтому есть возможность рассмотрения ее как в конструктивных, так и в деструктивных высказываниях.

О.С. Иссерс относит стратегию самопрезентации к прагматическому типу, что во многом объясняет сам механизм создания имиджа. Речевой стиль общения, манеры, внешние особенности – из всех этих составляющих складывается имидж. Именно он является основной воздействующей и движущей силой в сфере политики. Автор пишет о двух способах создания имиджа: либо говорящий в своей речи делает акцент на специфике своей личности, либо подбирает себе роль с соответствующей речевой «маской». Выбор того или иного пути определяется в соответствии с аудиторией и представляет собой коммуникативную стратегию. Для реализации стратегии подбираются приемы, т.е. тактики. Смоделированное речевое поведение личности говорящего предполагает наличие доминанты (ядра) и периферию (микророли). О.С. Иссерс классифицирует доминанты по трем основным группам: 1) Патриот и Державник; 2) Хозяин или Сильная рука; 3) Борец за социальную справедливость. Тактика создания «своего круга» предполагает разграничения на «свои – чужие». Тактика персонификации заключается в привязке какого-либо события в массовом сознании аудитории с определенными личностями, т.е. своего рода сигнал к положительным или отрицательным ассоциациям. К примеру, название партии «Bündnis für Innovation und Gerechtigkeit» («Союз за обновление и справедливость») способствует

созданию имиджа ее лидера Халука Йыльдыз – воплощение справедливости [Иссерс 2003: 198–205].

Тактика поляризации является одной из центральных в стратегии самопрезентации. Она построена на улучшении собственного имиджа за счет ухудшения имиджа оппонента (или тактика речевого моделирования имиджа) [Tillmann 1989: 240].

Стратегия компромисса направлена на разрешения конфликта путем взаимоуступок коммуникантов и будет рассмотрена как конструктивная.

М. Грайффенхаген обращает внимание на то, что в иерархии ценностей культуры политического общения Германии недооценивается роль компромисса, а политик, использующий стратегию компромисса, воспринимается как слабый [Greiffenhagen 1980: 35].

Реализуя стратегию компромисса, говорящий, по мнению В.С. Третьяковой, использует тактики согласия, уступки, похвалы, интеграции, эмоционального настроения, одобрения, просьб, убеждений и т. д., игнорирование темы может предполагать тактику молчания. Для предупреждения еще не развившегося деструктивного конфликта в стратегии компромисса используются следующие коммуникативные ходы: сообщение причины побуждения адресата к действию, объяснение важности побуждения адресата к действию при употреблении косвенных форм, смягчающих побудительность, использование этикетных форм общения [Третьякова 2003: 251, 265].

Отличительной особенностью стратегии компромисса является ее ориентация на адресата и гибкое речевое воздействие.

Содержательная характеристика коммуникативных стратегий представляет собой, на наш взгляд, лишь частичное описание специфики речевого взаимодействия. Само описание следует дополнить, поэтому, более точными процедурами. К ним мы относим методику фиксации фаз протекания дискурса, средством замера которой служит Индекс качества дискурса (ИКД).

Рассмотрим параметры анализа, предлагаемые этой методикой.

Впервые понятие *DQI (Discourse quality index)* – ИКД – встречается в теории немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса. Основываясь на его теории, Юрг Штейнер, Андрэ Бэктигер, Маркус Шперндли и Марко Штенберген вводят данное понятие в действие в качестве некого инструментария кодировки парламентских дебатов в своем труде [Steiner, Bachtiger, Spornli, Steenbergen 2004].

В 1998-1999 учебном году, 1999-2000 и 2000-2001 гг. вышеназванные учёные разработали ИКД в ходе исследовательских семинаров в Бернском университете и Университете Северной Каролины в Чапел-Хилле.

Участники семинаров применили ИКД к изучению парламентских дебатов в Великобритании, США, Франции, Германии, Италии, Швейцарии, Австрии и Европейском союзе. На основе данных апробаций ИКД был пересмотрен и усовершенствован. В ходе эксперимента независимые эксперты кодировали дебаты от 27 февраля 1998 года «О государственных приоритетах в отношении женщин», предметом которых являлась проблема улучшения жизни британских женщин (эта проблема была одной из основных тем в ходе избирательной кампании 1997 года и ставилась в приоритет в лейбористском правительстве Тони Блэра после выборов).

Дебаты 27 февраля 1998 года стали одной из первых возможностей для правительства обсуждать свои идеи, а для консерваторов, находящихся в оппозиции на протяжении 9 лет – реагировать. Государственный секретарь по социальному обеспечению, Харриет Харман, начала дискуссию, которая продлилась около пяти часов. Кодирование выполнялось в два этапа. Каждый кодировщик просматривал дебаты индивидуально и кодировал речи. Эти независимые кодировки послужили основой для статистики надежности.

Далее кодировщики сравнили коды. В случаях разногласий, они снова перечитывали речи и обсуждали достоинства конкурирующих кодов. В конце совещательного процесса оставался один конкретный код.

На основе представленной исследователями теоретической разработки приводятся основные гипотезы, которые требуют систематического эмпирического исследования.

1) Чем выше общее качество дискурса в споре, тем вероятнее будет принято единогласное решение или, по крайней мере, компромисс.

2) Из всех дискурсивных качеств конструктивная политика, взаимное уважения и уровень рациональности являются решающими для формального измерения решения: чем выше эти качества, тем более вероятным представляется принятие единогласного решения или, по крайней мере, нахождение компромисса.

3) Чем выше общее дискурсивное качество дебатов, тем вероятнее принятие эгалитарного решения (компромиссное решение без ущемления чьих-либо прав по какому-либо признаку – пол, нация и т.д.)

4) Из всех дискурсивных качеств содержание обоснования имеет решающее значение для принятия решения: чем больше доводов, сформулированных в эгалитарных концепциях справедливости, тем более вероятным является принятие эгалитарного решения. Эта вероятность увеличивается, если эгалитарные оправдания строятся на высоком уровне рациональности и должном уважении оппонентов.

Для определения ИКД было выделено несколько категорий кодирования. Представляется целесообразным кратко рассмотреть основные параметры анализа в первоисточнике с фиксацией фаз протекания дискурса и комментариями авторов [Steiner, Bachtiger, Spornli, Steenbergen 2004]:

Первая категория кодирования определяет участие и представлена в первоисточнике двумя кодами:

- (0) зафиксированное прерывание оратора (с жалобой на прерывание);
- (1) прерывания были, но ни один из ораторов не пожаловался.

Во время дебатов никого из спикеров не перебивали. Это не говорит о том, что прерываний речей не было вообще, но никто из спикеров на них не жаловался. Итак, речи всех спикеров заработали код (1) – допустимое

(адекватное) участие в дебатах было возможно. Пример явного прерывания речи (0) можно наблюдать в протоколе дебатов в Палате общин Британского парламента от 25 июня 1998 года, о социальном обеспечении социально незащищенных групп населения. Джон Суини (Шотландская национальная партия) был прерван несколько раз, что его разозлило. В конце концов, он произнёс: (0) *I shall not take any more interventions.*

Вторая категория кодирования определяет уровни обоснования (структура обоснования и содержание обоснования).

Структура обоснования представлена следующими кодами:

(0) нет обоснования: оратор говорит, что X должно или не должно быть сделано, не называя причин;

(1) обоснование первого порядка: приводится причина Y относительно того, почему X должно или не должно быть сделано, но нет взаимосвязи между X и Y; это неполное обоснование;

(2) обоснование второго порядка: взаимосвязь между X и Y присутствует, также допустимо наличие при обоснования первого порядка;

(3) сложное обоснование:

(3a) основное развернутое обоснование, “basic”: наличие более чем одного X, каждый из которых подкреплён Y; взаимосвязи между всеми X и Y присутствуют;

(3b) расширенное развернутое обоснование “extended”: представлен один или несколько X, и каждый из них подкреплён несколькими Y; взаимосвязи между всеми X и Y присутствуют.

Содержание обоснования. Данная категория, по мнению авторов концепции ИКД, идентифицирует призывы к общему благу со следующими инструкциями по кодированию:

(0) нейтральное заявление, безотносительное к групповым и полигрупповым интересам;

(1) эксплицитное высказывание, затрагивающее интересы групп или полигрупповые интересы;

(2) эксплицитное высказывание относительно только полигрупповых интересов – «наибольшее благо для большинства есть общее благо»;

(3) эксплицитное высказывание относительно только групповых интересов – «помочь наиболее уязвимым слоям общества».

В призывах политиков к общему благу делается акцент на упоминании наиболее обездоленных. Эти упоминания не должны были напрямую содержать в себе явные эксплицитные фразы «наиболее обездоленные», рамки контекста определяли, что речь идет о наименее благополучных группах (например, бедных женщинах, беженцах и т.д.).

Третья категория кодирования относится к уважению (уважение к группе, уважение к требованиям и уважение к контраргументам).

Уважение к группе представлено следующими кодами:

- (0) нет уважения, явное эксплицитное негативное отношение к группе;
- (1) имплицитное уважение; нет негативных высказываний;
- (2) эксплицитное уважение; есть позитивные высказывания.

Уважение к требованиям представлено следующими кодами:

- (0) нет уважения, негативные высказывания;
- (1) имплицитное уважение, нет негативных высказываний;
- (2) эксплицитное уважение, есть позитивные высказывания;
- (3) принятие требований, оратор учитывает требования других субъектов коммуникации.

Уважение к контраргументам (КА) представлено следующими кодами:

- (0) отрицание КА;
- (1) игнорирование КА;
- (2) нет отрицания, но нет и учета КА, нейтральная позиция;
- (3) учет КА;
- (4) согласие с КА.

Таким образом, первой задачей было определить наличие контраргумента. Второй задачей было определить, игнорировал ли спикер контраргумент.

В качестве **четвертой категории** рассмотрена конструктивная политика:

- (0) отсутствие тематической альтернативы (ригидность позиций);
- (1) наличие тематической альтернативы;
- (2) наличие надтематической альтернативы (осознание необходимости коррекции);
- (3) отсутствие тематической альтернативы + коррекции (коррекции позиции).

Данная категория, на наш взгляд, явно демонстрирует нисходящее движение к конструктивному диалогу.

На основании описанных методик и анализа категорий кодирования во второй главе представлена авторская интерпретативная методика фиксации фаз протекания дискурса посредством ИКД как особого инструментария кодировки и показателя конструктивности/деструктивности дискурса парламентских дебатов в Бундестаге.

1.4. Социокультурная институциональность парламентских дебатов в рамках конфронтационного дискурса

Для дальнейшего исследования представляется целесообразным рассмотреть особенности немецкой парламентской коммуникации и отличительную специфику парламентских дебатов, что поспособствует выявлению принципов функционирования аргументативного дискурса в стенах Бундестага.

В отличие от британского, немецкий парламентаризм развивался непоследовательно; причиной тому послужили войны и режим диктатуры, которые отразились на форме ведения переговоров. А. Буркхардт выделяет в связи с этим две линии развития немецкого парламентаризма: дискуссионную и демонстративную [Burkhardt 1995: 22].

В. Дикман характеризует аргументативный дискурс парламентских дебатов как коммуникацию между выступающими с трибун ораторами и аудиторией в стенах общественного института парламента. Основная цель парламентских

дебатов Бундестага – обсуждение и решение политических проблем, второстепенная цель – воздействие на общественность. Отмечается основные цели коммуникативного воздействия – дискредитация оппонента и самопрезентация своих позиций и интересов [Dieckmann 2005: 41].

Еще одной отличительной характеристикой парламентских дебатов, по мнению Х. Хенне, является их интенциональность и тематика: парламентские дебаты Бундестага, в большинстве своём, директивны (включают указания, руководства к действию) и дискурсивны (отнесены к повседневному и научному дискурсу). Характерной особенностью дебатов Бундестага является строгая фиксация тем – нефиксированная тема, фиксированный круг тем, специально фиксированная тема [Henne 2001: 27]. Открывая пленарное заседание, президент оглашает перечень тем и законопроектов, подлежащих обсуждению.

Что касается временного аспекта, выступления ораторов являются панхронными, т. е. не привязаны к конкретному событийно-временному отрезку и могут затрагивать как события настоящего и прошлого, так и касаться будущих перспектив. С временным аспектом, а именно с его вневременной характеристикой, тесно связана логика изложения содержания выступлений. Логическая особенность парламентских дебатов Бундестага выражена абстрактно-логическими связями, которые определяют содержание реплик парламентариев: каждое последующее выступление зависит от предыдущего и определяет содержание последующих.

Если говорить о степени публичности парламентских дебатов, то она не является определяющей, так как политика по определению своему является общественной сферой. Отличительная особенность – это наличие активной публики – допустимы выкрики с места и промежуточные вопросы.

Участники парламентских дебатов равноправны. Коммуникативные роли распределены следующим образом: адресантами являются политики и председатель (президент, который напрямую либо косвенно распределяет роли), реципиент – пленум и общественность (через средства массовой информации).

Учитывая рамки ситуативного контекста, парламентские дебаты представляют собой сочетание ближней и дальней коммуникации. К ближней относится коммуникация внутри пленума, к дальней – коммуникация с общественностью.

Обратимся к термину *конфронтация* как определяющему характер дебатов Бундестага. Конфронтация представляет собой тип дискурса, подразумевающий поляризацию взглядов, мнений, целей, картин мира адресанта и адресата; это противостояние, которое может быть выражено как в конструктивной, так и в деструктивной форме. Именно поэтому данный тип дискурса (в некоторых подходах – «контрадикторный») имеет ряд особенностей, но основное – в том, что он представляет собой вид языкового взаимодействия индивидов, в основе которого лежит конкуренция мнений.

В.И. Жельвис пишет о распространенном заблуждении, будто сфера политики предполагает ведение дискуссий в рамках академического спора [Жельвис 1999: 114].

В политическом дискурсе конфронтации основная задача – сделать собеседника своим единомышленником, и, как правило, дискурс конфронтации ориентирован на разрешение конфликта. Наиболее эффективным способом убедить враждебно настроенного адресата является аргументация. Стороны доказывают свою правоту при помощи аргументов, направленных на: 1) установление истины; 2) целесообразность принятия тезиса. Функциональное содержание политической коммуникации заключается в правильной формулировке и в четком разъяснении политической позиции, в поиске сторонников и их сплочении в борьбе с противником.

Дискурс конфронтации – это сложное многоуровневое явление, которое включает в себя все виды лингвистических и нелингвистических знаний. Конфликтная ситуация в нем возникает лишь при наличии открытой конфронтации со стороны адресанта и адресата. Специфика конфронтационного взаимодействия подразумевает наличие разных стратегий говорящего и слушающего.

Диалоговой особенностью аргументативного дискурса парламентских дебатов является то, что его участники, являясь равноправными коммуникантами, в то же время выступают как политические соперники, при этом провоцируя друг друга на необдуманные высказывания. В парламентских дебатах каждый из оппонентов преследует сходные цели – с наилучшей стороны показать свои сильные стороны и преимущества своей предвыборной кампании и одновременно – недостатки оппонента.

Одной из форм реализации конфронтации в парламентских дебатах является вербальная агрессия. Реплики-реакции на агрессивный вербальный стимул в них довольно разнообразны. С помощью таких реплик один из коммуникантов может попытаться смягчить вербальную агрессию, указав на ее необоснованность, а также показать желание выйти из конфликта.

Так как конфронтационный дискурс был определен как противостояние сторон, выраженное как в конструктивной, так и в деструктивной форме, это дает нам основание считать парламентские дебаты разновидностью конфронтационного дискурса и рассматривать их как особый диалогический политический жанр, выполняющий воздействующе-агитационную и информативную функции.

Исследование парламентских дебатов может проводиться не только с точки зрения их языкового разнообразия, но и с точки зрения их социокультурной институциональности, что, определенно, предполагает изучение, с одной стороны, иерархии ценностей немецкой культуры, на которые ориентированы конструктивный и деструктивный типы дискурса, а с другой – субъекта деятельности в коммуникативно-прагматическом поле.

Изучая культуру другой страны, мы пытаемся воспринять ее сквозь призму собственной, что влечет за собой недопонимание ее «тёмных мест» [Будагов 1977: 165]. Наряду с терминами «фондовая лексика» и «реалии» особый интерес для нас представляет понятие «лакуна», используемое для обозначения не только языковых, но и культурных феноменов.

Классификация культурологических лакун в инокультурном тексте отражает общую информацию о культуре языка и менталитете его носителей [Антипов, Донских, Сорокин, Марковина 1989: 104]:

- субъектные лакуны основаны на стереотипных представлениях о другой культуре (например, ‘немцы – пунктуальный народ’);
- деятельно-коммуникативные лакуны выявляют специфические отличия в деятельности;
- лакуны культурного пространства отражают различие в знаниях представителей разных культур;
- текстовые лакуны представляют собой языковые особенности инокультурного текста.

По мнению Л.И. Гришаевой, механизмы вербализации у представителей конкретной лингвокультуры активизируют разнородные сведения о мире, предоставляя возможность в зависимости от дискурсивных условий выбрать определенную номинативную или же дискурсивную стратегию. Номинативные стратегии дают возможность интерактантам в полной мере доносить друг другу результаты познания, они объединяют все возможные средства именованности элементов внеязыковой реальности. Использование дискурсивных стратегий позволяет перенести номинативные средства на определенные дискурсивные условия, адаптируя, таким образом, результаты речемыслительной деятельности к различным обстоятельствам коммуникативного взаимодействия. Осознанность выбора номинативных и дискурсивных стратегий у коммуникантов различна и подчинена множеству факторов, в частности сфере их профессиональной занятости. Но влияние этих факторов на выбор стратегий не является статичным, это результат рефлексивной деятельности и основная составляющая языковой личности. Содержание и стратегии реализации дискурсивного события культурно обусловлены и в разных языковых культурах схожие события реализуются по-разному и в интерактивном, и в языковом планах. Один из вариантов трактовки соответствующих механизмов вербализации – это их разделение на лексико-

семантические, словообразовательные, грамматические и текстограмматические [Гришаева 2007: 14].

Особенности развития немецкой культуры связаны с довольно поздним, по сравнению с другими европейскими нациями, объединением народа в единое государство. Именно этот фактор, по мнению Н. Фрейя, определяет склонность немцев не к типизации, а к подчеркиванию собственной индивидуальности [Frei 2005: 53].

Взяв за основу положение, что базовые концепты национальной культуры находят свое языковое выражение, мы полагаем, что построение конструктивных и деструктивных высказываний в аргументативном дискурсе парламентских дебатов в Бундестаге происходит под воздействием немецкой культуры, а построение синтаксических конструкций и выбор лексических средств отображают ее специфику. Иерархия ценностей немецкой культуры наполняет процесс коммуникации в условиях конструктивного и деструктивного типов дискурса парламентских дебатов определенным эмоциональным содержанием, придавая отдельным фразам позицию авторитета говорящего, правды и т. д.

Интерпретативный анализ предвыборных текстов, представленный в фундаментальном исследовании немецкого социолога Х. Проса и принимаемый в настоящей диссертации, демонстрирует ярко выраженное стремление немецкого народа к базовой ценности – *Ordnung* (порядок). Тексты анализа представлены также и другими традиционными «немецкими добродетелями»: *Pflicht* (долг), *Disziplin* (дисциплина), *Regel* (правило), *Gehorsam* (послушание), *Recht* (право), *Sicherheit* (безопасность, гарантия), *Unterordnung* (подчинение), а также *Fleiß* (прилежание), *Pünktlichkeit* (пунктуальность) [Pross 1982: 22].

В разработанной А. Томасом теории культурных стандартов описаны базовые составляющие стандартов немецкой культуры: четкая расстановка приоритетов для выполнения конкретных задач, неоспоримая важность правил и структур, четкое планирование, разграничение интересов и сфер жизни [Thomas 2003: 33]. На наш взгляд, представленные культурные стандарты неразрывно связаны с названными базовыми концептами немецкой культуры: *Ordnung*,

Pflicht, Disziplin, Regel, Gehorsam, Recht, Sicherheit, Unterordnung, Fleiß, Pünktlichkeit.

Таким образом, языковые средства, в частности, аксиологические высказывания, отражающие фундаментальные ценности немецкой культуры, являются своеобразными культурными идентификаторами дискурса немецкой культуры в условиях конструктивного и деструктивного речевого взаимодействия.

Более детальный практический анализ аксиологически окрашенных речей политиков в Бундестаге позволит выявить специфику культурных характеристик и базовые ценности немцев посредством лингвистических средств, используемых в конструктивных и деструктивных высказываниях, а также определить частотность их использования.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В главе были рассмотрены ключевые понятия, связанные с изучением феномена конструктивности/деструктивности и факторов успешности коммуникации; представлен аналитический обзор состояния изученности проблемы конструктивности/деструктивности и предложена методика анализа средств выражения конструктивности/деструктивности с учетом иерархии ценностей немецкой культуры.

Определение коммуникативной цели влечет за собой рассмотрение следующих параметров конструктивного и деструктивного общения – их стратегий и тактик. Данный вопрос достаточно подробно освещен в аргументологии, что позволило нам перейти непосредственно к описанию набора стратегий и тактик, которые характеризуют конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие.

Проблема конструктивности/деструктивности общения в аргументативном дискурсе внимательно изучается отечественными и зарубежными лингвистами на

протяжении многих лет, так как исследования в области межличностного общения являются на сегодняшний день одними из ведущих направлений в лингвистике. Исследуемые в настоящей работе конструктивный/деструктивный типы дискурса парламентских дебатов в Бундестаге относятся именно к данному виду межличностного общения, ориентированному на лингвистическую персонологию.

Принципы коммуникативного взаимодействия участников политической коммуникации лежат в основе любой политической деятельности. Принцип конструктивного взаимодействия является определяющим при выборе коммуникативных установок, целей и коммуникативных стратегий и тактик.

Коммуникативные стратегии, взаимодействуя и усиливая друг друга, являются инструментом речевого взаимодействия, и могут быть использованы говорящим при выборе различных целей и коммуникативных установок в обоих типах дискурса (конструктивном и деструктивном).

Далее в исследовании мы остановимся на анализе стратегий дискредитации, самопрезентации, манипуляции и компромисса; определим к какому типу речевого взаимодействия (конструктивному/деструктивному) они относятся, и выясним, какие из представленных стратегий могут быть реализованы в рамках обоих типов дискурса.

Аргументативный аспект конструктивного и деструктивного типов дискурса будет исследоваться сквозь призму ИКД по четырем категориям кодирования высказываний путем интеграции метода структурно-функционального высказывания.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОНСТРУКТИВНОСТИ И ДЕСТРУКТИВНОСТИ В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ В БУНДЕСТАГЕ

Для анализа выражения конструктивного и деструктивного речевого взаимодействия в аргументативном дискурсе были взяты протоколы дебатов в Бундестаге в период с 13 января по 7 июля 2016 г., касающиеся принятий поправок в закон о правах женщин после событий «Кёльнской ночи», общим объемом 122 страницы транскриптов, опубликованных на официальном сайте немецкого Парламента www.bundestag.de.

Тематический выбор материала обусловлен сходством предметной области обсуждения представленных дебатов с дебатами парламента Великобритании от 27 февраля 1998 года «О государственных приоритетах в отношении женщин». Цель обсуждения заключалась в том, чтобы обсудить пути улучшения жизни британских женщин. Проблема защиты прав женщин была одной из основных тем в ходе избирательной кампании 1997 г. и ставилась в приоритет в лейбористском правительстве А. Блэра после выборов. Именно на этом заседании по данной тематике был впервые опробован коэффициент ИКД. Это послужило основанием для использования ИКД в настоящей диссертации для оценки конструктивности/деструктивности дискурса со схожей тематикой. Процесс принятия поправок в закон «О женских правах» в Бундестаге длился 6 месяцев. Первый протокол дебатов, посвященный данной проблеме, является, на наш взгляд, наиболее показательным в плане применения процедур анализа выражения средств конструктивности/деструктивности.

Участниками анализируемых дебатов стали Доктор Оле Шрёдер (Парламентский государственный секретарь при федеральном Министре внутренних дел), Катя Киппинг (Партия Левых), Хайко Маас (Министр юстиции и защиты прав потребителей), Томас Штробль (Хайльбронн): Катрин Геринг-Еккардт (Союз 90/партия Зеленых), Ева Хёгль (СДПГ), Вольфганг Босбах (ХДС/ХСС), Мануэла Швезиг (федеральный Министр по делам семей,

пенсионеров, женщин и молодежи), Андреас Шойер (фракция ХДС/ХСС), Карин Мааг (фракция ХДС/ХСС).

В данной главе рассматриваются стратегии и тактики, используемые политиками в конструктивном и деструктивном взаимодействии с учетом их аргументативно-функционального деления (по принципу 1 тактика $\geq$ Аргументативный Шаг, 1 стратегия $\geq$ Аргументативный Ход). Далее анализируются представленные в высказываниях языковые средства выражения конструктивности/деструктивности с учетом аксиологичности высказываний, что позволяет определить речевоздействующий потенциал дискурсивных единств; затем рассматривается собственно аргументация как способ выражения тактик и посредством ИКД определяется показатель дискурсивного качества дебатов.

2.1. Тактико-стратегические аспекты манифестации речевого взаимодействия

Анализ конструктивного и деструктивного речевого взаимодействия в русле стратегического подхода предполагает изучение стратегий и их тактик, а также коммуникативных установок говорящих. Техника анализа предусматривает рассмотрение выступления каждого оратора, что даёт возможность определить качество дискурсивного «вклада» каждого выступающего в коммуникативное событие.

Как отмечалось в первой главе, в аргументативном дискурсе парламентских дебатов представляется целесообразным рассмотреть четыре стратегии: дискредитации, самопрезентации, манипуляции и компромисса. В рамках представленного деления четыре стратегии будут распределены на две категории: *конструктивные* и *деструктивные макростратегии*.

Предполагается, что не все представленные стратегии будут четко отвечать задачам *макростратегий*, будут и амбивалентные случаи. Исходя из этого, в аналитической процедуре представлена градация – *полярные* и *амбивалентные* стратегии.

К *полярным* стратегиям относятся:

- 1) стратегия дискредитации, которая четко отвечает задачам *деструктивной макростратегии*;
- 2) стратегия компромисса, чётко отвечающая задачам *конструктивной макростратегии*.

К *амбивалентным* стратегиям отнесены:

- 1) стратегия самопрезентации;
- 2) стратегия компромисса.

Достоверно установить к какому из представленных типов макростратегий (конструктивному или деструктивному) относятся амбивалентные случаи, может помочь проверка более точными методами, в частности, коэффициентом ИКД (раздел 2.2.).

Таким образом, определение типа макростратегии позволит определить качество дискурсивного участия каждого выступающего.

Анализ выступления О. Шрёдера

Выступление О. Шрёдера состоит из трех различных тем:

- 1) «Обращение к жертвам Кельнской ночи и общественности»
- 2) «Обращение к парламентариям и силовым структурам»
- 3) «Обращение к прибывшим беженцам»

С учетом аргументативно-функционального деления рассмотрим эти три темы как три аргументативных хода, соответственно, и определим стратегии и тактики в рамках данного деления:

- 1) Стратегия самопрезентации.

Тактики речевого моделирования имиджа и отождествления:

В нашей стране не будет районов, где не действуют законы. Я благодарю всех полицейских, которые той ночью встали на защиту женщин, подвергая себя опасности. Не стоит забывать об этом.

О. Шрёдер обещает общественности предпринять все меры, чтобы подобное больше не повторилось. Его цель – убедить аудиторию в том, что его

позиция заслуживает доверия, пообещав заполнить пробелы в законе, а также решить проблемы численности и обороноспособности полиции. Адресатом являются зрители, поэтому установка у О. Шрёдера на самого себя и на зрителей, тактика отождествления. Лучший способ самопрезентовать себя зрителям – показать свою уверенность и способность действовать решительно в плане принятия поправок в законопроект. О. Шрёдер считает, что он достоин доверия, и хочет, чтобы зрители поддержали его позицию.

В приведенном примере наблюдается и аксиологичность высказывания, он использует идентификатор дискурса немецкой культуры (*Recht*): *Es wird keine rechtsfreien Räume in unserem Land geben*. Суффиксальный способ образования слова с суффиксом *-frei* указывает на отсутствие данного качества, но отрицание *keine* придает всему высказыванию общую конструктивную оценку ('минус на минус дает плюс').

Реализация стратегии самопрезентации осуществляется привлечением внимания к выступающему, к его партии. Отсылка к самому себе является субъектом предложения и выражена с помощью личных местоимений *wir, ich*. Использование притяжательного местоимения *unser* (*In unserem Land*) является решающим в реализации тактики отождествления говорящего с общественностью и ее проблемами. Все предикаты, обозначающие деятельность партии говорящего и его лично, представлены положительной семантикой: *müssen und werden gemeinsam alles dafür tun*, что способствует созданию образа думающего о народе политика.

На основании анализа первой темы «Обращение к жертвам Кёльнской ночи и общественности», реализованной *амбивалентной* стратегией самопрезентации, выявлена ее конструктивная составляющая, которая нуждается в подтверждении более точными методами (коэффициентом ИКД) для определения типа макростратегии (*конструктивной/деструктивной*).

2) Вторая тема «Обращение к парламентариям и силовым структурам» выражена стратегией компромисса; используется тактика интеграции (присоединение оппонента к группе «своих»):

Теперь перед нами стоит задача, поскорее найти преступников, приставить их перед судом и наказать их. Некоторые требуют, чтобы мы приняли более жесткие законы. Другие требуют лучшего исполнения действующих законов. А я говорю: Нам необходимо сделать и то и другое. Население ожидает от нас незамедлительной реакции.

Задача О. Шрёдера – путем компромисса объяснить парламентариям важность принятия новых законов и ужесточения старых. Адресатом являются оппоненты, поэтому установка у О. Шрёдера – на них. О. Шрёдер полагает, что следует убедить оппонентов в том, что его позиция заслуживает доверия. Его цель: побудить адресата к действию: принять новый законопроект. О. Шредер считает, что внесенное им предложение аргументировано (*Население ожидает от нас незамедлительной реакции*), и хочет, чтобы оппоненты поддержали его позицию.

К языковым средствам реализации представленной тактики относятся лексемы со значением общности *beides*, усиливающие интеграцию адресанта с адресатом и смягчающие побудительность; личные местоимения *wir, uns* используется говорящим для обозначения максимально широкого круга лиц – всех, находящихся в зале заседаний.

Результаты анализа второй темы «Обращение к парламентариям и силовым структурам», реализованной *полярной* стратегией компромисса, определили ее конструктивную составляющую.

3) Третья тема «Обращение к прибывшим беженцам» выражена стратегией самопрезентации с использованием тактик речевого моделирования имиджа и поляризации:

Сегодня мы говорим о последствиях этого преступления, и я обращаю свое внимание на преступников. Вам, преступникам новогодней ночи, мы хотим сказать следующее: Если вы приезжаете в Германию, вероятно, для того, чтобы найти защиту и здесь же совершаете ужасные преступления, то вам в нашей стране делать нечего.

Тем, кто ищет убежища и совершает преступления, в будущем мы будем более целенаправленно отказывать в законном признании статуса беженца. Касаясь вопроса о сроках, с какого момента кто-либо не является беженцем, мы установили пороговое значение для упомянутых преступлений снизить от 3 лет лишения свободы до 1 года лишения свободы.

Уважаемые дамы и господа, это жесткая реакция государства по отношению к людям, которые, прибывая к нам, думают, что смогут совершать здесь преступления без того, чтобы Германия не оказывала на них никакого воздействия. Правовое государство должно и будет защищать своих граждан. Защита правового государства подразумевает принятие более жестких законов, если это необходимо. Защита правового государства означает также, что мы должны приспособлять уголовный закон к новым видам преступлений.

Задача О. Шрёдера как должностного лица – бороться с преступными деяниями беженцев путем лишения их данного статуса. Адресатом являются слушающие (зрители) и 3-и лица (беженцы), поэтому установка у О. Шрёдера – на самого себя, на зрителей и на 3-х лиц. Его цель: убедить зрителей в том, что его позиция заслуживает доверия, пообещав лишать преступников статуса беженцев. О. Шрёдер хочет, чтобы зрители поддержали его позицию.

Тактика поляризации используется говорящим как противовес позициям партий, выступающих за «слепую» интеграцию.

Аксиологичность высказываний О. Шрёдера (*werden wir künftig konsequenter die **rechtliche** Anerkennung als Flüchtling versagen... Der **Rechtsstaat** muss und wird seine Bürger schützen. Schutz des **Rechtsstaates** heißt härtere Gesetze, wenn es nötig ist. Schutz des **Rechtsstaates** heißt auch, dass wir Strafgesetze an neue Arten der Tatbegehung anpassen müssen*) основана на градации ценностей немецкой культуры, сопряженных с неоспоримой важностью правил и структур.

Отсылка к самому себе и собственной партии является субъектом высказывания и выражена личным местоимением *wir – мы*, за которым следуют

лексемы с положительной коннотацией и лозунговые конструкции (*Schutz des Rechtsstaates heißt härtere Gesetze*).

Выбор структуры синтаксических конструкций с использованием лексических повторов (анафора и анадиплосис) также рассчитан на оказание воздействия на слушающих и определен стремлением говорящего, усилить нужную ему часть высказывания: *Der Rechtsstaat muss und wird seine Bürger schützen. Schutz des Rechtsstaates heißt härtere Gesetze, wenn es nötig ist. Schutz des Rechtsstaates heißt auch, dass wir Strafgesetze an neue Arten der Tatbegehung anpassen müssen*. Предикаты, характеризующие намерения выступающего, представлены исключительно положительной семантикой: *muss und wird seine Bürger schützen*.

Результаты анализа третьей локальной темы «Обращение к прибывшим беженцам», реализованной *амбивалентной* стратегией самопрезентации, определили ее конструктивную составляющую, которая нуждается в подтверждении более точными методами (коэффициентом ИКД) для определения типа макростратегии (*конструктивной/деструктивной*).

Совокупность речевых действий О. Шрёдера, направленных на достижение его стратегических целей, выражена как *полярной*, так и *амбивалентными* стратегиями; дальнейший анализ посредством коэффициента ИКД позволит точно определить тип макростратегий и общее качество дискурса.

Анализ выступления К. Киппинг

Выступление К. Киппинг состоит из семи различных тем. С учетом аргументативно-функционального деления рассмотрим эти темы и определим стратегии и тактики в рамках данного деления. В рамках стратегии дискредитации выделено 4 темы:

- 1) «Недееспособность полиции»;
- 2) «Интеграция немецких насильников»;
- 3) «Лжезащитники прав женщин»;
- 4) «Расизм и требования ПЕГИДЫ».

1) Стратегия дискредитации.

Тактика обвинения:

То, что произошло на привокзальной площади в Кельне, было грязным мужским эксцессом. Это немыслимо, что полиция не смогла помочь этим женщинам.

Задача К. Киппинг – косвенно обвинить предыдущего оратора (О. Шрёдера), в его серьезном должностном упущении – неспособности обеспечить земли достаточным количеством полицейских. В данном случае контакт непосредственный, так обвиняемое лицо, адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально. Непосредственный контакт определяет содержание установки говорящего на конфронтацию с оппонентом (обвиняемым). К. Киппинг оценивает предложения и действия оппонента отрицательно и обвиняет оппонента в нелогичности его суждений. Установка на адресата-наблюдателя определяет цель говорящего – убедить зрителей, что упущения О. Шрёдера привели к нынешним последствиям; адресант хочет, чтобы оппонент узнал об этой негативной оценке и был уязвлен.

Использование существительного с отрицательным оценочным значением *ein Unding* – абсурд придает обвинению экспрессивность суждения.

Результаты анализа первой темы «Недееспособность полиции», реализованной полярной стратегией дискредитации, определили ее деструктивную составляющую.

2) Стратегия дискредитации.

Тактика обвинения:

Если Вы, господин Шредер, говорите об обязательной интеграции, то я считаю, что это должно касаться всех насильников. Немецкие насильники, очевидно, также должны интегрироваться.

Вспомним, что еще в 1997 году большая часть Союза была против того, чтобы отменить безнаказанность насилия в браке – как будто свидетельство о браке могло бы сделать насилие более мягким.

Устраните, наконец, пробелы в законе, а не делайте беженцев виновными во всем!

Задачи К. Киппинг: а) косвенно обвинить предыдущего оратора в непоследовательности (нелогичности) его позиции касаясь взаимосвязи защиты прав женщин в целом и конкретно – событий, связанных с домогательствами иностранцев в новогоднюю ночь; б) косвенно обвинить политиков (партии), которые, прикрываясь заботой о женщинах и их правах, пытаются решить вопрос о скорейшем выдворении иностранцев. Данной тактике обвинения несвойственны имплицитные ходы, поэтому критика оппонента выражена эксплицитно и четко, с явным личным обращением (*Wenn Sie, Herr Schröder, von einer Integrationspflicht reden*). В данном случае – контакт непосредственный, так обвиняемое лицо, адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально. Непосредственный контакт определяет содержание установки говорящего на конфронтацию с оппонентом (обвиняемым). К. Киппинг оценивает предложения и действия оппонента отрицательно и старается убедить адресата-наблюдателя в ошибочности суждений оппонента. Установка на адресата-наблюдателя определяет цель говорящего – убедить зрителей, что суждения, выдвигаемые О. Шрёдером необоснованны и непоследовательны.

В приведенном примере можно также говорить об аксиологичности высказывания К. Киппинг в рамках деструктивного речевого взаимодействия. Она использует стратегию дискредитации, тактику косвенного обвинения в адрес правительства, используя маркер дискурса немецкой культуры (*Pflicht*): *Wenn Sie, Herr Schröder, von einer Integrationspflicht reden, so finde ich, dass sie für alle Gewalttäter gelten muss* – контекстуальный фон «указание к действию» определяют общую деструктивную оценку всего аксиологичного высказывания.

К лексическим средствам выражения деструктивности в представленной тактике следует отнести сему агрессии и нападения, выраженную сослагательным наклонением – *als ob ein Trauschein eine Vergewaltigung weniger schlimm machen würde*, подчеркивающим невозможность разрешения проблемы таким образом. Противительная связь в побудительном

предложении – *Also schließen Sie endlich diese Schutzlücke, anstatt Geflüchtete unter Generalverdacht zu stellen!* – выражает экспрессивность говорящего и его эмоциональный деструктивный настрой.

Результаты анализа второй темы «Интеграция немецких насильников», реализованной полярной стратегией дискредитации, определили ее деструктивную составляющую.

3) Стратегия дискредитации.

Тактика обвинения:

Удивительно то, что все перед лицом мусульманских беженцев теперь вдруг превратились в защитников женщин. Многие, кто теперь якобы в интересах защиты женщин выступает против сексуального насилия в программе «Иностранцы вон» до недавнего времени еще были за то, чтобы вывести деньги из благотворительных фондов женщин. Поэтому многие феминистки говорят: Мы не позволим использовать себя в интересах расизма.

Также в дебатах о Кельне удивляет следующее: Почти каждый задает следующий вопрос: Как быстрее и эффективнее депортировать иностранцев? Тот, кого действительно волнует вопрос защиты женщин, должен был бы поставить вопрос, все же, иначе: Как мы можем защитить женщин, детей и мужчин, в целом от сексуального насилия?

Задача К. Киппинг, ее коммуникативные установки и цель в рамках третьей темы, равно как и четвертой, полностью совпадают с представленными во второй теме, что позволяет перейти непосредственно к анализу языковых средств.

Используя лексический усилитель с деструктивным конфликтным потенциалом – частицу *doch*, К. Киппинг делает акцент на недостатки политического решения правящей коалиции. Использование сослагательного наклонения в придаточном относительном предложении, подчеркивает факт упущенной возможности с указанием субъекта действия (*Wem es wirklich um die Frauen geht, der müsste die Frage doch anders stellen*).

К синтаксическим средствам выражения тактики обвинения следует отнести рамочную конструкцию верификативных вопросительных предложений –

*Bei fast allen lautet die Fragestellung: **Wie können wir Ausländer schneller und effizienter abschieben?** Wem es wirklich um die Frauen geht, der müsste die Frage doch anders stellen: **Wie können wir Frauen, Kinder und Männer generell besser vor sexualisierter Gewalt schützen?*** – в рамках данной конструкции говорящим представлено резкое оценочное суждение относительно истинности намерений оппонентов (*Как быстрее депортировать беженцев?* вместо того, чтобы *как вообще искоренить проблему сексуального насилия?*). Обратный порядок слов в предложениях также свидетельствует об экспрессивности высказывания и его деструктивной конфликтной составляющей.

Результаты анализа третьей темы «Лжезащитники прав женщин», реализованной *полярной* стратегией дискредитации, определили ее общую деструктивную составляющую.

4) Стратегия дискредитации.

Тактика обвинения в выборе позиции, оказавшейся на деле ошибочной:

Я считаю безответственным, что политики и СМИ еще больше разжигают этот расизм. Необходимо бороться с сексуальным насилием и преступностью. Но тот, кто заряжает эту борьбу культурным смыслом, кто производит впечатление, будто это частная проблема какой-то определенной культуры или религии, в конечном итоге относит себя к числу приспешников партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) или ПЕГИДЫ.

Вы только посмотрите на перечень требований, который был составлен ПЕГИДОЙ год назад! Половина из этих пунктов полностью или частично уже реализована.

Кто считает, что авторитет АдГ и ПЕГИДЫ подрывается, тот только поддакивает им и жестоко ошибается. Совсем наоборот: Вы тем самым только придаете им сил.

Тактика обвинения в выборе позиции, оказавшейся на деле ошибочной, в стилистическом обрамлении представлена антитезой (*zu schwächen – man stärkt*). Говорящий подразумевает, что поведение оппонента наносит вред обществу, выступающий реализует ее с помощью лексики с коннотациями глупости

(*поддакивает, жестоко ошибается*): *Wer glaubt, AfD und Pegida zu schwächen, indem man ihnen nach dem Mund redet, der irrt gewaltig. Ganz im Gegenteil: Man stärkt sie damit.* Использование лексических повторов (анафора) в структуре придаточных относительных предложений *Wer..., der... – тот..., кто...* усиливает обвинение.

Результаты анализа четвертой темы «Лжезащитники прав женщин», реализованной *полярной* стратегией дискредитации, определили ее общую деструктивную составляющую.

Рассмотрим теперь высказывания К. Киппинг с учетом стратегических целей и тактических задач в рамках стратегии самопрезентации; выделено 3 темы:

- 1) «Устранение пробелов в законе»;
- 2) «Женские приюты»;
- 3) «Поддержку пострадавшим».

С учетом аргументативно-функционального деления рассмотрим эти три темы как три соответствующих аргументативных хода и проанализируем выбор языковых средств, в рамках представленной стратегии:

- 1) Стратегия самопрезентации.

Тактика речевого моделирования имиджа:

*Поэтому я думаю: Мы должны **обсуждать и бороться против сексуального насилия**, тем более, если преступники якобы не иностранцы.... Тот, кого действительно волнует вопрос защиты женщин, должен был бы поставить вопрос, все же, иначе: **Как мы можем защитить женщин, детей и мужчин, в целом от сексуального насилия?***

Задача К. Киппинг – обещание бороться против сексуального насилия во всех его проявлениях, а не только с домогательствами беженцев, как это делает правящая партия. Адресатом являются зрители, поэтому установка у К. Киппинг на саму себя и на зрителей. Лучший способ убедить зрителей в том, что ее позиция заслуживает доверия – показать свою способность решить проблему насилия глобально, а не от случая к случаю. Её цель: К. Киппинг хочет убедить зрителей в том, что ее позиция заслуживает доверия, в отличие от пошатнувшейся

позиции оппонента. К. Киппинг считает, что она достойна доверия, и хочет, чтобы зрители поддержали ее позицию и заметили упущение оппонентов.

2) Стратегия самопрезентации.

Тактика поляризации:

В последние дни большинство политиков неоднократно подчеркивали, как важно защитить женщин от сексуального насилия. Так вот, когда речь пойдет о финансировании «Женских приютов», мы напомним вам ваши слова.

Задача К. Киппинг – напомнить, что они всегда выступали за финансирование женских приютов, в отличие от оппонента. Адресатом являются зрители, поэтому установка у К. Киппинг на саму себя и на зрителей. К. Киппинг полагает, что следует убедить зрителей в том, что ее позиция заслуживает доверия. Лучший способ убедить зрителей в этом – показать свою решительность в стремлении помочь нуждающимся. Её цель – убедить зрителей в том, что ее позиция заслуживает доверия, в отличие от пошатнувшейся позиции оппонента. К. Киппинг хочет, чтобы зрители поддержали ее позицию и заметили упущение оппонентов.

3) Стратегия самопрезентации.

Тактика речевого моделирования имиджа:

Чтобы избежать подобных ситуаций в будущем, я считаю, что сотрудникам полиции необходимо повторно пройти подготовительные курсы по наступлению, проводить консультации, как грамотно вести себя в такой деликатной ситуации.

Задача К. Киппинг, ее коммуникативные установки и цель в рамках третьей темы, полностью совпадают с описанными во второй теме, что позволяет перейти непосредственно к общему анализу языковых средств, посредством которых реализована стратегия самопрезентации.

Реализация стратегии самопрезентации происходит на фоне предшествующей стратегии дискредитации, что определяют ее деструктивную направленность; это подтверждает и выбор языкового материала: *Wem es wirklich um die Frauen geht, der müsste die Frage doch anders stellen* – использование

сослагательного наклонения в придаточном относительном предложении, подчеркивает факт упущенной возможности с указанием субъекта действия; лексический усилитель с деструктивным конфликтным потенциалом – частица *doch* придает высказыванию экспрессивность.

Параметры анализа всех семи тем выступления К. Киппинг, реализованных *полярными* стратегиями дискредитации и *амбивалентными* стратегиями самопрезентации не позволяют четко определить тип макростратегии и общее качество дискурса говорящего, что предполагает необходимость анализа выступления посредством коэффициента ИКД.

Анализ выступления Х. Мааса

Выступление Х. Мааса представлено 3 аргументативными ходами в рамках темы «будущее–настоящее–прошлое» и выражено в стратегиях самопрезентации:

Тактика речевого моделирования имиджа:

По отношению к иностранцам, которые совершают уголовно наказуемые деяния на территории нашей страны, в будущем мы применим проект, вчера предложенный мной и г-ном де Мезьер, по скорейшей депортации за пределы государства. По моему твердому убеждению, изменения в законе о высылке мигрантов из страны, которые были предложены нами, не только уместны, а просто необходимы.

Мы внесем поправки в еще один пункт. Конечно, в законе о защите есть пробелы; это показали случаи сексуальных домогательств и даже изнасилования. Поэтому Федеральное правительство уже в декабре прошлого года представило законопроект, благодаря которому мы обязательно заполним пробелы в законе о защите.

Одно надо сказать определенно точно: Мы не допустим, чтобы преступники в нашей стране нарушали общественный покой, и абсолютно неважно кто это делает, заслуживающие наказания иностранцы или немецкие праворадикалы.

Задача Х. Мааса – бороться с преступными деяниями беженцев путем принятия поправок в закон. Адресатом являются зрители, поэтому установка у говорящего – на самого себя и на зрителей. Х. Маас полагает, что следует убедить зрителей в том, что его позиция заслуживает доверия. Лучший способ убедить зрителей в этом – показать свою дальновидность и озабоченность вопросом о правах женщин еще до случившегося инцидента. Его цель: Х. Маас хочет убедить зрителей в том, что его позиция заслуживает доверия, пообещав заполнить все пробелы в законе.

Аксиологичность высказываний Х. Мааса (*Wir ändern das Recht auch an einer anderen Stelle*) основана на градации ценностей немецкой культуры и сопряжена с базовым концептом немецкой культуры *Recht*. Положительная семантика предиката *Wir ändern das Recht* характеризует намерение говорящего как конструктивное.

В реализации стратегии самопрезентации Х. Маас привлекает внимание к себе и своей партии. Отсылка к самому себе и собственной партии представлена подлежащим предложения, выраженным личными местоимениями *wir, ich*.

Использование будущего времени в лексических повторах придает высказываниям говорящего форму лозунгов и делает их правдивее: *Wir werden... Wir werden...*

Совокупность речевых действий Х. Мааса, направленных на достижение его цели, выражена *амбивалентной* стратегией, что предполагает необходимость анализа посредством коэффициента ИКД.

Анализ выступления К. Геринг-Еккардт

Выступление К. Геринг-Еккардт представлено особым переплетением двух стратегий дискредитации и самопрезентации. Было рассмотрено семь случаев использования стратегии дискредитации с тактиками обвинения и четыре случая использования стратегии самопрезентации с тактиками поляризации и речевого моделирования имиджа. Приведем в качестве примера одно из таких взаимодействий:

Проблема сексуальных домогательств в общественных местах не нова. Эта проблема была актуальна еще до наплыва беженцев. Слабые женщины, подвергшиеся сексуальным домогательствам, всегда оставались без защиты закона. Именно поэтому, господин Маас, моя фракция еще прошлым летом внесла предложение, о необходимости устранения данного недочета. Вы же тогда высказались против данного предложения. И правительство оставило этот вопрос нерешенным. Женское «нет» должно уважительно восприниматься. Женщины давно могли бы быть под защитой закона. Жертвы той ночи в Кельне – это Ваше упущение, ведь по закону преступники не могут быть наказаны, и это факт.

В данном примере реализуется сочетание двух стратегий, создается антитеза: стремление партии Зеленых, еще задолго до инцидента в Кельне, внести поправки в законопроект о женских правах и бездействие в этом вопросе главы Минюста.

Председатель парламентской фракции партии «Союз-90/Зеленые» Катрин Геринг-Эккардт, обсуждая события новогодней ночи (2016 г.) в Кельне, когда сотни женщин подверглись грабежу и сексуальному домогательству со стороны мужчин, использует тактику поляризации (**meine Fraktion – Sie**) в стратегии самопрезентации. Она улучшает свой имидж, напоминая, что ее фракция еще прошлым летом предлагала внести поправки в закон о женских правах и, что проблема насилия была актуальна и до наплыва беженцев. При этом она ухудшает имидж – стратегия дискредитации – главы Минюста Х. Мааса (СДП), который предложил тогда, оставить все как есть и не вносить поправок в законопроект. К. Геринг-Эккардт, используя тактику обвинения, дискредитирует Х. Мааса и указывает всему правительству на серьезное упущение, при этом использует в своей реплике сослагательное наклонение (***Sie hätten dieses Gesetz schon haben können.***), подчеркивая факт упущенной возможности.

Коммуникативная задача К. Геринг-Эккардт – напрямую обвинить Х. Мааса в недальновидности, и в то же время улучшить свой имидж. Непосредственный контакт дает установку говорящего на конфронтацию с

оппонентом (обвиняемым), на саму себя и на адресата-наблюдателя. К. Геринг-Эккардт оценивает упущение оппонента отрицательно и старается убедить адресата-наблюдателя в его недалёковидности. Её цели: а) умаление авторитета главы Минюста: убедить зрителей, что ошибочная в свое время позиция оппонента привела в условиях наплыва беженцев к печальным последствиям и невозможности наказать виновных; б) продемонстрировать свою дальновидность в данном вопросе.

Следует также отметить аксиологичность этого выступления. Иерархия ценностей немецкой культуры служит автору основанием для формирования тактики Прямого обвинения и самопрезентации (себя и своей коалиции) в условиях деструктивности дискурса (ср.: *rechtlos* – суффиксальный способ образования слова, суффикс указывает на отсутствие данного качества): *Frauen sind bei Übergriffen in vielen Fällen bislang **rechtlos***.

Постоянное использование модально-усилительной частицы **schon** усиливает модальность и эмоциональность высказывания.

В синтаксическом плане в выступлении К. Геринг-Эккардт преобладали восклицательные и вопросительные предложения, отдельного внимания заслуживают уточняющие и риторические вопросы, усиливающие деструктивную функцию парламентской конфронтации:

*Tun Sie aber bitte nicht so, als wäre das die zentrale Antwort. **Wohin wollen Sie denn die Flüchtlinge abschieben? Nach Syrien, nach Madaja oder Rakka? Sie wissen, dass das nicht geht. Es gibt eben Probleme, die sich nicht ganz schnell mit dem Bundesgesetzblatt erschlagen lassen.***

В лексическом плане следует отметить экспрессивность высказываний Катрин Геринг-Эккардт: оценочная лексика – *Es ist **bitter notwendig**, dass wir das jetzt zügig umsetzen.*, eine **völlig enthemmte Hetze**; маркеры чуждости – *Die gesamte **Bundesregierung hat diese Gesetzesänderung verschleppt***; средства усиления воздействия: лексический повтор как имплицитное средство деструктивного речевого воздействия – *Deutschland hat eine wehrhafte Demokratie... Wir haben eine wehrhafte Demokratie. Wenn Rocker und Türsteher in Köln auf Ausländerjagd*

*gehen und versuchen, Selbstjustiz zu üben, dann ist klar: Das muss Konsequenzen haben. **Wir haben eine wehrhafte Demokratie**, und die Anschläge auf Asylbewerberheime reißen nicht ab. **Wir haben eine wehrhafte Demokratie**, und mehrere Hundert rechtsradikale Täter sind in Deutschland – wie uns die Bundesregierung gerade auf eine Anfrage hin gesagt hat – nach wie vor auf freiem Fuß. **Wir haben eine wehrhafte Demokratie**, und wir sehen und erleben eine völlig enthemmte Hetze und Androhung von Gewalt im Netz, meine Damen und Herren.*

Анализ речевых и языковых средств выступления К. Геринг-Эккардт определил их деструктивное конфронтационное содержание, поскольку *амбивалентная* стратегия самопрезентации была реализована лишь во взаимодействии с *полярной* стратегией дискредитации. Тип макростратегии – *деструктивная*.

Анализ выступления Т. Штробля

Выступление Т. Штробля представлено сочетанием стратегий манипуляции и компромисса. Выявлено и рассмотрено два случая использования стратегии манипуляции с тактиками побуждения и два – стратегии компромисса с тактиками интеграции, признания ошибки, одобрения.

Рассмотрим примеры использования стратегии манипуляции с тактиками побуждения:

*1) Наша полиция: Да, мы делаем что-то для нашей федеральной полиции. Есть больше ресурсов, больше персонала и больше возможностей. **В бюджет на этот год мы заложили 3000 дополнительных рабочих мест для нашей федеральной полиции. Это может быть образцом для подражания для государственной полиции. Необходимо быстро реагировать, если мы осознаем, что нам необходимо ужесточить наши законы.***

Цель Т. Штробля – путем конструктивного взаимодействия навязать свое мнение правительству в вопросе выделения большего числа административных единиц на всей территории Германии. Его задача – побудить правительство к выделению большего числа административных единиц, обеспечивающих

соблюдение правопорядка. В данном случае – контакт непосредственный, так как адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально. Явная установка говорящего на адресата, самого себя и слушающих.

Повелительная форма усилена повтором. Личное местоимение *wir* представлено в данном примере в манипулятивном значении. Лексическими средствами выражения стратегии манипуляции являются повторы и модальные глаголы: *Es gibt **mehr** Mittel, **mehr** Personal und **mehr** Möglichkeiten. In diesem Haushalt haben wir 3 000 zusätzliche Stellen für unsere Bundespolizei geschaffen. **Das darf** ein Vorbild auch für die Landespolizeien sein.*

Модальное значение лексемы *notwendig* – *необходимо*, представленной в повторах, выражает требование с апеллятивной (побуждающей занять выгодную говорящему позицию) функцией.

2) *Необходимо уточнить, что у нас есть **правила и законы, которым все должны следовать** – неважно, откуда приехали. А также то, что мы приложим максимум усилий, чтобы следовать данным законам.*

Задача Т. Штробля, его коммуникативные установки и цель полностью совпадают с описанными выше, что позволяет перейти непосредственно к общему анализу языковых средств, посредством которых реализована стратегия манипуляции.

В данном примере следует отметить аксиологичность высказывания Т. Штробля. Маркеры дискурса немецкой культуры выражены базовыми концептами *Regeln* и *Rechtsvorschriften* наряду с характеризующими намерения говорящего предикатами (*halten müssen, durchzusetzen*), представленными положительной конструктивной семантикой, что в целом формирует конструктивное речевое воздействие:

*Zu dieser Wertediskussion gehört auch, dass es bei uns **Regeln und Gesetze** gibt, an die sich **alle halten müssen** – egal woher man kommt. Und es gehört auch dazu, dass wir die Kraft in diesem Land entwickeln, unsere **Rechtsvorschriften von Anfang an konsequent durchzusetzen.***

Результаты рассмотрения выступления Т. Штробля, реализованного *амбивалентной* стратегией самопрезентации, не позволяют определить тип макростратегии. Анализ посредством коэффициента ИКД определит качество дискурса.

Рассмотрим использование Т. Штроблем стратегий компромисса.

Тактика «призыва к сотрудничеству»:

Давайте воспринимать события в Кёльне как на сигнал. В Германии не может быть тупиков. В Германии не может быть незаконных пространств. Сейчас самое подходящее время, чтобы устранить недопонимание, чтобы женщины и мужчины и днем, и ночью могли свободно перемещаться. К этому мы должны стремиться.

Я премного благодарен федеральному министру юстиции и федеральному министру внутренних дел за то, что мы пришли к взаимопониманию в столь короткие сроки. Эта коалиция не только говорит, но и действует.

Тактика «признания ошибок»:

В большой коалиции мы сделаем все для того, чтобы вернуть утраченное доверие в наше правовое государство. Мы работаем над этим. И я призываю Вас к сотрудничеству.

Цель Т. Штробля – путем нахождения компромисса и признания ошибок сформировать конструктивный эмоциональный настрой оппонентов. Его коммуникативная задача – конструктивным путем выразить свое одобрение действиями правительства в вопросе отказа в статусе беженцев определенной группе лиц и признать факт утраченного доверия народа к действиям государства. Присутствует и установка говорящего на адресата. В данном случае – контакт непосредственный, так как адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально. Установка – на самого себя и на общественность.

Аксиологичность высказываний Т. Штробля выражена базовым концептом *Recht*; усиленная драматичность лексемы *verlorengegangenes Vertrauen* компенсирована предикатом с положительной конструктивной семантикой: *Wir*

werden in der Großen Koalition alles dafür tun, verlorengangenes Vertrauen in unseren Rechtsstaat wiederherzustellen.

Использование перформативного глагола *bitten* – *просить* выражает просьбу в адрес оппонентов. Лексические повторы, выраженные негативной коннотацией в сочетании с отрицанием (*В Германии не может быть тупиков. В Германии не может быть незаконных пространств*) выражают явное стремление говорящего к компромиссу.

Результаты анализа выступления, реализованного *полярной* стратегией компромисса, определили его конструктивную составляющую.

Анализ выступления Е. Хёгль

Выступление Евы Хёгль представлено тремя темами:

- 1) «Это и наша вина»;
- 2) «Проблема не в законе, а в его исполнении»;
- 3) «Наша задача – защита прав народа».

Рассмотрим эти темы, соответственно, в рамках стратегий компромисса, дискредитации и самопрезентации и разберем их тактики и определим тип макростратегии.

- 1) Стратегия компромисса.

Тактика «Признания ошибок»:

В первую очередь речь идет о том, что мы виноваты также и перед жертвами – следует пролить свет на эти преступления и немедленно наказать виновных. Такими должны быть последствия Новогодней ночи в Кельне. Это очень важно дойти до сути проблемы. Факты не должны использоваться для расистской травли. Национальная принадлежность преступников ни в коем случае не должна привести к ответному преследованию их наций.

Тактика «Призыва к согласию»:

После объективного и детального обсуждения, мы должны совместно определить недочеты, а далее мы должны будем быстро и спокойно их

устранять. Этим мы сейчас и занимаемся, тем самым, демонстрируя свою способность действовать. Я также благодарна тому, что мы способны быстро отреагировать на любую ситуацию, о чем говорил и Хайко Маас, и тут мы скажем: мы должны ещё раз укрепить пункты закона, дающие право на выдворение, даже если мы это уже делали. Иностранным преступникам не место в Германии. Я считаю это правильным заключением.

Цель Е. Хёгль – путем нахождения компромисса сформировать конструктивный эмоциональный настрой оппонентов. Ее коммуникативная задача – убедить оппонентов в их общем упущении и необходимости принятия совместного решения. Установка говорящего – на адресата, зрителей и на самого себя. В данном случае – контакт непосредственный, так как адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально.

Аксиологичность высказываний Е. Хёгль представлена базовым концептом *Recht* в сочетании с предикатом положительной семантики: *Wir müssen unser Ausweisungsrecht noch einmal verschärfen.*

Результаты анализа выступления Е. Хёгль, реализованного *полярной* стратегией компромисса, определили его конструктивную составляющую.

2) Стратегия дискредитации.

Тактика упрёка:

Не должно быть такого места, как Ямель в Мекленбург – Передней Померании, где демократы не могут спокойно жить, где демократы не могут жить больше спокойно, потому что там господствуют правоэкстремисты.

Для этого, дорогие коллеги, мы должны не закон менять, а должны продемонстрировать нашу способность действовать, что мы и делаем. Мы должны применять и исполнять на практике существующие законы. Нам нужно достаточное количество полиции – это уже было сказано: я еще раз подчеркиваю – эффективная работа правоохранительных органов и необходимый судебный потенциал.

Цель Е. Хёгль – умаление имиджа действующего правительства. Её задача – обвинить правительство в бездействии в вопросах, связанных с господством

правоэкстремистов. Установка говорящего на адресата и на зрителей. В данном случае – контакт непосредственный, так обвиняемое лицо, адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально. Ева Хёгль оценивает «бездействие» оппонентов отрицательно и старается убедить адресата-наблюдателя в неспособности правительства принять радикальные меры для решения данной проблемы.

Деструктивный конфликтный потенциал представлен противительной синтаксической связью: *Dafür, liebe Kolleginnen und Kollegen, müssen wir zunächst einmal überhaupt kein Gesetz ändern, sondern wir müssen Handlungsfähigkeit demonstrieren*; а также сравнением как знаком равенства между оппонентами и негативными событиями: ... *Es darf auch keine Orte wie Jamel in Mecklenburg-Vorpommern geben.*

Результаты анализа выступления Е. Хёгль, реализованного полярной стратегией дискредитации, определили его деструктивную составляющую.

3) Стратегия самопрезентации.

Тактика речевого моделирования имиджа:

Мы должны сделать так, чтобы все жители повсюду чувствовали себя уверенно, и днем и ночью, и на вокзале, и в других местах. Это наша общая задача.

Задача Е. Хёгль – обещание дать народу уверенность в завтрашнем дне. Адресатом являются зрители, поэтому установка у говорящего на саму себя и на зрителей. Её цель: Е. Хёгль хочет убедить зрителей в том, что ее позиция заслуживает доверия, пообещав ужесточить существующие законы.

Аксиологичность высказываний Е. Хегль (*Wir müssen es schaffen, dass alle Bürgerinnen und Bürger sich überall sicher fühlen*) основана на градации ценностей немецкой культуры, сопряжена с базовым концептом немецкой культуры *Sicherheit*. Положительная семантика предиката характеризует намерение говорящего как конструктивное.

Результаты анализа выступления Е. Хёгль, реализованного *амбивалентной* стратегией самопрезентации, требуют проверки более точными методами (коэффициентом ИКД) для определения типа макростратегии.

Анализ выступления В. Босбаха

Выступление В. Босбаха представлено сочетанием стратегий: дискредитации, самопрезентации и манипуляции в рамках трех тем:

- 1) «Незнание законов»;
- 2) «У нас хватает полицейских, не как у вас...»;
- 3) «Коррекция политического курса».

1) В первой теме стратегия дискредитация реализована тактиками обвинения:

а) *И если имеется предписание, их нужно депортировать. А как иначе? Вообще удивительно, что приходится говорить об этом. Почему? Потому что, как показывает практика, не все это понимают.*

Задача В. Босбаха – косвенно обвинить оппонентов в их некомпетентности и неспособности действовать и решать проблемы в рамках существующих законов. Данной тактике обвинения несвойственны имплицитные ходы, поэтому критика оппонента выражена эксплицитно и четко, с явным обращением. Установка говорящего – на адресата и на зрителей. В данном случае – контакт непосредственный, так обвиняемое лицо, адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально. Цель – убедить зрителей, что суждения, выдвигаемые оппонентами необоснованны и непоследовательны.

К синтаксическим средствам выражения деструктивности в представленной тактике следует отнести риторические вопросы, выраженные имплицитным сарказмом: *Warum muss man das eigentlich sagen? Weil es offensichtlich in der Praxis nicht selbstverständlich ist.*

б) *Госпожа Гёринг-Эккардт, было интересно узнать, что партия Зелёных требует теперь больше полиции. Когда-то было иначе. ... Ваше утверждение,*

которое на самом деле является верным, звучало бы намного достоверней, если бы Вы в свете событий в Берлине и Северной Рейн-Вестфалии в 2000 году не поспособствовали значительному сокращению полицейских участков.

Цель В. Босбаха – умаление значимости высказываний К. Геринг-Эккардт. Его задача – обвинить её в том, что слова её по факту расходятся с действиями. Установка говорящего на адресата и на зрителей. В данном случае – контакт непосредственный, так обвиняемое лицо, адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально.

Деструктивность позиции адресата усилена сослагательным наклонением с отсылкой к событиям прошлого, несогласующимся с нынешними высказываниями оппонента. Объектом обвинения автоматически становится вся партия Зеленых *Sie – die Grünen*.

Результаты анализа полярной стратегии дискредитации позволяют определить деструктивный тип макростратегии в рамках представленной темы.

2) Вторая тема представлена *амбивалентной* стратегией самопрезентации и реализована тактикой поляризации:

Мы ответственны за Федеральное Ведомство и ведомство по защите конституции. Мы отвечаем за федеральную полицию и за уголовный розыск.

Существенное сокращение рабочих мест, которое происходило в некоторых федеральных землях, никогда не исходило от государства, причём независимо от того, кто был во главе. Напротив: наблюдается существенное увеличение числа рабочих мест в стране. Что касается ответственности, то в каждой земле ситуация своя. Многие земли сократили рабочие места.

Задача В. Босбаха – напомнить, что они всегда выступали за сохранение численности полицейских, в отличие от оппонента; коммуникативный ход – «Свой – чужой». Адресатом являются зрители, поэтому установка у В. Босбаха – на самого себя и на зрителей. В. Босбах полагает, что следует убедить зрителей в том, что его позиция заслуживает доверия. Лучший способ для этого – напомнить о фактах. Его цель: В. Босбах хочет убедить зрителей в том, что его позиция и действия заслуживает доверия, в отличие от пошатнувшейся позиции оппонента.

В. Босбах считает, что он достоин доверия, и хочет, чтобы зрители поддержали его позицию и заметили упущение оппонентов.

Антитеза (*den massiven Stellenabbau – einen deutlichen Aufwuchs der Stellen*) противопоставляет действия говорящего действиям оппонента в выгодном для говорящего свете.

3) Третья тема представлена *амбивалентной* стратегией манипуляции, тактикой трансформации ситуации:

... наш закон о предоставлении убежища не знает верхних пределов. Наш закон о предоставлении убежища не знает вообще никаких границ. Но это вовсе не означает, что в нашей стране свободная интеграция. Это не относится ни к обществу, ни к рынку труда.

Наша страна перегружена. Поэтому нам необходимо скорректировать наш политический курс. Потеря контроля, которая присутствует с прошлого лета, должна быть устранена как можно быстрее.

Задача В. Босбаха – представить ситуацию с наплывом беженцев в выгодном для себя свете. Адресатом являются зрители, поэтому установка у В. Босбаха – на самого себя и на зрителей. В. Босбах полагает, что следует убедить зрителей в том, что его позиция заслуживает доверия. Лучший способ убедить зрителей в этом – обострить ситуацию и напомнить, что Германия не «резиновая», как думает действующее правительство. Его цель – убедить зрителей в том, что необходима корректировка политического курса. В. Босбах считает, что он достоин доверия, и хочет, чтобы зрители поддержали его позицию и заметили упущение оппонентов.

В качестве лексического средства трансформации ситуации выступает гипербола (*Unser Asylrecht kennt keine Quoten und kennt keine Höchstgrenzen*), которая привносит эмоциональность в данное высказывание. В. Босбах вместо того, чтобы аргументировано решать вопрос, намеренно трансформирует ситуацию в деструктивный конфликт.

В приведенном примере можно также говорить об аксиологичности высказывания В. Босбаха в рамках деструктивного речевого взаимодействия. Он

использует маркер дискурса немецкой культуры (*Recht*) в сочетании с отрицательной семантикой *keine Quoten, keine Höchstgrenzen*, что в целом определяет деструктивное содержание высказывания.

Анализ речевых и языковых средств выступления В. Босбаха выявил наличие *полярных и амбивалентных* стратегий, поэтому для определения типа макростратегий потребуется анализ посредством коэффициента ИКД.

Анализ выступления Мануэлы Швезиг

Выступление М. Швезиг представлено двумя темами в рамках стратегий компромисса:

- 1) «Мы все виноваты»;
  - 2) «К согласию во всех демократических фракциях».
- 1) *Полярная* стратегия компромисса.

Тактика признания ошибок:

Мы виноваты перед женщинами, которые прошли в новогоднюю ночь в Кёльне и других городах через то, что, до сегодняшнего дня, казалось нам невыносимым, мы виноваты также и перед женщинами, которым приходится и в обычной жизни сталкиваться с насилием и чувствовать себя одинокими в своей беде, потому как об этом не принято говорить. Это касается места работы, круга знакомых, метро и даже собственного дома. Мы виноваты перед каждой женщиной.

Признание ошибок выражено перформативно со значением сожаления и усилено лексическими повторами: *Wir sind das den Frauen schuldig, die in Köln und in anderen Orten in der Silvesternacht Schlimmes erlebt haben, in einer Form, die wir uns so bisher nicht vorstellen konnten, und wir sind es auch den Frauen schuldig, die Übergriffe im Alltag erleben und sich vielleicht manchmal allein mit diesem Thema fühlen, weil es nicht angesprochen wird. Das betrifft den Arbeitsplatz, den Bekanntenkreis, die U-Bahn oder auch das Zuhause. Wir sind es jeder einzelnen Frau schuldig.*

- 2) *Полярная* стратегия компромисса.

Тактика призыва к сотрудничеству:

Но я думаю, что сейчас речь идет не о взаимных подсчетах того, кто и сколько сотрудников полиции предоставил. Речь идет о согласии всех демократических фракций. Мы должны сказать следующее: мы хотим использовать данный инцидент, как возможность расширить права женщин, которые пережили подобное и привлечь преступников к ответственности по суду.

Цель М. Швезиг – путем признания своих ошибок и призыва к сотрудничеству сформировать конструктивный эмоциональный настрой оппонентов. Ее задача – убедить оппонентов в их общем упущении и необходимости принятия совместного решения. Установка говорящего на адресата, на самого себя и на зрителей. В данном случае – контакт непосредственный, так как адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально.

Инклюзивное местоимение *wir* в данном примере несет в себе значение общности.

Анализ речевых и языковых средств выступления М. Швезиг выявил конструктивные типы макростратегий.

Анализ выступления А. Шойер

Выступление А. Шойер представлено тремя темами в рамках стратегий манипуляции, самопрезентации, дискредитации:

- 1) «Забота о гражданах»;
  - 2) «Стойкость и решительность»;
  - 3) «Условия успешной интеграции».
- 1) Амбивалентная стратегия манипуляции.

Тактика трансформации ситуации:

Конечно, нам следует обсудить случившееся и дать всем понять, что Германия – это, прежде всего, закон и безопасность. Именно так ассоциируется Германия у мировой общественности. Германия взяла на себя своего рода

ответственность за беженцев, и многое сделала для них. Но в приоритете для нас остается осознание нашими гражданами того факта, что жизнь в Германии безопасна для них и таковой и останется.

Однако не следует чрезмерно опекать граждан, когда речь идет об их правах знать правду, факты. Иначе это влечет за собой волну писем в адрес депутатов и партий: чтобы не сталкиваться с подобными опасными социальными прениями, необходимо открыто освещать проблемы, не утаивая их от граждан. Наша задача – открыто обсуждать это.

Это обусловлено исключительно требованием безопасности, законности и порядка, на которое имеет право местное население.

Задача А. Шойера – представить ситуацию с умалчиванием фактов в выгодном для себя свете. Адресатом являются зрители, поэтому установка у А. Шойера на самого себя, на адресата и на зрителей. А. Шойер полагает, что следует убедить зрителей в том, что его позиция заслуживает доверия. Лучший способ убедить зрителей в этом – обострить ситуацию и напомнить, что граждане вправе знать, что творится в их стране. Его цель: А. Шойер хочет убедить зрителей в том, что необходимо отстаивать свои права. А. Шойер считает, что он достоин доверия, и хочет, чтобы зрители поддержали его позицию и заметили упущение оппонентов.

В качестве лексического средства трансформации ситуации выступает перенос единичного случая на общую ситуацию с беженцами. Лексемы с положительными коннотациями в сочетании с отрицаниями усиливают воздействие на адресата и зрителей. Что касается синтаксической структуры, причинно следственные связи выражены логично с субъективной наполненностью.

Пример из выступления Андреаса Шойера, генерального секретаря Христианско-социалистического союза (ХСС), наглядно демонстрирует аксиологичность высказывания. В представленном коротком высказывании выделены три базовых концепта немецкой культуры (...местное население вправе требовать **безопасность**, соблюдения их **прав** и **порядка**...).

2) Амбивалентная стратегия самопрезентации.

Тактика поляризации:

События в Кельне стали своего рода «осечкой» политического и полицейского руководства. Жалко и трусливо высказываться плохо в адрес сотрудников полиции. Необходимо им прояснить стратегию поведения в подобных ситуациях. В таких случаях баварская полиция использует принцип «деэскалация силой, силой во внешнем ее проявлении», а не «деэскалация путем отступления и проявления слабости». Следует дать понять враждебно настроенным группам, что государство будет действовать незамедлительно в случае посягательств на права граждан.

Именно поэтому я благодарен министрам за подписание соглашения об ужесточении мер по отношению к мигрантам. Но я также подчеркиваю, что в федеральных землях не хватает сотрудников полиции, – об этом уже достаточно говорилось сегодня, – не хватает и камер видеонаблюдения, особенно в крупных городах, не хватает сотрудников в местах скопления людей.

Задача А. Шойера – продемонстрировать принцип работы Баварской полиции как эталона для подражания. Установка говорящего – на самого себя, на оппонентов и на зрителей. Его цель – убедить зрителя в способности правильно расставлять силы на местах и мыслить стратегически верно.

Антитеза („*Deeskalation durch Stärke, durch Stärke im Auftreten“ und nicht „Deeskalation durch Rückzug und Schwäche“*“) противопоставляет действия говорящего действиям оппонента в выгодном для говорящего свете с использованием лексических повторов, усиливающих воздействие на адресата.

3) Полярная стратегия дискредитации.

Тактика обвинения:

Г-жа Геринг-Эккардт, в самом конце хотел бы обратиться к Вам: я слышал из ваших комментариев, что вы очень заинтересованы в успешной интеграции... Почему? Потому что отсутствует расширение группы безопасных стран происхождения. Но я все же утверждаю: процесс интеграции

для граждан отдельных государств, – которые являются исключительно экономическими беженцами, к примеру, марокканцы – слишком уж затянулся. **Почему? Потому что нет расширения группы для стран безопасного происхождения. Нам следует принять незамедлительное решение о депортации этой группы экономических беженцев из нашей страны.**

Задача А. Шойера – косвенно обвинить оппонента в его наигранной заинтересованности успешного процесса интеграции. Установка говорящего – на самого себя, на оппонента и на зрителей. Его цель – убедить зрителя в некомпетентности оппонента и неспособности выявить и устранить причины неуспешной интеграции.

К синтаксическим средствам выражения тактики обвинения следует отнести рамочную конструкцию верификативных вопросительных предложений – **Warum?... Warum?...** – в рамках данной конструкции говорящим представлено резкое оценочное суждение относительно истинности намерений оппонентов, Обратный порядок слов в предложениях также свидетельствует об экспрессивности высказывания и его деструктивной конфликтной составляющей.

Анализ речевых и языковых средств выступления А. Шойера выявил наличие *полярных и амбивалентных* стратегий, поэтому для определения типа макростратегий потребуются анализ посредством коэффициента ИКД.

Анализ выступления К. Мааг

1) *Полярная* стратегия компромисса.

Тактика интеграции:

Я полностью поддерживаю введение реформы сексуального уголовного права и согласна, что «облапывания» также должны быть наказуемы. Я рада, что правительство, наконец, осознало необходимость отказа в статусе беженцев лицам, совершившим преступления.

Кроме того, Кельн дал нам понять, что мы больше не допустим провокационные действия по отношению к нашему правовому государству;

потому что права женщин были самой уязвимой стороной нашего сообщества, а так быть не должно.

Цель К. Мааг – путем конструктивного речевого взаимодействия достичь взаимовыгодного сотрудничества. Ее коммуникативная задача – конструктивным путем выразить свое одобрение действиям правительства в вопросе отказа в статусе беженцев определенной группе лиц. В данном случае – контакт непосредственный, так как адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально. Установка автора – на адресата, саму себя и слушающих.

Аксиологичность высказывания К. Мааг достигается путем использования маркеров немецких культурных ценностей, сопряженных с неоспоримой важностью правил и структур: *die Reform des Sexualstrafrechts, die rechtliche Anerkennung*.

Инклюзивное местоимение *wir* – *мы* «солидаризирует» адресата и адресанта и употребляется говорящим по отношению ко всем присутствующим. Тактика интеграции объединяет адресата и адресанта: говорящий использует перформатив, выполняющий контактную функцию, к примеру, глагол *begrüßen*: *Ich begrüße ganz ausdrücklich, dass...*

2) Амбивалентная стратегия манипуляции.

Тактика побуждения:

Я считаю, что нужны четкие критерии и разграничение. После оценки событий полицией в Кельне даже половина беженцев из Сирии не получила права на убежище. Если речь идет о тех, кому и правда нужна наша помощь и защита, то я по-прежнему считаю, что интеграция может быть успешной.

Здесь речь, конечно, идет и о культурных различиях. Их культура патриархальна по своей природе и не всегда схожа с нашей. Но это может измениться. Криминолог Кристиан Пфайффер в своих исследованиях образа жизни молодых мигрантов выявил, что их патриархально-ориентированная направленность ослабляет, и меняются гендерные роли в семьях, когда люди

проживают здесь. Это было бы так легко: работа, образование и немецкие друзья.

Цель К. Мааг – путем конструктивного речевого взаимодействия убедить оппонентов и зрителей в возможной успешной интеграции. Ее коммуникативная задача – конструктивным путем продемонстрировать возможный успешный сценарий развития событий. В данном случае – контакт непосредственный, так как адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально. Установка – на адресата, саму себя и слушающих.

К. Мааг использует сослагательное наклонение в сочетании с положительными лексемами для описания возможного благоприятного развития событий в процессе интеграции.

3) *Полярная стратегия компромисса.*

Тактика призыва к компромиссу:

Я заканчиваю. Мы должны прикладывать больше усилий. Все получится, если никто не отступит и не займет просто наблюдательную позицию, – это касается и соцсетей. Нет, просто наблюдений недостаточно. Мы должны – и я обращаюсь ко всем гражданам – отстоять наше государство. Мы должны чувствовать ответственность перед сообществом. Это политическая задача для нас. Большое спасибо.

Цель К. Мааг – путем конструктивного речевого взаимодействия достичь взаимовыгодного сотрудничества. Ее коммуникативная задача – призвать оппонентов к совместным действиям. В данном случае – контакт непосредственный, так как адресат, являясь обязательным участником, присутствует в коммуникативной ситуации реально. Установка на адресата, саму себя и слушающих.

Лексические повторы с использованием модальных слов выражают экспрессивность говорящего и его стремление указать оппонентам на значение общих ценностей и общих задач *Wir müssen... Wir müssen... Wir müssen.*

Анализ речевых и языковых средств выступления К. Мааг выявил наличие *полярных и амбивалентных* стратегий, поэтому для определения типа макростратегий потребуются анализ посредством коэффициента ИКД.

Анализ дебатов позволяет говорить, что большинство выступивших по конкретному вопросу политиков строят свои высказывания с использованием *полярной стратегии дискредитации*, которая реализуется тактикой обвинения.

Таким образом, можно сделать вывод, что основной целью дискредитации является создание отрицательного имиджа оппонента; данная стратегия используется исключительно в условиях *деструктивного* дискурса.

Основной целью самопрезентации политика является создание собственного положительного имиджа. В проанализированных дебатах данная стратегия была реализована как в рамках деструктивного взаимодействия, т. е. сопутствовала стратегии дискредитации, так и имела самостоятельный амбивалентный характер. Объединяет же эти две разновидности самопрезентации одна промежуточная цель – «завоевать доверие и авторитет» и «обрести власть».

Амбивалентная стратегии манипуляции может быть представлена в рамках обоих типов дискурса.

Полярная стратегия компромисса используется исключительно в условиях *конструктивного* дискурса.

Выделенные стратегии участников парламентских дебатов реализуются аргументативными средствами. Чтобы разобрать особенности данного воздействия, воспользуемся аргументативным анализом средств конструктивности/деструктивности, основываясь на представленной выше методике фиксации фаз протекания дискурса при помощи ИКД – инструментария кодировки.

Зафиксированные результаты явно указывают на необходимость их дополнительного анализа посредством ИКД.

2.2. Аргументативные характеристики конструктивности и деструктивности по критериям оценивания ИКД

Представленные в параграфе 1.3. категории кодирования были проработаны и представлены с учетом аргументативно-функциональной интерпретации Индекса качества дискурса (ИКД). При этом исходная (авторская в варианте [Steiner, Bachtiger, Spornli, Steenbergen 2004]) трактовка показателей ИКД в разделе принимает более системный вид, предусматривающий единое – по четыре – количество кодовых параметров в каждой категории.

I. Категория участия представлена четырьмя кодами:

- (0) зафиксированное прерывание оратора (с жалобой на прерывание);
- (1) прерывания были зафиксированы, но ни один из ораторов не пожаловался;
- (2) прерывания были, но не было их фиксации;
- (3) прерываний не было вообще

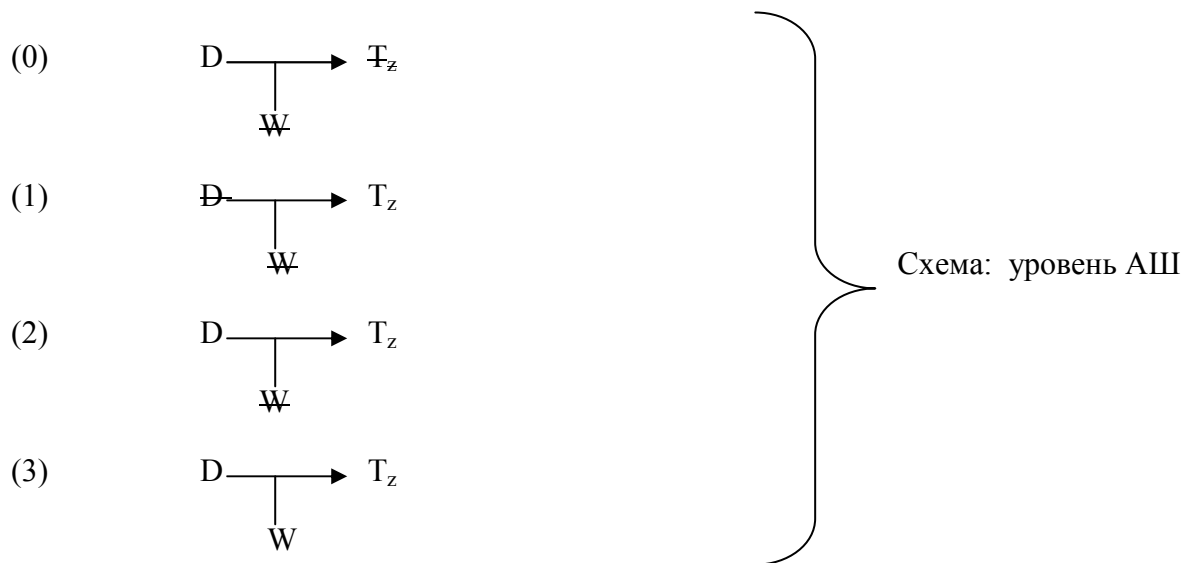
Представляется целесообразным в данной категории кодирования ввести дополнительный код (3), так как полное отсутствие прерываний мы считаем показателем конструктивного взаимодействия.

II. Уровни обоснования (структура и содержание обоснования)

Структура обоснования представлена кодами:

- (0) нет обоснования. Оратор не выдвигает X, (Тезис), приводится только причина Y (Данные);
- (1) нет обоснования. Оратор говорит, что X (Тезис) должно или не должно быть сделано, не называя причин;
- (2) обоснование первого порядка. Приводится причина Y (Данные), почему X (Тезис) должно или не должно быть сделано, но нет взаимосвязи W (Основания) между X и Y; это неполное обоснование;
- (3) Обоснование второго порядка. Взаимосвязь W между X (Тезис) и Y (Данные) присутствует.

При аргументативно-функциональной интерпретации *Структуры обоснования* получаем следующую модель:

Так как базисная модель содержит компоненты Тезис (Claim — C/Tz), Данные (Data — D/Д), Основание (Warrant — W/Осн), для наименования функций будут использованы модели заглавные буквы.

При анализе типов Тезисов, Данных и Оснований воспользуемся классификацией, предложенной на основе модели Р. Крейбла [Craib 1976], Л.Г. Васильевым и Ю.И.Касьяновой [Васильев, Касьянова 2013]:

Типы Тезисов: Декларативные; Акциональные; Классификационные; Оценочные.

Данные: Фактуальные; Мнения.

Пентатомическая классификация Оснований: Основания каузации; Основания группировки; Основания сопоставления; Основания авторитета; Основания мотивации.

Содержание обоснования

Данная категория у создателей ИКД идентифицирует призыв к общему благу. В диссертации призыв к общему благу рассмотрен в рамках обоих типов дискурса и представлен следующим набором кодов:

(0) нейтральное заявление, безотносительное к групповым (-А) и полигрупповым интересам (-В);

(1) эксплицитное высказывание относительно узко групповых интересов (+А, -В) – «помочь наиболее уязвимым слоям общества»;

(2) эксплицитное высказывание относительно только полигрупповых интересов (-А, +В) – «наибольшее благо для большинства есть общее благо»;

(3) эксплицитное высказывание, затрагивающее интересы групп (+А) и полигрупповые интересы (+В).

III. Уважение (к группе, требованиям и контраргументам)

Данная категория кодирования *уважение/неуважение* в исследовании будет напрямую соотноситься с типами дискурса *конструктивный/деструктивный*.

Уважение к группе:

(0) нет уважения, явное эксплицитное негативное отношение к группе;

(1) нейтральное отношение;

(2) имплицитное уважение, нет негативных высказываний;

(3) эксплицитное уважение, есть позитивные высказывания.

Уважение к требованиям:

(0) нет уважения, негативные высказывания;

(1) нейтральное отношение;

(2) имплицитное уважение, нет негативных высказываний;

(3) эксплицитное уважение, есть позитивные высказывания.

Уважение к контраргументам (КА):

(0) отрицание КА;

(1) игнорирование КА;

(2) нет отрицания, но нет и учета КА, нейтральная позиция;

(3) учет КА.

IV. Конструктивная политика:

(0) отсутствие тематической альтернативы (ригидность позиций);

(1) наличие тематической альтернативы может быть представлено:

– отрицанием позиций соперника;

– просто отрицанием;

– отрицанием с внесением своих предложений;

(2) наличие над-тематической альтернативы (осознание необходимости коррекции);

(3) отсутствие тематической альтернативы + коррекции (коррекции позиции).

В каждой из представленных категорий кодирования обозначено четыре кода (0–3), в которых наблюдается восходящее движение от деструктивности к конструктивности. Сумма кодов каждой из категорий будет определять дискурсивное качество дебатов и соответственно конструктивность/деструктивность дискурса.

Основываясь на аргументативном подходе, рассмотрим аргументативную структуру высказываний каждого из адресантов по обозначенным параметрам анализа ИКД.

Анализ выступления доктора О. Шредера

Первой категории кодирования, определяющей участие, присваивается код (1), так как было зафиксированное прерывание (выкрик) со стороны К. Койл (Партия Зеленых). Но жалобы со стороны оратора не последовало.

Вторая категория кодирования, определяющая уровни обоснования, представлена структурой и содержанием обоснования.

Структура пошагового обоснования будет исчисляться в соответствии с принципом среднего арифметического: каждый АШ получает свой код, сумма кодов делится на количество шагов, результат и будет являться кодом для данной категории кодирования.

Выступление О. Шредера состоит из трех различных тем:

- 1) «Обращение к жертвам Кёльнской ночи и общественности»;
- 2) «Обращение к парламентариям и силовым структурам»;
- 3) «Обращение к прибывшим беженцам».

Эти три темы объединены в одну глобальную тему – «Позиция Государственного секретаря при Федеральном Министре внутренних дел по

отношению к событиям Кёльнской ночи». Каждая из тем представлена Аргументативными Шагами (-1/-2/-3), объединенными в Аргументативный Ход.

Реконструкция аргумента:

Тз 1 акц. ...*В нашей стране не будет районов, где не действуют законы.*

Тз 2 декл. *Перед нами стоит задача найти и наказать преступников*

Тз 3 декл. *Мы хотим значительно снизить барьеры для высылки иностранных преступников за пределы страны*

Д1-мнен. *Я не хотел бы, чтобы мои дочери росли в стране, в которой в общественных местах не чувствуешь себя в безопасности.*

Д2-факт. *Правовое государство должно и будет защищать своих граждан.*

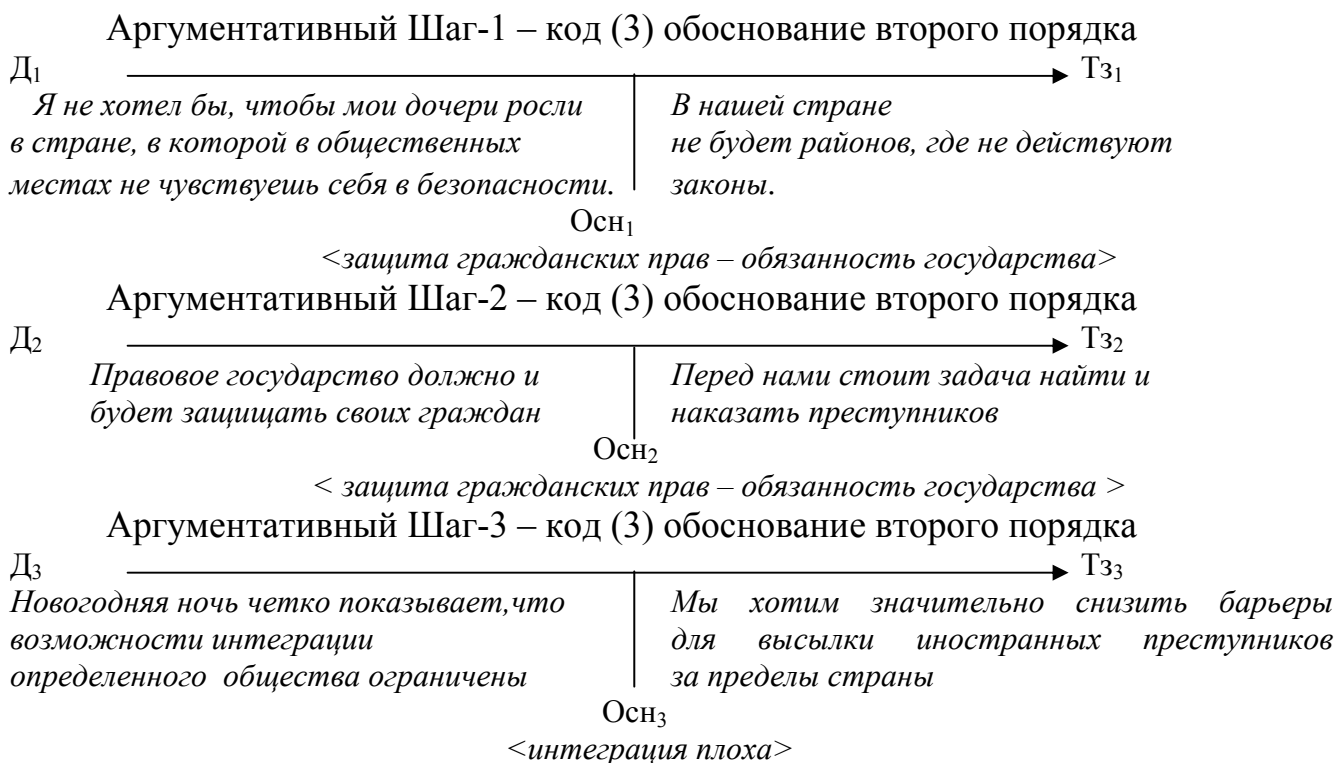
Д3-факт. *Новогодняя ночь четко показывает, что возможности интеграции определенного общества ограничены.*

Осн 1кауз представлено имплицитно <защита гражданских прав – обязанность государства>

Осн 2 кауз представлено имплицитно <защита гражданских прав – обязанность государства>

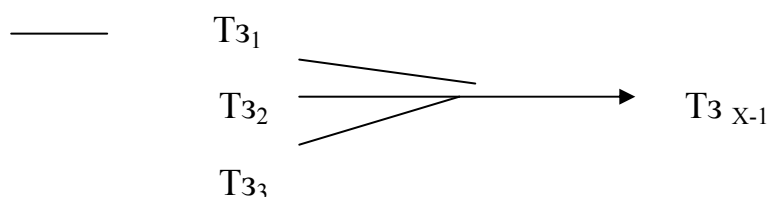
Осн 3кауз представлено имплицитно, <интеграция плоха>

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА 1

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-1 КАК АРГУМЕНТА

$T_{3 \text{ акц } X-1}$ *Правовое государство должно и будет защищать своих граждан*

Структура пошагового обоснования получает код (3) $(3+3+3)/3=3$

Содержание обоснования. Данная категория идентифицирует призыв к общему благу и получает код (3) +А +В, так как высказывания эксплицитны и затрагивают интересы отдельных групп (пострадавшие женщины и беженцы) и полигрупповые интересы (влияние интеграции на Германию в целом).

Третья категория кодирования представлена категорией уважения и будет рассмотрена в трех ракурсах:

Уважение к группе представлено кодом (2) – имплицитное уважение, нет негативных высказываний в адрес оппонентов.

Уважение к требованиям представлено кодом (2) – имплицитное уважение, нет негативных высказываний относительно требований оппонентов.

Уважение к контраргументам (КА) представлено кодом (1) – игнорирование КА (выкрика К. Койл).

Четвертая категория представлена термином «конструктивная политика» и получает код (2) – наличие над-тематической альтернативы, осознание необходимости коррекции: *Некоторые требуют, чтобы мы приняли более жесткие законы. Другие требуют лучшего исполнения действующих законов. А я говорю: Нам необходимо сделать и то и другое. Население ожидает от нас незамедлительной реакции.*

Учитывая результат кодирования выступления О. Шрёдера посредством ИКД, можно говорить о конструктивности дискурса. Показатели 3 и 4 категорий кодирования являются показателями ярко выраженной конструктивности

высказываний данного оратора: сумма кодов по всем категориям кодирования дала высокий общий показатель, *макрокод 14*.

(1) → (3) → (3) → (2) → (2) → (1) → (2) 1+6+(5+2)=14

Анализ выступления К. Киппинг

Первой категории кодирования, определяющей участие, присваивается код (1), так как было зафиксированное прерывание (выкрики и возражения оппонентов). Но жалобы со стороны оратора не последовало.

Вторая категория кодирования, определяющая уровни обоснования, представлена структурой и содержанием обоснования.

Структура пошагового обоснования будет исчисляться в соответствии с принципом среднего арифметического. Реконструкция аргумента:

Тз 1 декл *заполнить пробелы в законе о защите*

Тз 2 акц Перифраза [*Закон должен коснуться всех насильников*]

Тз 3 декл Перифраза [*События в Кельне всколыхнули проблему расизма*]

Тз 4 акц+Ограничитель *Если требования ПЕГИДЫ обретут законодательную форму, то правительство тем самым окажет поддержку АдГ и ПЕГИДЕ*

Д1-факт. *Так из десяти заявлений об изнасиловании, только одно заканчивается вынесением обвинительного приговора.*

Д2-факт. *В последние дни большинство политиков неоднократно подчеркивали, как важно защитить женщин от сексуального насилия.*

Д3-факт. *Преступления, совершенные этой подозрительной группой мужчин*

Д4-факт. – *Половина из требований ПЕГИДЫ полностью или частично уже реализована.*

Осн 1кауз *выражено имплицитно, по интонации трактуется, как <проблемы женщин никогда вас особо не трогали>*

Осн 2кауз *выражено имплицитно, по интонации трактуется, как <проблемы женщин никогда вас особо не трогали>*

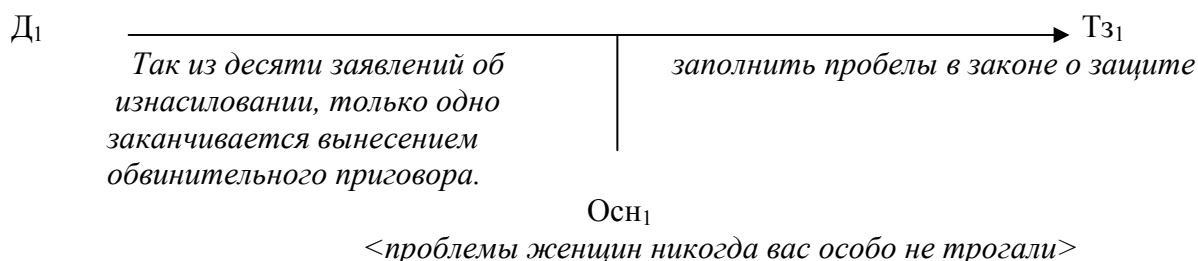
Осн 3кауз *стали поводом для возбуждения недовольств*

Осн₄кауз выражено имплицитно, по интонации трактуется, как *<идете у них на поводу>*

Аргументативный Шаг-1 (= Шаг-1). Рассуждение выражено простой аргументацией, так как состоит из одних Данных фактов – *So kommt es nur bei jeder zehnten angezeigten Vergewaltigung überhaupt zu einer Verurteilung*, которые выступают в поддержку декларативного Тезиса – *gesetzliche Schutzlücken schließen*. Между Данными и Тезисом устанавливается «мостик» в виде имплицитного Основания каузальности (имплицитные компоненты на схеме обозначаются < >).

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-1

Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

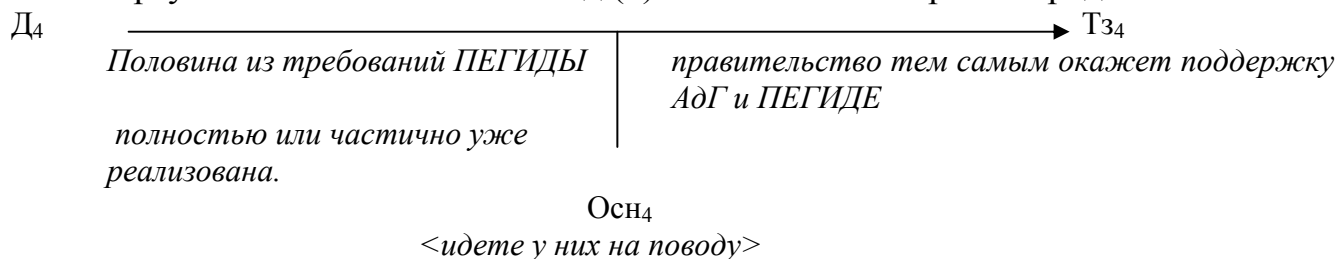
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-4 – код (3) обоснование второго порядка

Структура пошагового обоснования получает код (3) $(3+3+3+3)/4=3$

Содержание обоснования. Данная категория идентифицирует призыв к общему благу и получает код (1) +А -В, так как высказывания эксплицитны и затрагивают интересы лишь отдельных групп.

Третья категория кодирования представлена категорией уважения и будет рассмотрена в трех ракурсах:

Уважение к группе представлено кодом (0) – явное эксплицитное негативное отношение к оппонентам: ***Я считаю безответственным, что политики и СМИ еще больше разжигают этот расизм.... А знаете, что меня больше всего потрясло? Это иерархия возмущений, которая здесь выставляется напоказ.... Так заполните же, наконец, эти пробелы в законе, вместо того чтобы подозревать беженцев.***

Уважение к требованиям представлено кодом (0) – негативные высказывания по отношению к требованиям и предложениям оппонентов.

Уважение к контраргументам (КА) представлено кодом (1) – игнорирование КА (выкриков оппонентов).

Четвертая категория представлена термином «конструктивная политика» и получает код (1) – наличие тематической альтернативы представлено отрицанием с внесением своих предложений: *Так заполните же, наконец, эти пробелы в законе, вместо того чтобы подозревать беженцев.*

Учитывая результат кодирования выступления **Кати Киппинг** посредством ИКД, можно говорить о деструктивности дискурса. Низкие показатели 3 и 4 категорий кодирования являются показателями ярко выраженной деструктивности высказываний данного оратора: сумма кодов по всем категориям кодирования дала низкий общий показатель, **макрокод 7**.

(1) (3) (1) (0) (0) (1) (1) $1+4+(1+1)=7$

Анализ выступления Х. Мааса

Первой категории кодирования, определяющей участие, присваивается код (2), так как зафиксированных прерываний не было.

Вторая категория кодирования, определяющая уровни обоснования, представлена структурой и содержанием обоснования.

Структура пошагового обоснования будет исчисляться в соответствии с принципом среднего арифметического.

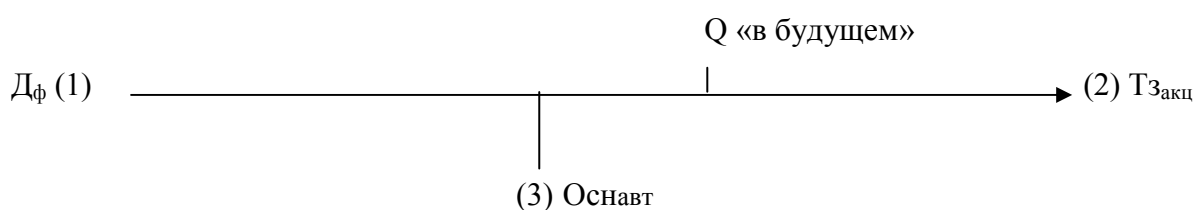
Дальнейший анализ структур пошаговых обоснований, с целью экономии места, будет представлен разбивкой текста на пропозиции и лишь схематической реконструкцией аргумента.

Выступление Х. Мааса представлено тремя аргументативными ходами в рамках темы «Будущее – настоящее – прошлое». Реконструкция аргумента с разбивкой на пропозиции:

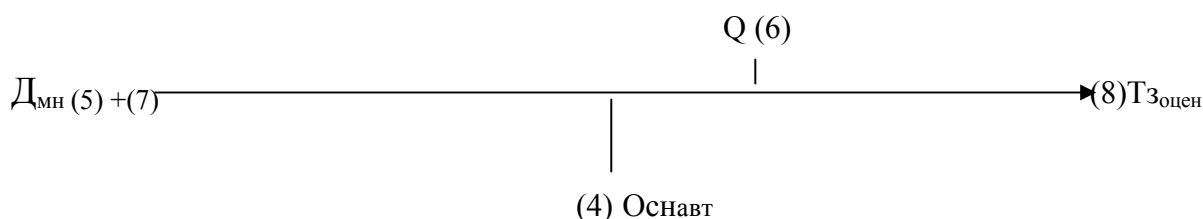
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-1

(1) По отношению к иностранцам, которые совершают уголовно наказуемые деяния на территории нашей страны, (2) в будущем мы применим проект, (3) вчера предложенный мной и г-ном де Мезьер, (2) по скорейшей депортации за пределы государства. (4) По моему твердому убеждению (5) = (3) изменения в законе о высылке мигрантов из страны, (6) = (3) которые были предложены нами, (7) не только уместны, (8) а просто необходимы.

Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

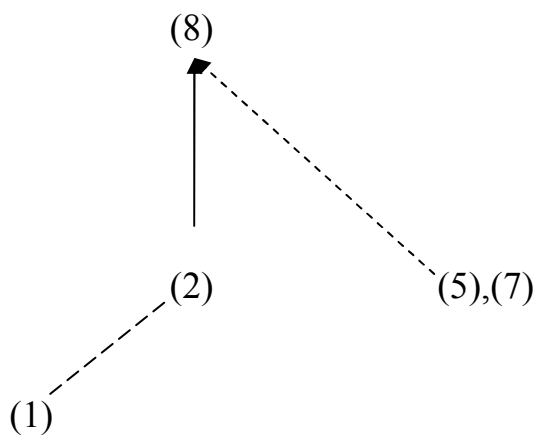

Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-1 КАК АРГУМЕНТА

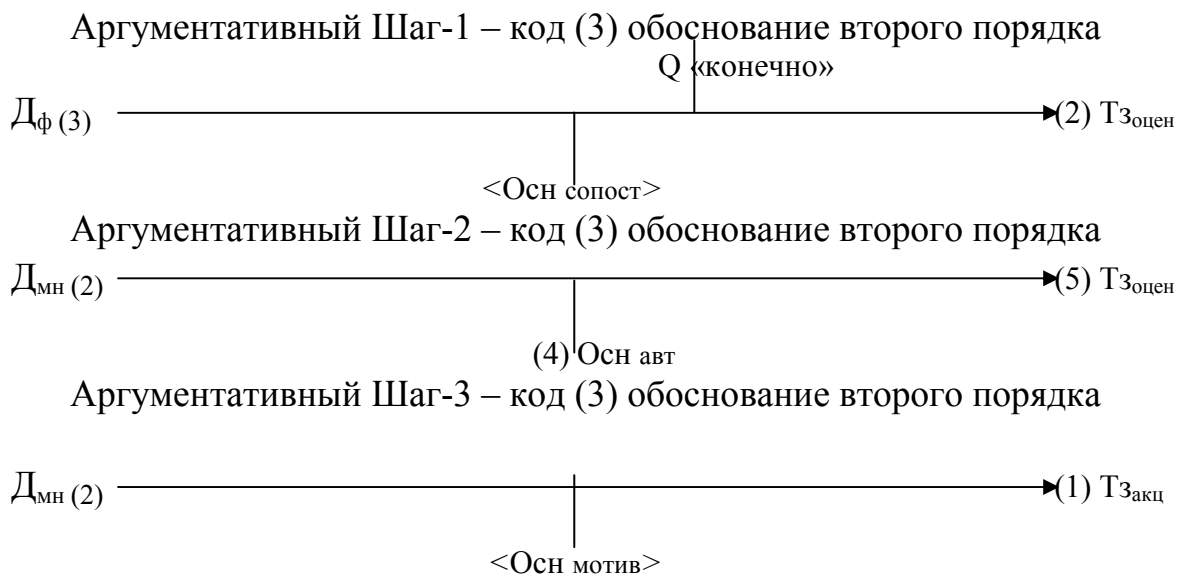
Пунктирные линии означают, что у конкретного Тезиса есть свои собственные шаговые, внутриуровневые Данные. Сплошная линия означает взаимоотношение АШ и Тезиса более высокого уровня.

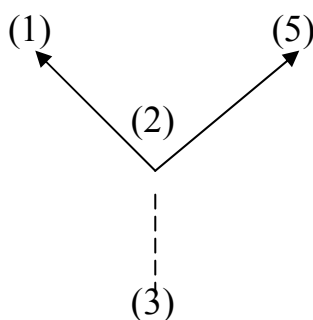
Структура пошагового обоснования получает код (3) $(3+3)/2=3$

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-2

(1) Мы внесем поправки в еще один пункт. (2) Конечно, в законе о защите есть пробелы; (3) это показали случаи сексуальных домогательств и даже изнасилования. (4) Поэтому Федеральное правительство уже в декабре прошлого года представило законопроект, благодаря которому (5) мы обязательно заполним пробелы в законе о защите.

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-2 КАК АРГУМЕНТА

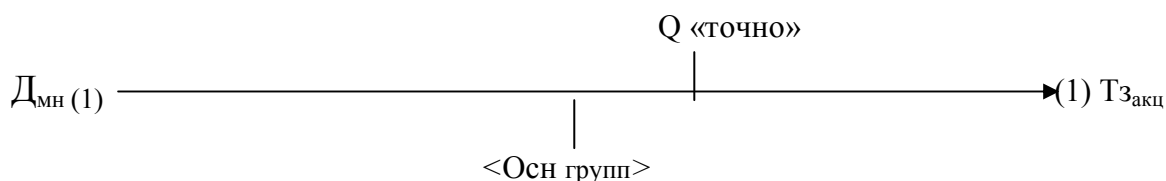

Структура пошагового обоснования получает код (3) $(3+3+3)/3=3$

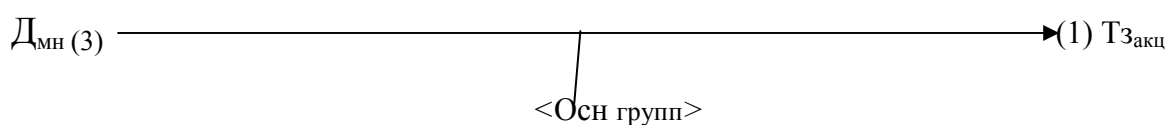
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-3

Одно надо сказать определенно точно: (1) Мы не допустим, чтобы преступники в нашей стране нарушали общественный покой, и абсолютно неважно кто это делает, (2) заслуживающие наказания иностранцы или (3) немецкие праворадикалы.

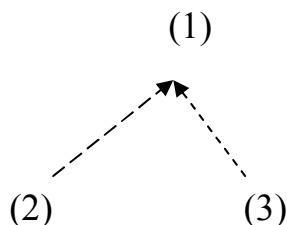
Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-3 КАК АРГУМЕНТА

Структура пошагового обоснования получает код (3) $(3+3)/2=3$

Содержание обоснования. Данная категория идентифицирует призыв к общему благу и получает код (1) +А -В, так как высказывания эксплицитны и затрагивают интересы отдельных групп (пострадавшие женщины и беженцы).

Третья категория кодирования представлена категорией уважения и будет рассмотрена в трех ракурсах:

Уважение к группе представлено кодом (1) – имплицитное уважение, нет негативных высказываний в адрес оппонентов.

Уважение к требованиям представлено кодом (1) – имплицитное уважение, нет негативных высказываний относительно требований оппонентов.

Уважение к контраргументам (КА) представлено кодом (2) – не было отрицания КА, выдвинутых предыдущим оратором, но не было и их учета, нейтральная позиция.

Четвертая категория представлена термином «конструктивная политика» и получает код (2) – наличие над-тематической альтернативы, осознание необходимости коррекции: *Мы внесем поправки в еще один пункт. Конечно, в законе о защите есть пробелы;*

Учитывая результат кодирования выступления **Хайко Мааса** посредством ИКД, можно говорить о конструктивности дискурса. Показатели 3 и 4 категорий кодирования являются показателями конструктивности высказываний данного оратора: сумма кодов по всем категориям кодирования дала общий конструктивный показатель, **макрокод 12**.

(2) (3) (1) (1) (1) (2) (2) **2+4+(4+2)=12**

Анализ выступления К. Геринг-Еккардт

Первой категории кодирования, определяющей участие, присваивается код (1), так как было зафиксировано прерывание (выкрики и возражения оппонентов). Но жалобы со стороны оратора не последовало.

Вторая категория кодирования, определяющая уровни обоснования, представлена структурой и содержанием обоснования.

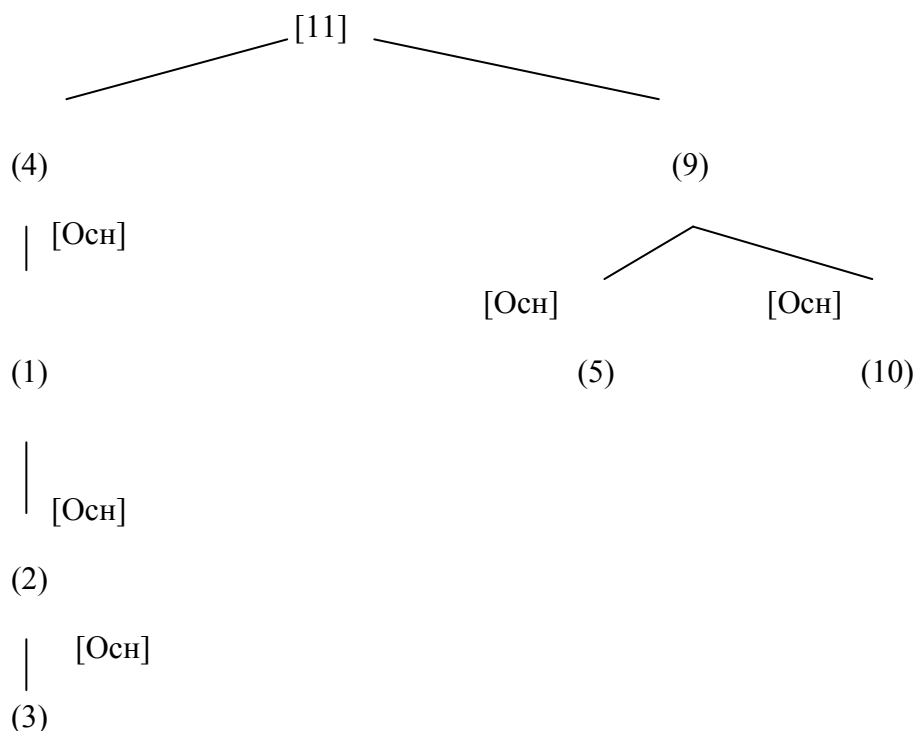
Структура пошагового обоснования по принципу вычисления среднего арифметического дала код (3).

В выступлении К. Геринг-Еккардт было проанализировано 7 АХ, с множеством АШ. Рассмотрим пример подробного разбора одного из представленных АХ:

Женщины, (2) которых застали врасплох, и (3) чьим простодушием воспользовались для сексуальных домогательств, (1) всегда были беззащитны. Женщины, подвергшиеся насилию, в большинстве случаев и до сих пор не имели никаких прав. (4) Поэтому, г-н Маас, наша фракция еще летом прошлого года предложила заполнить эти пробелы. (5) Вы же тогда высказались против

данного предложения. (6) И правительство оставило этот вопрос нерешенным. (7) Женское «нет» должно уважительно восприниматься. (8) Женщины давно могли бы быть под защитой закона. (9) Жертвы той ночи в Кельне – это Ваше упущение, (10) ведь по закону преступники не могут быть наказаны, и это факт.

Данное высказывание поделено на 10 пропозиций и выстроен фрейм АХ. Так как данный абзац выстроен на двух стратегиях – самопрезентации (4) и дискредитации (9), обе они явно подчинены стратегии [«Мы – лучше»] – [11] пропозиция. Тогда схема АХ такова:

Содержание обоснования. Данная категория идентифицирует призыв к общему благу и получает код (1) +А -В, так как высказывания эксплицитны и затрагивают интересы лишь отдельных групп.

Третья категория кодирования представлена категорией уважения и будет рассмотрена в трех ракурсах:

Уважение к группе представлено кодом (0) – явное эксплицитное негативное отношение к оппонентам: *В результате слаженной работы подобные действия могли быть предотвращены.*

Уважение к требованиям представлено кодом (0) – негативные высказывания по отношению к требованиям и предложениям оппонентов:

Но, прошу Вас, не делайте вид, будто это ответ на все вопросы. Куда Вы собираетесь депортировать беженцев? В Сирию, Мадагаскар или Ракко? Вы же знаете, что не получится.

Уважение к контраргументам (КА) представлено кодом (1) – игнорирование КА (выкриков оппонентов): *Поэтому я Вас очень прошу: позаботьтесь о том, чтобы у полиции было больше оперативных сил.*

(В. Каудер: Это вы должны делать! Вы в правительстве! – М. Штраубингер: Это полномочия полиции земли!)

Дамы и господа, позаботьтесь о том, что в руки расистов не попали дополнительные боеприпасы, и мы тем более не в праве осуждать беженцев.

Большое спасибо.

Четвертая категория представлена термином «конструктивная политика» и получает код (1) – наличие тематической альтернативы представлено отрицанием с внесением своих предложений: *Если мы сравним ситуации в Хельсинки и Кельне, мы поймем свое упущение. Это **отсутствие центров интеграции**. Силы на местах должны действовать слажено....*

Учитывая результат кодирования выступления К. Геринг-Еккардт посредством ИКД, можно говорить о деструктивности дискурса. Низкие показатели 3 и 4 категорий кодирования являются показателями ярко выраженной деструктивности высказываний данного оратора: сумма кодов по всем категориям кодирования дала низкий общий показатель, **макрокод 7**.

(1) (3) (1) (0) (0) (1) (1) $1+4+(1+1)=7$

Анализ выступления Т. Штробля

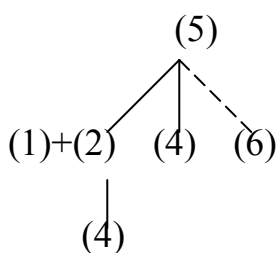
Первой категории кодирования, определяющей участие, присваивается код (1), так как было прерывание (выкрики и возражения оппонентов). Но жалобы со стороны оратора не последовало.

Вторая категория кодирования, определяющая уровни обоснования, представлена структурой и содержанием обоснования.

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-1 КАК АРГУМЕНТА

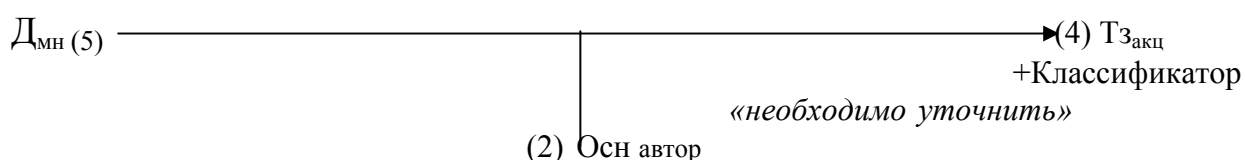

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-2

(1) Необходимо уточнить, что (2) у нас есть правила и законы, которым все должны следовать – (3) неважно, откуда приехали. А также то, что (4) мы приложим максимум усилий, (5) чтобы следовать данным законам.

АШ-1 = АХ-2

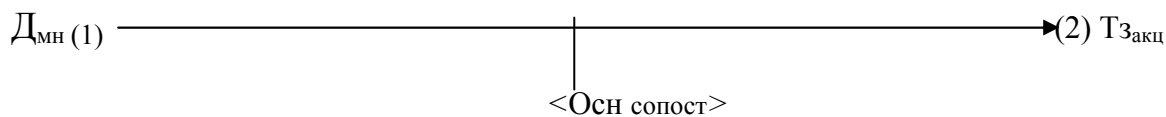
Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

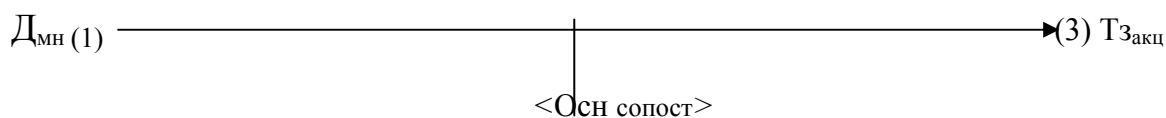
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-3

Давайте воспринимать (1) события в Кёльне как на сигнал. (2) В Германии не может быть тупиков. (3) В Германии не может быть незаконных пространств. (4) Сейчас самое подходящее время, (5) чтобы устранить недопонимание, (6) чтобы женщины и мужчины и днем, и ночью могли свободно перемещаться. (7) К этому мы должны стремиться.

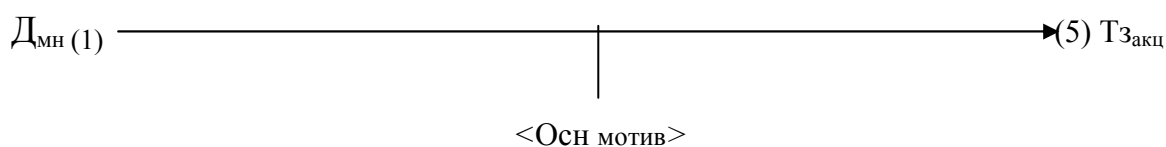
Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

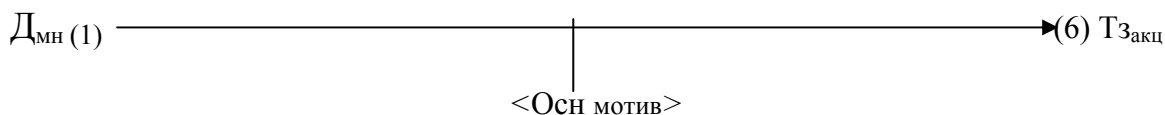
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

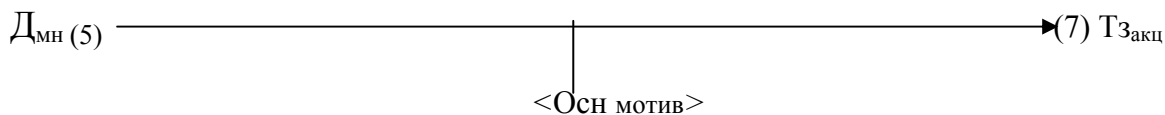
Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

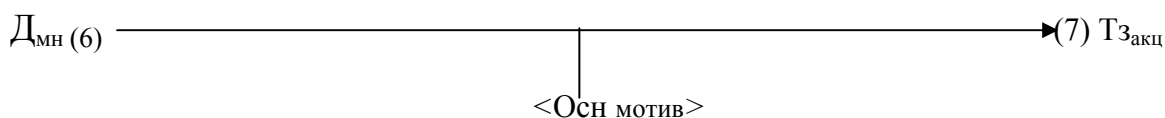
Аргументативный Шаг-4 – код (3) обоснование второго порядка

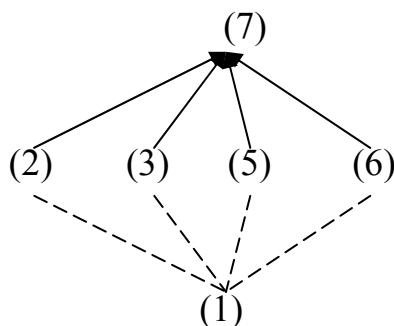
Аргументативный Шаг-5 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-6 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-3 КАК АРГУМЕНТА

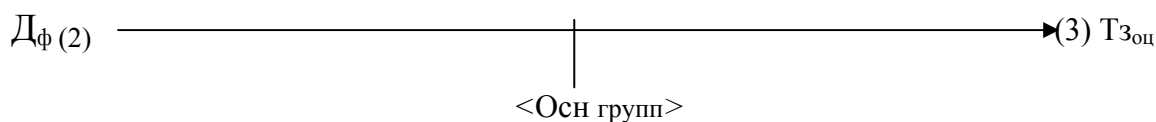
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-4

(1) Я премногу благодарен федеральному министру юстиции и федеральному министру внутренних дел за то, что (2) мы пришли к взаимопониманию в столь короткие сроки. (3) Эта коалиция не только говорит, но и действует. (4) В большой коалиции мы сделаем все для того, чтобы вернуть утраченное доверие в наше правовое государство. (5) Мы работаем над этим. (6) И я призываю Вас к сотрудничеству.

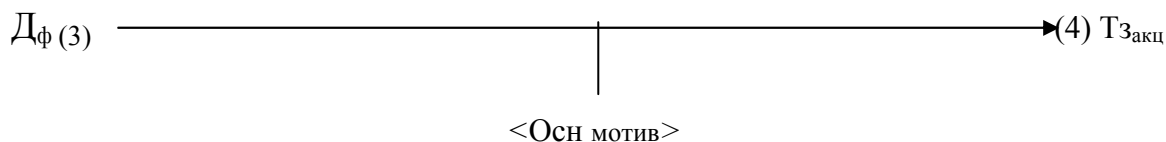
Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

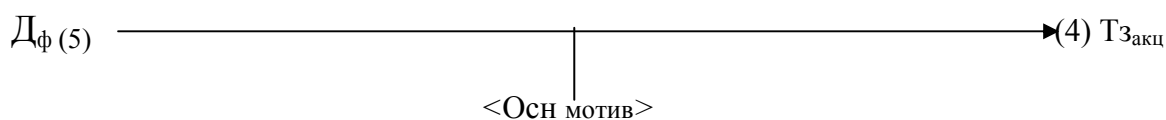
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

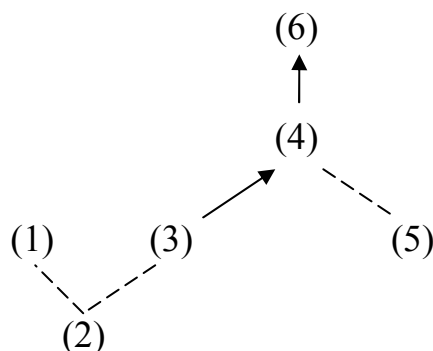
Аргументативный Шаг-4 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-5 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-4 КАК АРГУМЕНТА

Содержание обоснования. Данная категория идентифицирует призыв к общему благу и получает код (1) +А -В, так как высказывания эксплицитны и затрагивают интересы лишь отдельных групп.

Третья категория кодирования представлена категорией уважения и будет рассмотрена в трех ракурсах:

Уважение к группе представлено кодом (2) – явное эксплицитное позитивное отношение к оппонентам, с позитивными высказываниями: *Я примного благодарен федеральному министру юстиции и федеральному министру внутренних дел за то, что мы пришли к взаимопониманию в столь короткие сроки. Эта коалиция не только говорит, но и действует.*

Уважение к требованиям представлено кодом (1) – имплицитное уважение, нет негативных высказываний.

Уважение к контраргументам (КА) представлено кодом (1) – игнорирование КА (выкриков оппонентов)

Четвертая категория представлена термином «конструктивная политика» и получает код (3) – коррекция позиции: *В большой коалиции мы сделаем все для того, чтобы вернуть утраченное доверие в наше правовое государство. Мы работаем над этим.*

Учитывая результат кодирования выступления Т. Штробля посредством ИКД, можно говорить о конструктивности дискурса. Показатели 3 и 4 категорий кодирования являются показателями конструктивности высказываний данного оратора: сумма кодов по всем категориям кодирования дала общий конструктивный показатель, **макрокод 12**.

(1) (3) (1) (2) (1) (1) (3) **1+4+(4+3)=12**

Анализ выступления Е. Хёгль

Первой категории кодирования, определяющей участие, присваивается код (2), так как зафиксированных прерываний не было.

Вторая категория кодирования, определяющая уровни обоснования, представлена структурой и содержанием обоснования.

Структура пошагового обоснования по принципу вычисления среднего арифметического дала код (3).

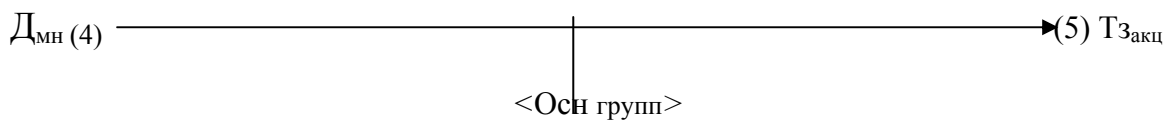
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-1

В первую очередь речь идет о том, что (1) мы виноваты также и перед жертвами – (2) следует пролить свет на эти преступления и немедленно наказать виновных. (3) Такими должны быть последствия Новогодней ночи в Кельне. (4) Это очень важно дойти до сути проблемы. (5) Факты не должны использоваться для расистской травли. (6) Национальная принадлежность преступников ни в коем случае не должна привести к ответному преследованию их наций.

Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

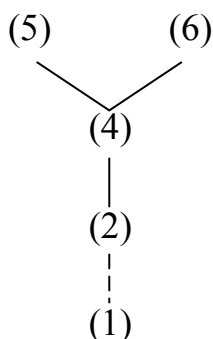
Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-4 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-1 КАК АРГУМЕНТА

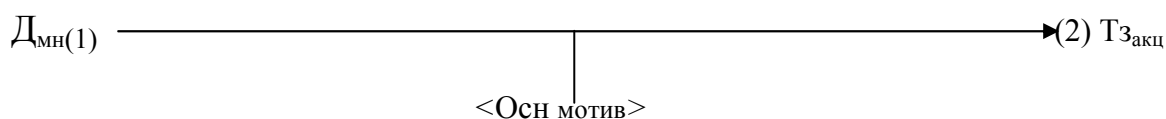

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-2

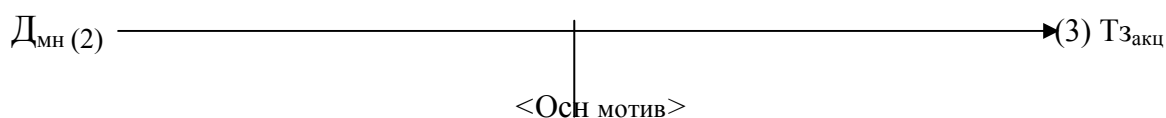
(1) После объективного и детального обсуждения, (8) мы должны совместно определить недочеты, а далее (3) мы должны будем быстро и спокойно их устранять. (4) Этим мы сейчас и занимаемся, (5) тем самым демонстрируя свою способность действовать. (6) Я также благодарна тому, (7) что мы способны быстро отреагировать на любую ситуацию, (8) о чем говорил и Хейко Маас, и тут мы скажем: (9) мы должны ещё раз укрепить пункты закона, дающие право на выдворение, (10) даже если мы это уже делали. (11)

Иностранным преступникам не место в Германии. (12) Я считаю это правильным заключением.

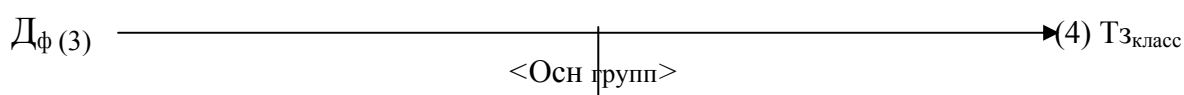
Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

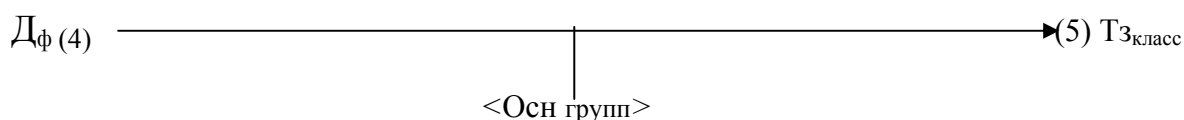
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

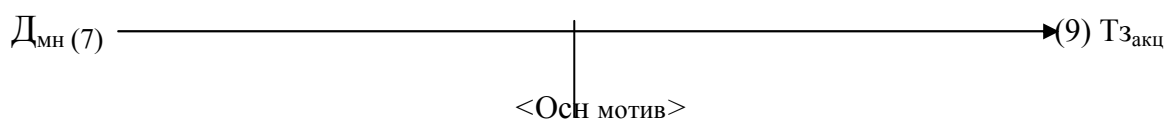
Аргументативный Шаг-4 – код (3) обоснование второго порядка

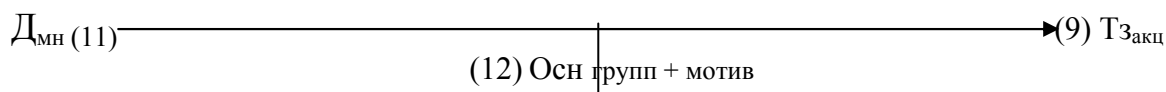
Аргументативный Шаг-5 – код (3) обоснование второго порядка

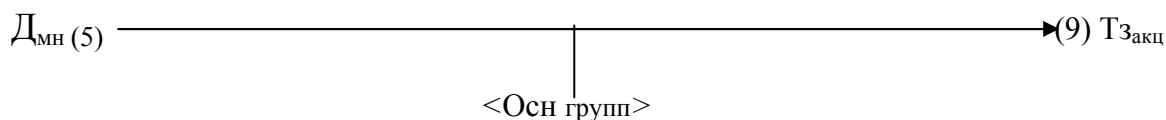
Аргументативный Шаг-6 – код (3) обоснование второго порядка

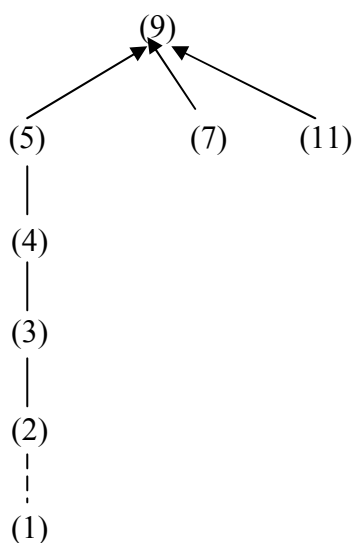
Аргументативный Шаг-7 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-8 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-2 КАК АРГУМЕНТА

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-3

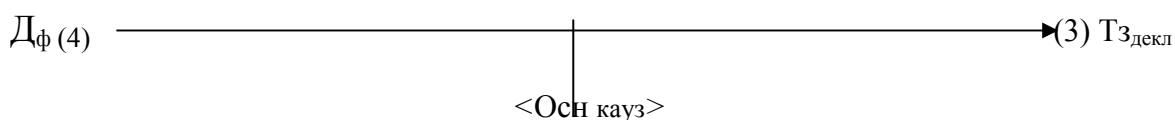
(1) Не должно быть такого места, как Ямель в Мекленбург-Передней Померании, (2) где демократы не могут спокойно жить, (3) где демократы не могут жить больше спокойно, (4) потому что там господствуют правоэкстремисты.

Для этого, дорогие коллеги, (1) мы должны не закон менять, а должны продемонстрировать нашу способность действовать, (2) что мы и делаем. (3) Мы должны применять и исполнять на практике существующие законы. (4) Нам нужно достаточное количество полиции – (5) это уже было сказано: я еще раз подчеркиваю – (6) эффективная работа правоохранительных органов и необходимый судебный потенциал.

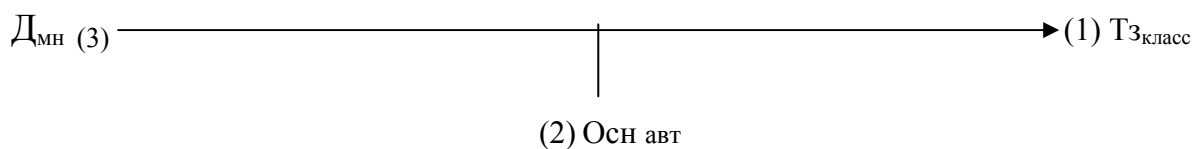
Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

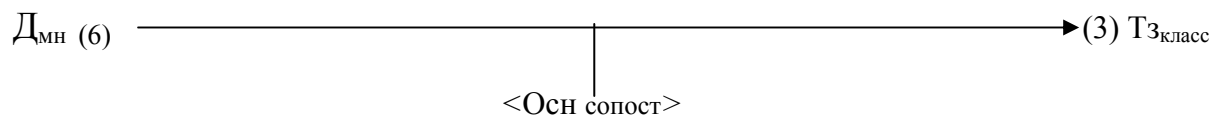
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

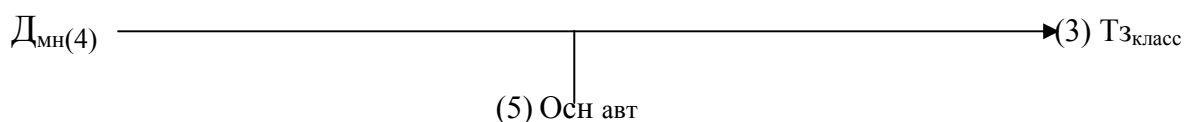
Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

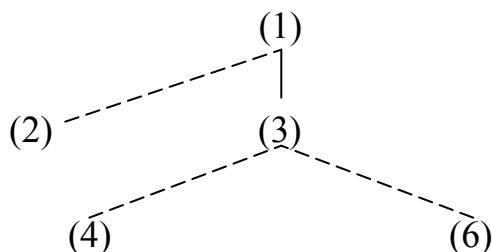
Аргументативный Шаг-4 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-5 – код (3) обоснование второго порядка

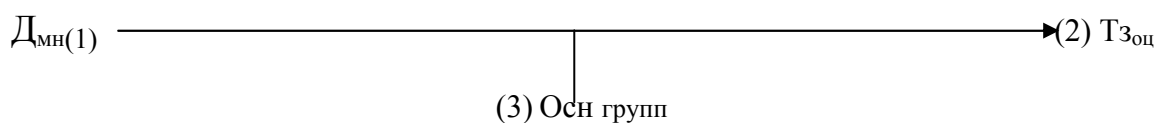
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-3 КАК АРГУМЕНТА

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-4

АШ-1=АХ-4

Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

Содержание обоснования. Данная категория идентифицирует призыв к общему благу и получает код (1) +А -В, так как высказывания эксплицитны и затрагивают интересы лишь отдельных групп.

Третья категория кодирования представлена категорией уважения и будет рассмотрена в трех ракурсах:

Уважение к группе представлено кодом (2) – явное эксплицитное позитивное отношение к оппонентам, с позитивными высказываниями: *Я также благодарна тому, что мы способны быстро отреагировать на любую ситуацию,*

о чем говорил и Хайко Маас, и тут мы скажем: мы должны ещё раз укрепить право на выдворение.

Уважение к требованиям представлено кодом (1) – имплицитное уважение, нет негативных высказываний.

Уважение к контраргументам (КА) представлено кодом (1) – игнорирование КА, выдвигаемого оппонентами.

Четвертая категория представлена термином «конструктивная политика» и получает код (1) – отрицание с внесением своих предложений: *Те, кто ранее выступали против этого законопроекта, должны задаться вопросом, была ли их реакция адекватна.*

Учитывая результат кодирования выступления Е. Хёгль посредством ИКД, можно говорить о конструктивности дискурса. Показатели 3 и 4 категорий кодирования являются показателями конструктивности высказываний данного оратора: сумма кодов по всем категориям кодирования дала общий конструктивный показатель, **макрокод 11.**

(2) (3) (1) (2) (1) (1) (1) **2+4+(4+1)=11**

Анализ выступления В. Босбаха

Первой категории кодирования, определяющей участие, присвоен код (0), так как было зафиксировано большое количество прерываний (выкрики и возражения оппонентов) и зафиксировано одно регламентированное прерывание.

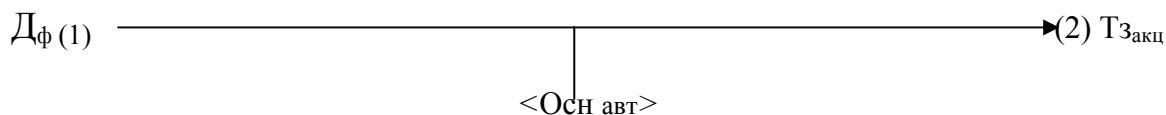
Вторая категория кодирования, определяющая уровни обоснования, представлена структурой и содержанием обоснования.

Структура пошагового обоснования по принципу вычисления среднего арифметического дала код (3).

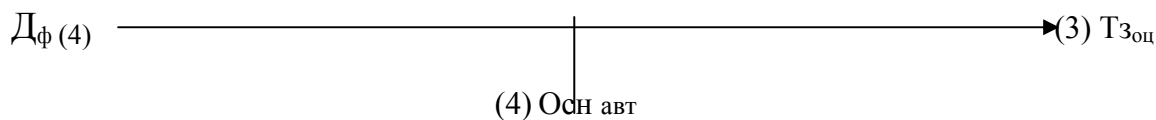
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-1

И если (1) имеется предписание, (2) их нужно депортировать. А как иначе? (3) Вообще удивительно, что приходится говорить об этом. Почему? Потому что, (4) как показывает практика, (5) не все это понимают.

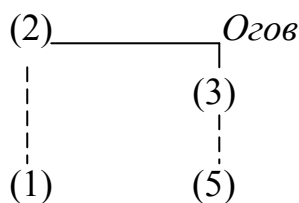
Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

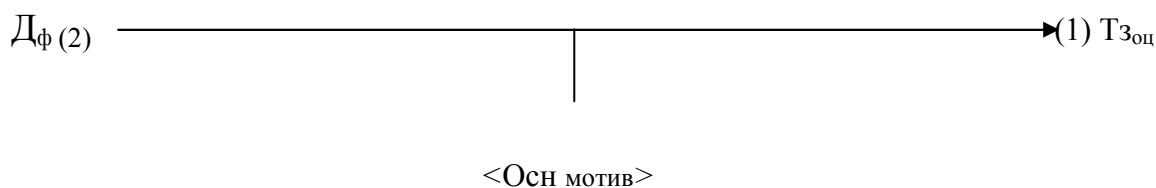
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-1 КАК АРГУМЕНТА

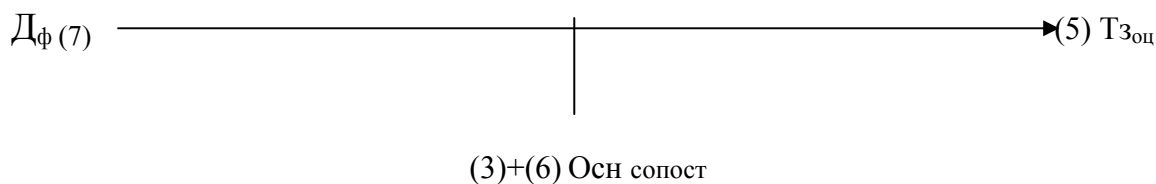
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-2

Госпожа Гёринг-Экард, (1) было интересно узнать, (2) что партия Зелёных требует теперь больше полиции. (3) Когда-то было иначе. ... Ваше утверждение, (4) которое на самом деле является верным, (5) звучало бы намного достоверней, если бы Вы (6) в свете событий в Берлине и Северной Рейн-Вестфалии в 2000 году (7) не поспособствовали значительному сокращению полицейских участков.

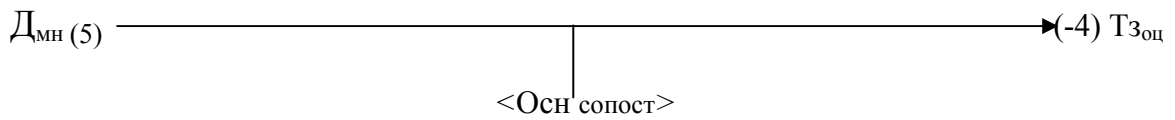
Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

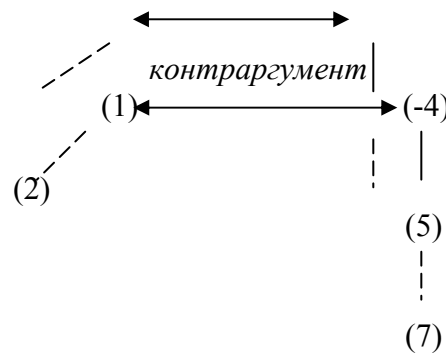
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-2 КАК АРГУМЕНТА

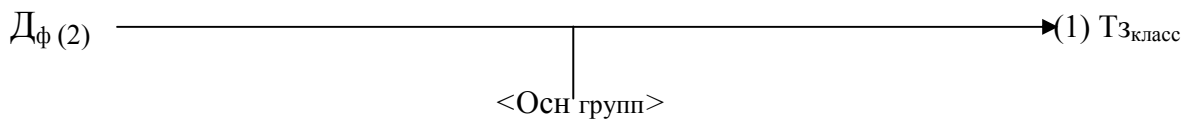

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-3

(1) Мы ответственны за Федеральное Ведомство и ведомство по защите конституции. (2) Мы отвечаем за федеральную полицию и за уголовный розыск.

АШ-1=АХ-3 АШ-2=АХ-4

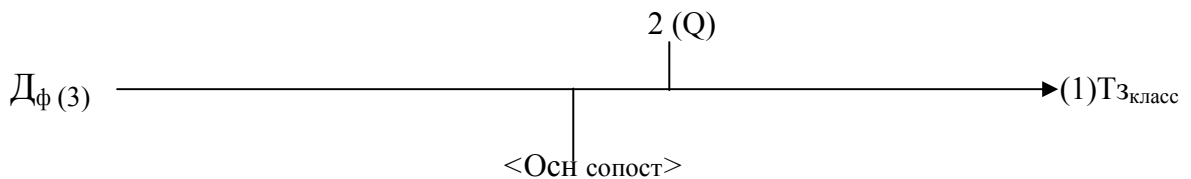
Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-4

(1) Существенное сокращение рабочих мест, которое происходило в некоторых федеральных землях, никогда не исходило от государства, причём (2) независимо от того, кто был во главе. Напротив: (3) наблюдается существенное увеличение числа рабочих мест в стране.

Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка.

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-5

Что касается ответственности, то (1) в каждой земле ситуация своя. (2) Многие земли сократили рабочие места.

АШ-3=АХ-5

Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

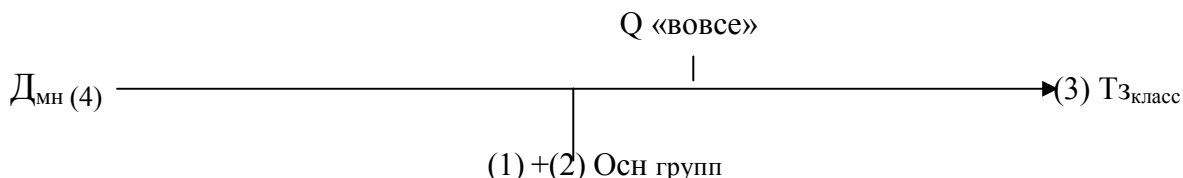

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-6

(1) ... наш закон о предоставлении убежища не знает верхних пределов. (2) Наш закон о предоставлении убежища не знает вообще никаких границ. Но это вовсе (3) не означает, что в нашей стране свободная интеграция. (4) Это не относится ни к обществу, ни к рынку труда.

АШ-1=АХ-6

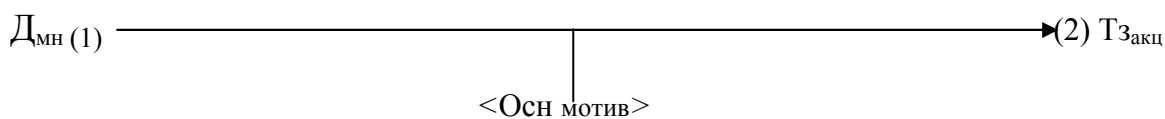
Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-7

(1) Наша страна перегружена. Поэтому (2) нам необходимо скорректировать наш политический курс. (3) Потеря контроля, которая присутствует с прошлого лета, должна быть устранена как можно быстрее.

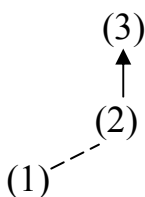
Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-7 КАК АРГУМЕНТА

Содержание обоснования. Данная категория идентифицирует призыв к общему благу и получает код (3) +А +В, так как высказывания эксплицитны и затрагивают интересы отдельных групп и полигрупповые интересы.

Третья категория кодирования представлена категорией уважения и будет рассмотрена в трех ракурсах:

Уважение к группе представлено кодом (0) – явное эксплицитное негативное отношение к оппонентам: – *Госпожа Гёринг-Экард, было интересно узнать, что партия Зелёных требует теперь больше полиции. Когда-то было иначе.*

– *Понятно, что это неприятно, господин Хофрайтер.*

Уважение к требованиям представлено кодом (0) – негативные высказывания по отношению к требованиям и предложениям оппонентов:

Почти половина сокращений пришлась на 2 земли: Берлин и Северная Рейн-Вестфалия. Я лишь хотел напомнить Вам об этом.

Уважение к контраргументам (КА) представлено кодом (0) – отрицание КА, выдвинутых оппонентами: *Существенное сокращение рабочих мест, которое происходило в некоторых федеральных землях, никогда не исходило от государства, причём независимо от того, кто был во главе. Напротив: наблюдается существенное увеличение числа рабочих мест в стране.*

Четвертая категория представлена термином «конструктивная политика» и получает код (0) – отсутствие тематической альтернативы (ригидность позиций): *Но это вовсе не означает, что в нашей стране свободная интеграция. Это не относится ни к обществу, ни к рынку труда.*

Учитывая результат кодирования выступления В. Босбаха посредством ИКД, можно говорить о деструктивности дискурса. Максимально низкие показатели 3 и 4 категорий кодирования являются показателями ярко выраженного *деструктивного дискурса, макрокод 6.*

(0) (3) (3) (0) (0) (0) (0) **0+6+(0+0)=6**

Анализ выступления М. Швезиг

Первой категории кодирования, определяющей участие, присваивается код (2), так как зафиксированных прерываний не было.

Вторая категория кодирования, определяющая уровни обоснования, представлена структурой и содержанием обоснования.

Структура пошагового обоснования по принципу вычисления среднего арифметического дала код (3).

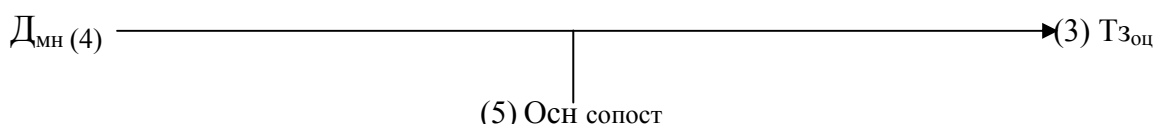
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-1

(1) Мы виноваты перед женщинами, которые прошли в новогоднюю ночь в Кёльне и других городах (2) через то, что до сегодняшнего дня казалось нам невыносимым, (3) мы виноваты также и перед женщинами, которым приходится и в обычной жизни сталкиваться с насилием и чувствовать себя одинокими в своей беде, (4) потому как об этом не принято говорить. (5) Это касается места работы, круга знакомых, метро и даже собственного дома. (6) Мы виноваты перед каждой женщиной.

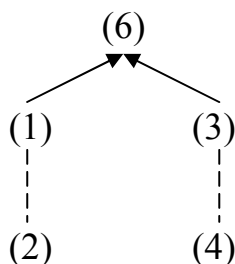
Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-1 КАК АРГУМЕНТА

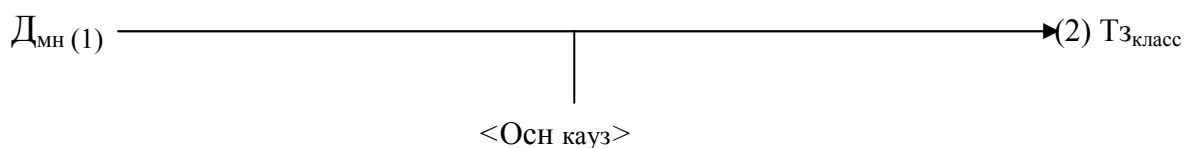

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-2

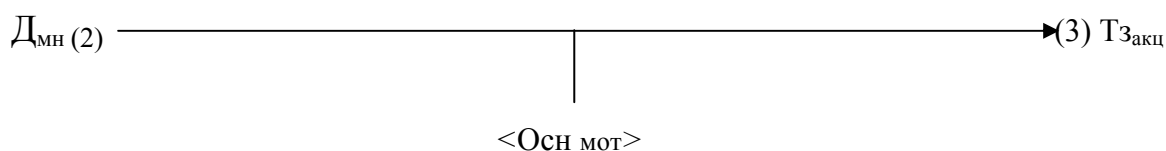
Но я думаю, что (1) сейчас речь идет не о взаимных подсчетах того, кто и сколько сотрудников полиции предоставил. (2) Речь идет о согласии всех демократических фракций. Мы должны сказать следующее: (3) мы хотим использовать данный инцидент, как (4) возможность расширить права женщин,

которые пережили подобное и привлечь преступников к ответственности по суду.

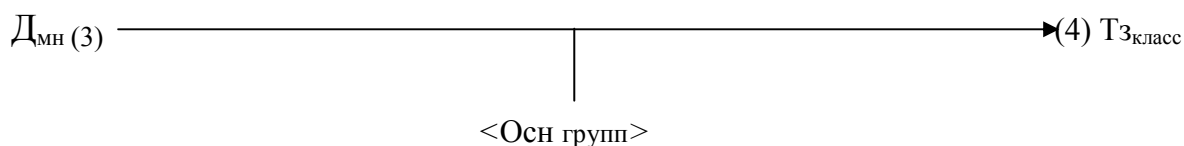
Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

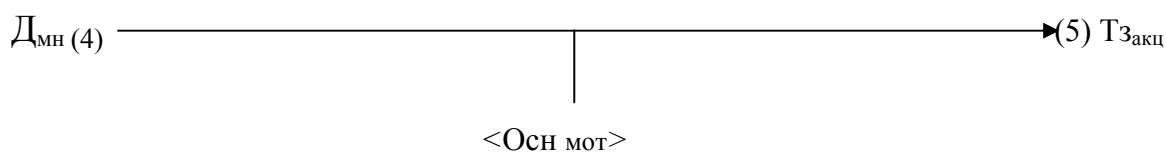
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

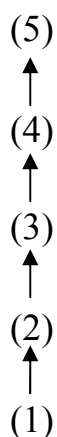
Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-4 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-2 КАК АРГУМЕНТА

Содержание обоснования. Данная категория идентифицирует призыв к общему благу и получает код (1) +А -В, так как высказывания эксплицитны и затрагивают интересы лишь отдельных групп.

Третья категория кодирования представлена категорией уважения и будет рассмотрена в трех ракурсах:

Уважение к группе представлено кодом (2) – явное эксплицитное позитивное отношение к оппонентам, с позитивными высказываниями: *Поэтому я поддерживаю предложение федерального министра юстиции – устранить все недочеты в уголовно-правовых нормах, предусматривающих ответственность за совершение преступлений на сексуальной почве.*

Уважение к требованиям представлено кодом (1) – имплицитное уважение, нет негативных высказываний.

Уважение к контраргументам (КА) представлено кодом (3) – учет КА, выдвигаемого оппонентами.

Четвертая категория представлена термином «конструктивная политика» и получает код (2) – осознание необходимости коррекции.

Учитывая результат кодирования выступления М. Швезиг посредством ИКД, можно говорить о конструктивности дискурса. Показатели 3 и 4 категорий кодирования являются показателями конструктивности высказываний данного оратора: сумма кодов по всем категориям кодирования дала общий конструктивный показатель, **макрокод 14.**

(2) (3) (1) (2) (1) (3) (2) **2+4+(6+2)=14**

Анализ выступления А. Шойер

Первой категории кодирования, определяющей участие, присваивается код (1), так как прерывания были, но жалоб со стороны оратора не последовало.

Вторая категория кодирования, определяющая уровни обоснования, представлена структурой и содержанием обоснования.

Структура пошагового обоснования по принципу вычисления среднего арифметического дала код (3).

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-1

Конечно, (1) нам следует обсудить случившееся и дать всем понять, что Германия – это, прежде всего закон и безопасность. (2) Именно так ассоциируется Германия у мировой общественности. (3) Германия взяла на себя своего рода ответственность за беженцев и многое сделала для них. Но в

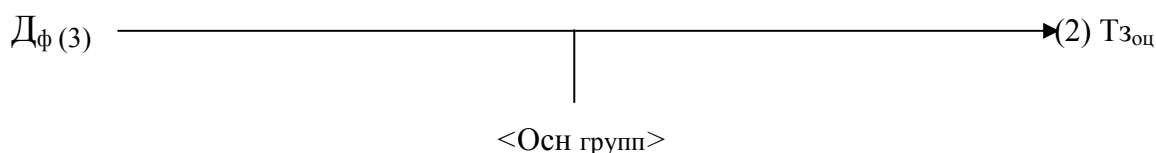

приоритете для нас остается осознание нашими гражданами того факта, что (4) жизнь в Германии безопасна для них и таковой и останется.

Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

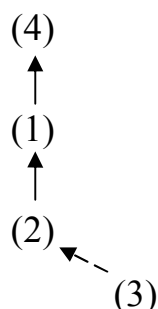
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-3– код (3) обоснование второго порядка

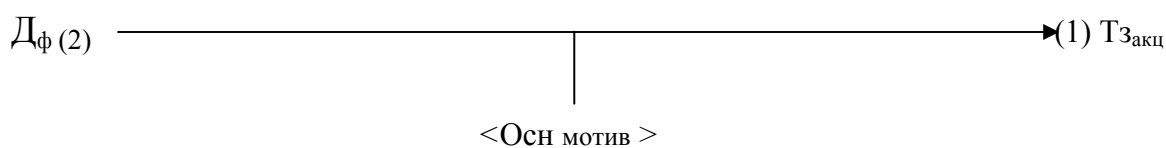
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-1 КАК АРГУМЕНТА

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-2

Однако (1) не следует чрезмерно опекать граждан, когда речь идет о их правах знать правду, факты. Иначе (2) это влечет за собой волну писем в адрес депутатов и партий: (3) чтобы не сталкиваться с подобными опасными социальными прениями, (4) необходимо открыто освещать проблемы, не утаивая их от граждан. (5) Наша задача – открыто обсуждать это.

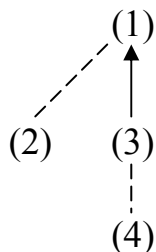
Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-2 КАК АРГУМЕНТА

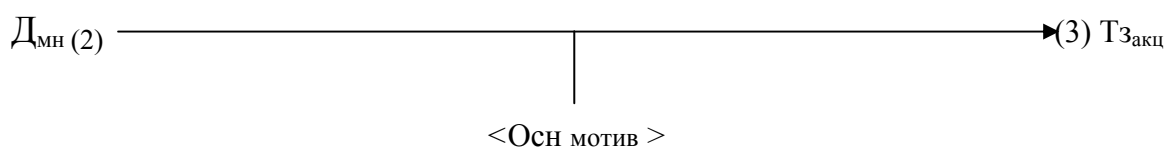
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-3

(1) События в Кельне стали своего рода «осечкой» политического и полицейского руководства. (2) Жалко и трусливо высказываться плохо в адрес сотрудников полиции. (3) Необходимо им прояснить стратегию поведения в подобных ситуациях. В таких случаях (4) баварская полиция использует принцип «деэскалация силой, силой во внешнем ее проявлении», а не «деэскалация путем отступления и проявления слабости». Следует (5) дать понять враждебно настроенным группам, что (6) государство будет действовать незамедлительно в случае посягательств на права граждан.

Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

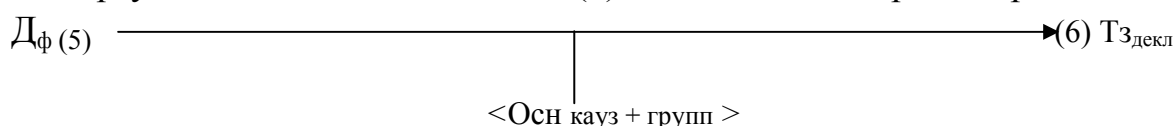
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

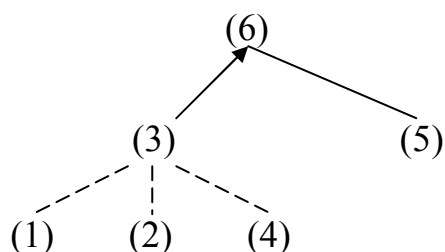
Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-4 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-3 КАК АРГУМЕНТА

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-4

Именно поэтому (1) я благодарен министрам (2) за подписание соглашения об ужесточении мер по отношению к мигрантам. Но я также подчеркиваю, (3) что в федеральных землях не хватает сотрудников полиции, – (4) об этом уже достаточно говорилось сегодня, – (5) не хватает и камер видеонаблюдения, особенно в крупных городах; (6) не хватает сотрудников в местах скопления людей.

Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

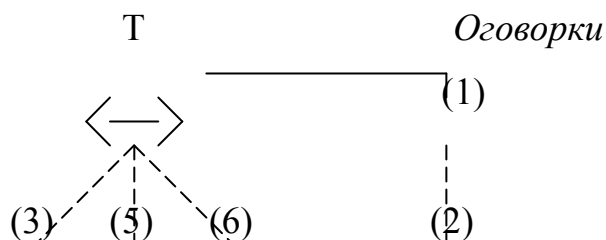
Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-4 – код (3) обоснование второго порядка

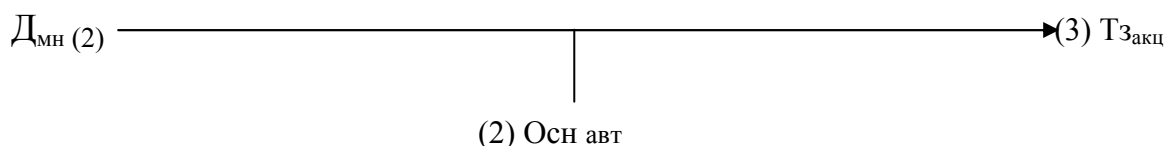
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-4 КАК АРГУМЕНТА

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-5 (АХ ОПРОВЕРЖЕНИЯ)

(1) Г-жа Геринг-Эккардт, в самом конце хотел бы обратиться к Вам: (2) я слышал из ваших комментариев, что (3) вы очень заинтересованы в успешной интеграции.... Почему? Потому что (4) отсутствует расширение группы безопасных стран происхождения. Но я все же утверждаю: (5) процесс интеграции для граждан отдельных государств, – (6) которые являются исключительно экономическими беженцами, (7) к примеру, марокканцы – (5) слишком уж затянулся. Почему? Потому что (8) нет расширения группы для стран безопасного происхождения. (9) Нам следует принять незамедлительное решение о депортации этой группы экономических беженцев из нашей страны.

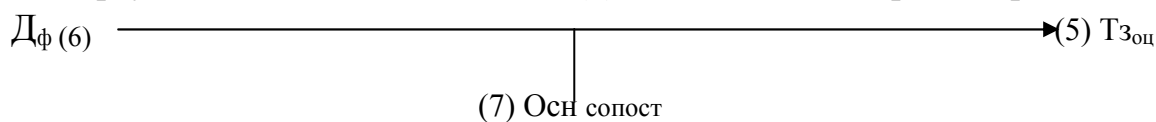
Аргументативный Шаг-1 – код (3) обоснование второго порядка

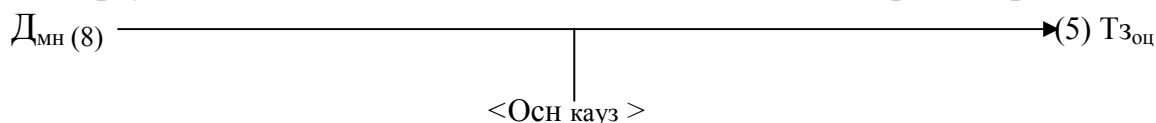
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

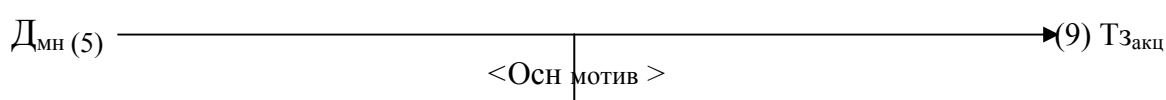
Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

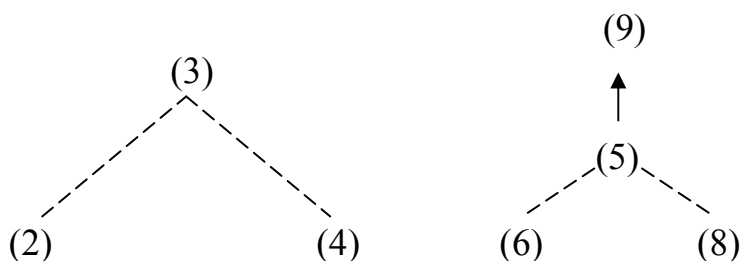
Аргументативный Шаг-4 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-5 – код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-5 КАК АРГУМЕНТА

Содержание обоснования. Данная категория идентифицирует призыв к общему благу и получает код (1) +А -В, так как высказывания эксплицитны и затрагивают интересы лишь отдельных групп.

Третья категория кодирования представлена категорией уважения и будет рассмотрена в трех ракурсах:

Уважение к группе представлено кодом (1) – имплицитное уважение. Нет негативных высказываний.

Уважение к требованиям представлено кодом (0) – негативные высказывания в адрес оппонента.

Уважение к контраргументам (КА) представлено кодом (0) – отрицание КА, выдвигаемого оппонентами: *Г-жа Геринг-Эккардт, в самом конце хотел бы обратиться к Вам: я слышал из ваших комментариев, что вы очень заинтересованы в успешной интеграции. Но я говорю, что процедуры для членов определенных государств, которые оказались здесь исключительно как экономические мигранты, – вы обратились к марокканцам – занимают слишком много времени.*

Четвертая категория представлена термином «конструктивная политика» и получает код (1) – наличие тематической альтернативы представлено отрицанием с внесением своих предложений: *Поэтому я был бы рад, если бы Вы способствовали к расширению группы «Безопасных стран».*

Учитывая результат кодирования выступления А. Шойера посредством ИКД, можно говорить о деструктивности дискурса. Максимально низкие показатели 3 и 4 категорий кодирования являются показателями ярко выраженного *деструктивного дискурса, макрокод 7.*

(1) (3) (1) (1) (0) (0) (1) $1+4+(1+1)=7$

Анализ выступления К. Мааг

Первой категории кодирования, определяющей участие, присваивается код (1), так как прерывания были, но жалоб со стороны оратора не последовало.

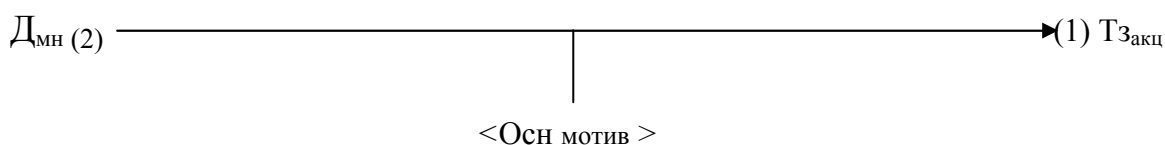
Вторая категория кодирования, определяющая уровни обоснования, представлена структурой и содержанием обоснования.

Структура пошагового обоснования по принципу вычисления среднего арифметического дала код (3).

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-1

(1) Я полностью поддерживаю введение реформы сексуального уголовного права и согласна, что (2) «облапывания» также должны быть наказуемы. (3) Я рада, что (4) правительство, наконец, осознало необходимость отказа в статусе беженцев лицам, совершившим преступления.

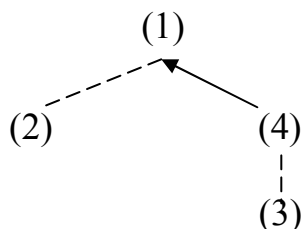
Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-2– код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-1 КАК АРГУМЕНТА

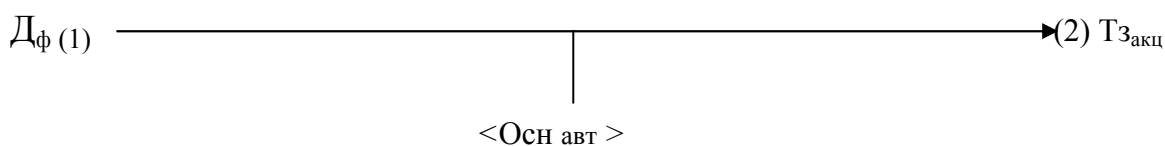

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-2

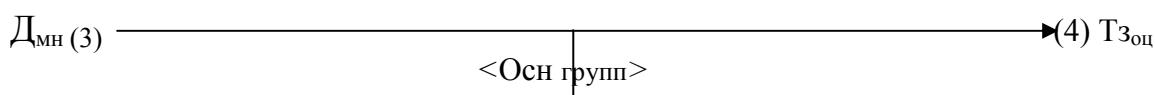
Кроме того, (1) Кельн дал нам понять, что (2) мы больше не допустим провокационные действия по отношению к нашему правовому государству;

потому что (3) права женщин были самой уязвимой стороной нашего сообщества, (4) а так быть не должно.

Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

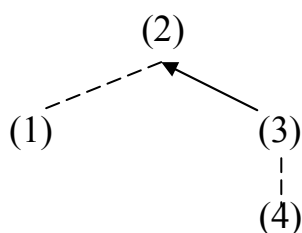
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-3 – код (3) обоснование второго порядка

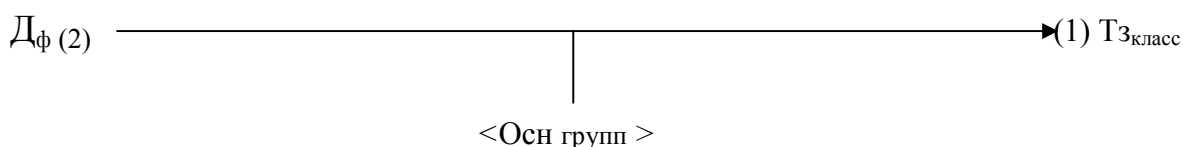
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-2 КАК АРГУМЕНТА

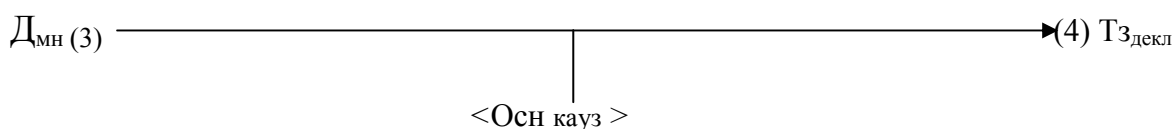
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-3

(1) Я считаю, что нужны четкие критерии и разграничение. (2) После оценки событий полицией в Кельне даже половина беженцев из Сирии не получила права на убежище. (3) Если речь идет о тех, кому и правда нужна наша помощь и защита, то я по-прежнему считаю, что (4) интеграция может быть успешной.

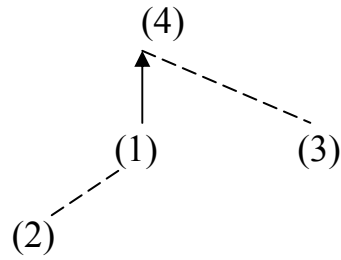
Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-2– код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-3 КАК АРГУМЕНТА

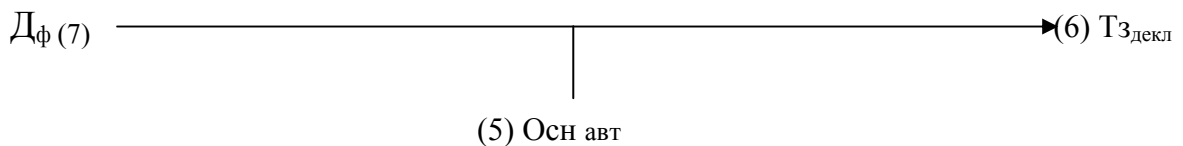
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-4

(1) Здесь речь, конечно, идет и о культурных различиях. (2) Их культура патриархальна по своей природе и (3) не всегда схожа с нашей. Но (4) это может измениться. (5) Криминолог Кристиан Пфайффер в своих исследованиях образа жизни молодых мигрантов выявил, что (6) их патриархально-ориентированная направленность ослабляет, и меняются гендерные роли в семьях, когда (7) люди проживают здесь. (8) Это было бы так легко: работа, образование и немецкие друзья.

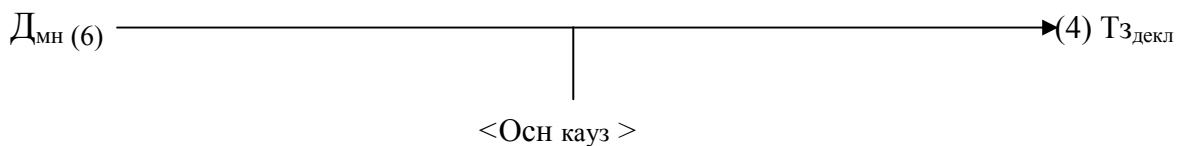
Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-2– код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-3– код (3) обоснование второго порядка

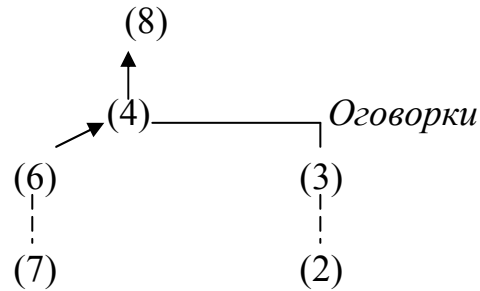

Аргументативный Шаг-4– код (3) обоснование второго порядка

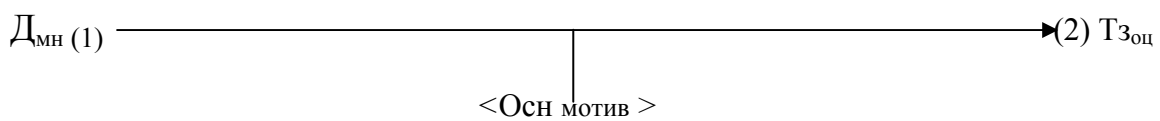
СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-4 КАК АРГУМЕНТА

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ХОДА-5

(0) Я заканчиваю. (1) Мы должны прикладывать больше усилий. (2) Все получится, если (3) никто не отступит и (4) не займет просто наблюдательную позицию, – (5) это касается и соцсетей. Нет, (6) просто наблюдений недостаточно. (7) Мы должны – и я обращаюсь ко всем гражданам – отстоять наше государство. (8) Мы должны чувствовать ответственность перед сообществом. (9) Это политическая задача для нас. Большое спасибо.

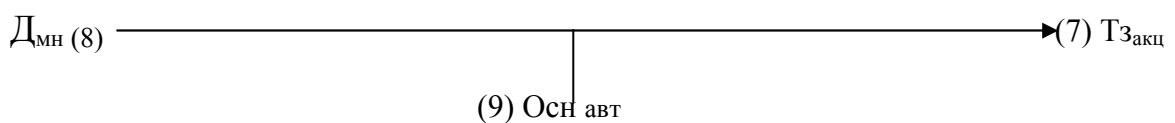
Аргументативный Шаг-1– код (3) обоснование второго порядка

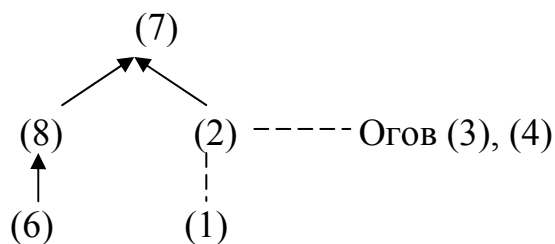
Аргументативный Шаг-2 – код (3) обоснование второго порядка

Аргументативный Шаг-3– код (3) обоснование второго порядка

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХОДА-5 КАК АРГУМЕНТА

Содержание обоснования. Данная категория идентифицирует призыв к общему благу и получает код (3) +А +В, так как высказывания эксплицитны и затрагивают полигрупповые интересы.

Третья категория кодирования представлена категорией уважения и будет рассмотрена в трех ракурсах:

Уважение к группе представлено кодом (1) – имплицитное уважение. Нет негативных высказываний

Уважение к требованиям представлено кодом (1) – имплицитное уважение, нет негативных высказываний.

Уважение к контраргументам (КА) представлено кодом (2) – нет отрицания, но нет и учета КА (Кати Киппинг), нейтральная позиция.

Четвертая категория представлена термином «конструктивная политика» и получает код (2) – осознание необходимости коррекции:

Если речь идет о тех, кому и правда нужна наша помощь и защита, то я по-прежнему считаю, что интеграция может быть успешной.

Учитывая результат кодирования выступления Карин Мааг посредством ИКД, можно говорить о конструктивности дискурса. Показатели 3 и 4 категорий кодирования являются показателями конструктивности высказываний данного оратора: сумма кодов по всем категориям кодирования дала общий конструктивный показатель, **макрокод 13**.

(1) (3) (3) (1) (1) (2) (2) **1+6+(4+2)=13**

В ходе анализа было представлено четыре категории кодирования с семью пунктами критерий оценивания. Суммирование кодов позволило выявить градацию кодирования и определить дискурсивное качество дебатов: закодированные высказывания, получившие макрокод «менее 10», относятся к деструктивным; закодированные высказывания, получившие макрокод «10 и более», относятся к конструктивным.

Результаты анализа посредством коэффициента ИКД позволили четко определить тип макростратегий, а значит тип дискурса и его качество.

Изменения, представленные в Таблице 1 определяют адекватность методики фиксации фаз протекания дискурса посредством коэффициента ИКД.

Таблица 1 – *Тактико-стратегические и аргументативные характеристики речевого взаимодействия*

Говорящий	Стратегии		Аксиологичность		Тип макро-стратегии	Коэфф. ИКД Макро-код
	полярные	амбивалентные	в полярных стратегиях	в амбивалентных стратегиях		
О. Шрёдер	1 компромисса	2 самопрезентации		2 (+)	Конструкт. $\longleftrightarrow$	14
К.Киппинг	4 дискредитации	3 самопрезентации	1 (-)		Деструкт. $\longleftrightarrow$	7
Х. Маас		3 самопрезентации		2 (+)	Конструкт. $\longleftrightarrow$	12
К. Геринг-Еккардт	4 дискредитации (во взаимодействии) 3 самопрезентации		2 (-)		Деструктивная	7
Т.Штробль	2 компромисса	2 манипуляции		1(+)	Конструкт. $\longleftrightarrow$	12
Е. Хёгль	2 компромисса 1 дискредитации	1 самопрезентации	2 (-)	1 (+)	Конструкт. $\longleftrightarrow$	11
В. Босбах	1 дискредитации	1 самопрезентации 1 манипуляции		2 (-)	Деструкт. $\longleftrightarrow$	6

Говорящий	Стратегии		Аксиологичность		Тип макро-стратегии	Коэфф. ИКД Макро-код
	полярные	амбивалентные	в полярных стратегиях	в амбивалентных стратегиях		
М. Швезиг	2 компромисса				<i>Конструктивная</i>	14
А. Шойер	1 дискредитации	1 самопрезентации 1 манипуляции		4 (-)	<i>Деструкт.</i> $\longleftrightarrow$ 7	
К. Мааг	2 компромисса	1 манипуляции	1 (+)		<i>Конструкт.</i> $\longleftrightarrow$ 13	

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Для определения типа дискурса в парламентских дебатах Бундестага были рассмотрены и проанализированы средства манифестации речевого взаимодействия, используемые политиками для построения конструктивных и деструктивных высказываний, выделены их межличностные и внеличностные (только на языковые средства) установки, учтена аксиологичность высказываний.

Анализ дебатов показал, что главной кооммуникативной стратегией деструктивного общения является стратегия дискредитации оппонента и стратегия самопрезентации. Все действия коммуникантов в ситуациях деструктивного общения направлены на их реализацию.

Прямые обличительные тактики характерны для ситуаций открытого деструктивного общения, именно эти тактики несут в себе наиболее мощную силу

деструктивного воздействия. Косвенные тактики используются в ситуациях открытого и скрытого деструктивного общения.

Таким образом, с точки зрения стратегического подхода, можно сделать вывод, что целью политиков в аргументативном дискурсе парламентских дебатов Бундестага является удержание власти за счет дискредитации оппонентов. Основной целью дискредитации является создание отрицательного имиджа оппонента; при этом данная стратегия используется исключительно в условиях деструктивности дискурса. Лексическими средствами выражения деструктивности высказываний являются лексические усилители с конфликтным потенциалом (*aber, doch, denn, etwa, ganz, gerade, noch, schon*), частота использования фразеологических выражений (*weil Rechtsextreme das Dorf beherrschen, Die Kräfte vor Ort müssen gebündelt werden...*).

Особенность стратегии компромисса в условиях конструктивности общения – готовность политика признавать свои упущения, призыв к сотрудничеству и корректное выражение критики (стратегия компромисса не исключает присутствия критических замечаний, но выражены они тактично и обосновано) с элементами похвалы. Такой «смягченный» вид критики выражается при помощи лексических средств, например, наречий *etwas, teilweise*. Важная роль при этом отводится также лексемам, выражающим положительную оценку оппонента *erleichtert sein, danken*; призывы к сотрудничеству *Ich lade Sie ein, daran mitzuwirken*.

Стратегия дискредитации и стратегия компромисса были отнесены к полярным стратегиям – четко определяющим деструктивность/конструктивность высказываний, и, соответственно, тип макростратегии. Стратегии самопрезентации и манипуляции в работе отнесены к амбивалентным стратегиям, используемым политиками, как в конструктивных, так и в деструктивных высказываниях, способных функционировать в поле двух макростратегий – конструктивной и деструктивной.

Анализ стратегий осуществлялся с учетом иерархии ценностей немецкой культуры. К лингвистическим средствам, в частности, аксиологическим

высказываниям, отражающим фундаментальные ценности немецкой культуры, отнесены – *Ordnung* (порядок), *Pflicht* (долг), *Disziplin* (дисциплина), *Gehorsam* (послушание), *Recht* (право), *Sicherheit* (безопасность, гарантия). Они являются некой культурной идентификацией дискурса немецкой культуры в условиях конструктивного и деструктивного речевого взаимодействия.

Аргументативно-функциональное наполнение дебатов было рассмотрено посредством коэффициента ИКД с семью критериями кодирования. Результаты кодирования выступлений участников парламентских дебатов в Бундестаге позволяют говорить о функциональной способности ИКД как специальной методики фиксации фаз протекания дискурса четко определять тип макростратегии, а, следовательно, и конструктивность/деструктивность высказываний и дискурсивное качество дебатов.

Совокупность использования тех или иных речевых средств формирует соответствующий тип дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании был проведен анализ средств выражения конструктивного/деструктивного речевого взаимодействия на материале парламентских дебатов в Бундестаге.

В теоретической части проведен обзор концепций к трактовке ключевых для исследования понятий дискурса – конструктивность/деструктивность. Представлены следующие исследовательские методики: 1) анализ аргументативного дискурса и средств выражения конструктивности/деструктивности; 2) стратегический подход к анализу средств выражения конструктивности/деструктивности; 3) фиксация фаз протекания дискурса.

Исследование эмпирического материала показало, что деструктивные намерения участников коммуникации в Бундестаге не всегда явны и открыты. Речевое взаимодействие коммуникантов в аргументативном дискурсе парламентских дебатов часто сопровождается столкновениями, которые носят деструктивный конфликтный характер. Термин *конфликт* (синоним *конфронтация*) широко применяется в различных областях, так как столкновения порождаются во многих сферах общественной жизни. Современная наука не рассматривает конфликт как нечто негативное, выделяется и позитивный (конструктивный) аспект конфликтных ситуаций как некий способ развития.

Речевое взаимодействие трактуется в представленном исследовании в смысле «дискуссия, дебаты, т.е. взаимообмен информацией о (зачастую несовпадающих) позициях коммуникантов». Оно может быть кооперативным и некооперативным. Однако даже кооперативность, как цель и разновидность взаимодействия определяется в дебатах не сразу. Сначала выявляются различия в позициях, а уже потом стороны (часто каждая для себя) решают, решают, какой тип коммуникативной установки выбрать – искать согласия или стремиться переубедить соперника. В диссертации взаимодействие берется в ориентации на аргументативную составляющую общения, которая по своей сути изначально

предполагает *конфронтацию* (согласно голландской школе прагматической диалектики, это предваряющая собственно аргументацию стадия многоступенчатого аргументативного речевого взаимодействия).

Конфронтация может (а) предполагать, а может и (б) не предполагать поиск взаимоприемлемого решения: речь идет о коммуникативных установках общающихся – (а) на сотрудничество и (б) на конфликт; в первом случае имеет место конструктивность, во втором – деструктивность.

Конструктивное речевое взаимодействие выражает коммуникативную установку на разрешение проблемы (позиции сторон по отношению к проблеме в рациональной дискуссии обозначаются на стадии конфронтации) – уладить разногласия и прийти к взаимоприемлемому решению.

Деструктивное взаимодействие предполагает столкновение, противоборство оппонентов, где каждый из участников коммуникации имеет коммуникативную установку на одержание победы над соперником.

Тем не менее, оба этих вида взаимодействия – конструктивное и деструктивное – остаются разновидностями речевого взаимодействия в целом.

В ходе анализа было выявлено, что конструктивный и деструктивный дискурсы являются особыми типами социальной интеракции, с определенными целями и отношениями. Оба типа дискурса являются динамичными интерактивными процессами, способными влиять на коммуникативную ситуацию.

В русле представленного исследования парламентские дебаты были рассмотрены как особый диалогический политический жанр, выполняющий воздействующе-агитационную и информативную функцию.

Проведенное исследование базировалось на прагматическом аспекте анализа парламентских дебатов в Бундестаге, что, определенно, предполагало учет иерархии ценностей немецкой культуры, на которые ориентированы конструктивный и деструктивный типы дискурса. Иерархия ценностей немецкой культуры наполняет процесс коммуникации в условиях конструктивного и деструктивного типов дискурса парламентских дебатов определенным

эмоциональным содержанием, придавая отдельным фразам позицию авторитета говорящего, правды и т. д. Таким образом, аксиологические высказывания, отражающие фундаментальные ценности немецкой культуры, являются некими культурными идентификаторами в условиях конструктивности и деструктивности общения. Анализ представленных дебатов показал, что аксиологически окрашенные высказывания в деструктивном типе дискурса встречаются чаще, чем в конструктивном (60% *VS.* 40%). Это связано с частотностью использования аксиологически окрашенных высказываний в моменты негативного воздействия на адресата, его дискредитации, манипуляции им, а также в ходе самопрезентации.

Для анализа речевых стратегий были взяты четыре типа стратегий, наиболее полно, на наш взгляд, характеризующие политическую сферу аргументативного дискурса: стратегии дискредитации, самопрезентации, манипуляции и компромисса. В рамках данного деления было разработано и предложено следующее деление: конструктивные и деструктивные макростратегии, определяющие тип дискурса и представленные полярными и амбивалентными стратегиями. Невозможность чётко соотнести амбивалентные стратегии (самопрезентации и манипуляции) к определенному типу дискурса потребовала анализа более точными методами (коэффициентом ИКД).

Речевоздействующий эффект в *конструктивном* и *деструктивном* типах дискурса достигается не только с помощью лексико-грамматических средств, но и при помощи аргументативных структур. В аргументативном блоке исследования была представлена методика фиксации фаз протекания дискурса. Для определения индекса качества дискурса было выделено несколько категорий кодирования. Взяв их за основу, было представлено новое видение ИКД как инструментария кодировки, четыре категории кодирования с семью пунктами критерий оценивания. Суммирование кодов позволило выявить градацию кодирования (макрокод): закодированные высказывания, набравшие сумму «менее 10», относятся к деструктивным высказываниям; закодированные

высказывания, набравшие сумму «10 и более», относятся к конструктивным высказываниям.

Сравнительный анализ результатов кодирования и частотности использования конструктивных и деструктивных макростратегий с учетом аксиологичности высказываний в представленных типах дискурса и выбора коммуникативных установок, позволил прийти к следующим выводам:

– использование деструктивных макростратегий значительно превосходит употребление конструктивных (61% *VS.* 39%);

– использование аксиологичных высказываний в условиях деструктивного речевого взаимодействия выше, чем в условиях конструктивного (60% *VS.* 40%);

– дискурсивное качество дебатов в анализируемых протоколах было представлено по результатам анализа кодирования ИКД в большей мере как конструктивное (60% *VS.* 40%).

Следовательно, для реализации деструктивного речевого взаимодействия требуется гораздо больше языковых и речевых средств, чем для конструктивного.

Перспективы исследования предполагают дальнейшую разработку понятия *макростратегия, конструктивный и деструктивный дискурс*, а также исследование того, как политические деятели стратегически используют аргументацию в конструктивном и деструктивном речевом взаимодействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов С.Н. Герменевтика, интерпретация, текст / С.Н. Абрамов // *Studia Linguistica*. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 1996. – С. 114–119.
2. Алексеева А.А. Аргументативный потенциал крылатых слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Алексеева. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 18 с.
3. Алексеева С.В. Деривация текста и сбои в его образовании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.В. Алексеева. – Пермь: ПГУ, 1996. – 20 с.
4. Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т.В. Анисимова. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2000. – 349 с.
5. Антипов Г.А., Текст как явление культуры / Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А.Сорокин. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1989. – 197 с.
6. Аристотель. Риторика / Аристотель. – М.: Лабиринт, 2000. – 385 с.
7. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики или о пользе спора / Н.Д. Арутюнова // *Логический анализ языка*. Вып. 3. Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990. – С. 175–189.
8. Арутюнова Н.Д. Жанры общения / Н.Д. Арутюнова // *Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис*. – М.: Наука, 1992. – С. 52–56.
9. Астафурова Т.Н. Лингвокогнитивный подход к исследованию межкультурной коммуникации / Т.Н. Астафурова // *Вестник ВолГУ*. – Серия 2. Языкознание, 2002. – Выпуск 2. – С. 165–171.
10. Баранов А.Н. Коммуникативно-смысловая оппозиция «данное – новое»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.21 / А.Н. Баранов. – М.: МГУ, 1984. – 25 с.

11. Баранов А.Н. Лингвопрагматические механизмы аргументации /А.Н. Баранов, В.М. Сергеев // Рациональность, рассуждения, коммуникация: Логико-методологический анализ. – Киев: КНУ, 1987. – С. 22–41.
12. Баранов А.Н. Что нас убеждает? Речевое воздействие и общественное сознание /А.Н. Баранов. – М.: Знание, 1990. – 160 с.
13. Баранов А.Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен речевого воздействия в сфере массовой информации /А.Н. Баранов. – М.: Наука, 1990. – С. 64–83.
14. Баранов А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога /А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1992. – С. 84-99.
15. Баранов А.Н. Политический дискурс: методы анализа структуры и метафорики / Баранов А.Н. Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. – 94 с.
16. Барташова О.А. Соблюдение и нарушение принципов речевого общения в ситуациях деловой коммуникации: учебное пособие / О.А. Барташова, С.Е. Полякова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – 48 с.
17. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Наука, 1972. – 187 с.
18. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М.: Наука, 1986. – 431 с.
19. Бахтин М.М. Тетралогия / М.М. Бахтин. – М., 1998. – 608 с.
20. Башинский В.Н. Эмоционально-экспрессивные частицы в современном немецком языке: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.20 / В.Н. Башинский. – Пятигорск, 1985. – 17с.
21. Белецкая О.Д. Когнитивно-коммуникативная интерпретация вопросно-ответных единств: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Д. Белецкая.– Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 19 с.

22. Белецкая О.Д. Когнитивно-коммуникативный анализ диалога / О.Д. Белецкая // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – Вып. 2. – С. 32–37.
23. Белова Е.Н. Структура и семантика аргументативного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Н. Белова. – СПб, 1995. – 151 с.
24. Бельчиков Ю.А. Общественно-политическая лексика В.Г.Белинского / Ю.А. Бельчиков. – М.: Изд-во МГУ, 1962. – 132 с.
25. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа / Э. Бенвенист // Новое в зарубежной лингвистике. – М: Прогресс, 1965. – Вып. 4. – С. 47–62.
26. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 399 с.
27. Берков В.Ф. Аргументация и вопрос / В.Ф. Берков // Речевое общение и аргументация. – СПб, Амстердам: СПб. гос. унт, 1993. – Вып. 1. – С. 61–67.
28. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–120.
29. Бобырева Е.В. Семантика и прагматика инициальных реплик диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.19 / Е.В. Бобырева. – Волгоград: Волг. гос. пед. ун-т, 1996. – 22 с.
30. Богданов В.В. Классификация речевых актов / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 25–37.
31. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты: учебное пособие / В.В. Богданов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 88 с.
32. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание под редакцией И.А.Стернина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 25–36.
33. Брутян Г.А. Аргументация / Г.А. Брутян. – Ереван: Изд-во АН Арм ССР, 1984. – 63 с.
34. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? / Р.А. Будагов. – М.: Наука, 1977. – 264 с.

35. Бураихи Ф.К. Глаголы деструктивного воздействия в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук:10.02.01 / Ф.К. Бураихи. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2011. – 138 с.
36. Варзонин Ю.Н. Эффективность воздействия/взаимодействия с позиции риторической модели / Ю.Н. Варзонин // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь, 1999. – Вып. 2. – С. 42–50.
37. Васильев Л.Г. Аспекты аргументации / Л.Г. Васильев.– Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 42 с.
38. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания / Л.Г. Васильев. – Тверь: Тверск. гос. ун-т., 1994. – 222 с.
39. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.21 / Л.Г. Васильев. – СПб.: 1999. – 35 с.
40. Васильев Л.Г. Понимание аргументативного дискурса: коммуникативный метод vs. интерактивный / Л.Г. Васильев. – Тула, 2000. – С. 19–28.
41. Васильев Л.Г. Речевые стратегии и апеллятивный дискурс / Л.Г. Васильев, Н.Н. Черкасская. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2012. – 99 с.
42. Васильев Л.Г. Аргументация и ее понимание: логико-лингвистический подход / Л.Г. Васильев. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2014. – 331 с.
43. Васильев Л.Г., Назарчук Ю.И. Лингвистическая аргументология: структурно-семантический подход / Л.Г. Васильев, Ю.И. Назарчук. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. – 131 с.
44. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев.– М.: Прогресс, 1990. – 164 с.
45. Васильева Т.А. Антиномии деструктивного сознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Т.А. Васильева. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2004. – 23 с.

46. Ватолкина А.М. Искажение восприятия конфликтной ситуации основными участниками: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / А.М. Ватолкина. – Курск: Кур.гос.ун-т, 2007. – 159 с.
47. Вежбицкая А. Семантика грамматики / А. Вежбицкая. – М.: ИНИОН, 1992. – 31 с.
48. Верещагин Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.
49. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Прогресс, 1977. – 312 с.
50. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 79–128.
51. Власова М.Г. Сравнительный анализ типов международных переговоров: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / М.Г. Власова. – М.: 1998. – 214 с.
52. Водак Р. Язык. Дискурс Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
53. Волков А.А. Концепция публичной речи и единицы языка // Роль языка в средствах массовой коммуникации / А.А. Волков. – М.: Прогресс, 1986. – С. 46–81.
54. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис ... док. фил. наук: 10.02.19 / Я.А. Волкова. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ, 2014. – 430 с.
55. Волошина Н.В. Дебаты как речевой жанр в профессиональной деятельности учителя: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Н.В. Волошина.— М.: МПГУ, 2006. – 16 с.
56. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Психология. – М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2000. – С. 265–509.

57. Вышквыркина М.А Конструктивные и деструктивные типы реакций на противоречие в системе представлений о другом человеке: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / М.А. Вышквыркина. – Р/Д: Юж. федер. ун-т, 2009. – 184 с.
58. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста/ И.Р. Гальперин // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1977. – № 6. – С. 522–532.
59. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования/ И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
60. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Комкнига, 2006. – 144 с.
61. Гордон Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 276–302.
62. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, Н.Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985. – С. 17-29.
63. Грайс П. Логика и речевое общение / П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
64. Григорьева В.С. Проблемы теории и интерпретации текста / В.С. Григорьева, Г.В. Расторгуева, И.Ю. Мостовская. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. пед. ин-та, 1987. – 120 с.
65. Григорьева В.С. Анализ дискурса. К постановке вопроса / В.С. Григорьева // Актуальные проблемы лингводидактики: сб. тез. и докл. – Тамбов: ТВВАИУ, 1998. – С. 99–100.
66. Григорьева В.С. Этнические аспекты категоризации бытия и обладания в немецком и русском языках / В.С. Григорьева // Общие проблемы строения и организации языковых категорий: материалы науч. конф. ; Ин-т языкознания Рос. акад. наук. – М., 1998. – С. 66–67.
67. Гришаева Л.И. Дискурс, дискурсивное событие и текст / Л.И. Гришаева // Номинация и дискурс: материалы докл. междунар. науч. конф. – Минск: Минск. гос. лингвист. ун-т, 2006. – С. 11–13.

68. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. – 4-е издание / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – М.: Академия, 2007. – 336 с.
69. Гришина Н.В. Производственные конфликты и их регулирование / Н.В. Гришина // Промышленная социальная психология. – Л., 1982. – С. 108–121.
70. Гришина Н.В. От подавления к признанию, или Золотой век конфликтологии / Н.В. Гришина // Бюллетень Клуба конфликтологов. – Красноярск, 1990. – Вып. 1. – С. 4–11.
71. Гришина Н.В. Восприятие и анализ конфликтной ситуации как фактор ее эффективного преобразования / Н.В. Гришина // Конфликт в конструктивной психологии. – Красноярск, 1990. – С. 46–48.
72. Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.И. Гулакова. – Орел: Орловский гос. ун-т, 2004. – 155 с.
73. Гурочкина А.Г. Когнитивный и прагмасемантический аспекты функционирования языковых единиц в дискурсе / А.Г. Гурочкина. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 102 с.
74. Данько Ю.В. Социальная терапия: разноуровневые технологии преодоления деструктивного поведения: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ю.В. Данько. – Р/Д.: РГУ, 2004. – 167с.
75. Дейк ван Т.А. Вопросы прагматики текста / Т. А. Ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 259–336.
76. Дейк ван Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. Ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23 – С. 153–211.
77. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
78. Демьянков В.З. Теория речевых актов в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (обзор направлений) / В.З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 223–234.

79. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.

80. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В.З. Демьянков // Язык и структура представления знаний. – М.: ВЦП, 1992. – С. 39–77.

81. Добрякова Н.Н. Аргументативное сообщение как единица политической речи. Прагмалингвистический и интеракциональный аспекты анализа: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Н. Добрякова. – СПб, 2003. – 201 с.

82. Дудченко В.С. Трансформация конфликта / В.С. Дудченко // В контексте конфликтологии: диагностика и методология управления конфликтной ситуацией. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2001. – №3. – 176 с.

83. Дукман А.А. ИмPLICITные представления личности о конструктивности в общении и их смысловые основания: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / А.А. Дукман. – Р/Д., 2004. – 18 с.

84. Еемеерен Ф.Х. Речевые акты в аргументативных дискуссиях: пер. с англ. / Ф.Х. Еемеерен, Р. Гроотендорст. – СПб.: С.-Петербургск. гос. ун-т, 1994. – 240 с.

85. Еемеерен Ф.Х. Аргументация: анализ, проверка, представление: пер. с англ. / Ф.Х. Еемеерен, Р. Гроотендорст, Ф.С. Хенкеманс. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2002. – 154 с.

86. Ермакова О.П. К построению коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. С. 30–64.

87. Жельвис В.И. Инвектива в политической речи / В.И. Жельвис // Русский язык в контексте культуры. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 114–151.

88. Залевская А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
89. Зигманн Ж.В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ж.В. Зигманн. – М., 2003. – 24 с.
90. Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ю.М. Иванова. – Волгоградский Государственный Университет, 2003. – 139 с.
91. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: УРСС, 2003. – 284 с.
92. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т, 1992. – 330 с.
93. Карасик В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. – Волгоград: «Перемена», 1998. – С. 185–190.
94. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
95. Карасик В.И. Структура институционального дискурса / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – С. 25–33.
96. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
97. Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание. Содержание и функционирование. – М., 2000. – С. 107–109.
98. Клюев Е.В. Речевая коммуникация / Е.В. Клюев. – М.: «Издательство ПРИОР», 1998. – 224 с.
99. Клюев Е.В. Риторика. Учебное пособие для высших учебных заведений / Е.В. Клюев. – М.: «Издательство ПРИОР», 1999. – 272 с.

100. Князева О.Н. Формы агрессивного поведения учащихся общеобразовательных школ: дис. ... канд. соц. наук: / О.Н. Князева. – Н.Новгород: НГГТУ, 2001.– 170 с.
101. Кононов М.М. Современные информационно-политические технологии в российском избирательном процессе: деструктивная составляющая: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / М.М. Кононов. – М.: МГОУ, 2009. – 193 с.
102. Кокконен Е.И. Конструктивное разрешение педагогических конфликтов на основе модификации стиля вербального общения: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Е.И. Кокконен. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2004. – 22 с.
103. Коротаева Е. В. Педагогическое взаимодействие: опыт проблемного анализа / Е. В. Коротаева. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – 276 с.
104. Кочкин М.Ю. О манипуляции в современном политическом дискурсе / М.Ю. Кочкин // Языковая структура и социальная среда. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. техн. ун-та, 2000. – С. 9–13.
105. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус/ Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 53. – № 2. – 1994. – С. 3–16.
106. Кубрякова Е.С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике/ Е.С. Кубрякова // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Междунар. конф. – М., 1999. – С. 186–197.
107. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения. Текст. Структура и семантика / Е.С. Кубрякова. – Т.1. – М.: Наука, 2001. – С. 72–81.
108. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
109. Кулабухов Н.В. Интенсивность речевого воздействия в социально-политических дебатах: – дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Кулабухов – Калуга: КГУ, 2018. – 246 с.

110. Кънева Н.К. Коммуникативные неудачи / Н.К. Кънева // Лингвистический вестник. – Ижевск, 1999. – С. 59–63.
111. Кънева Н.К. Антиидеализм; Релятивный подход к исследованию коммуникативных неудач / Н.К. Кънева // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь, 1999. – С. 56–63.
112. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 12–51.
113. Левицкий А. Э. Функциональная основа взаимодействия когниции и коммуникации / А.Э. Левицкий // Когнитивные исследования языка. – М., 2017. – Т. 29. – С. 116–124.
114. Левкова Т.В. Конструктивная агрессия в педагогических взаимоотношениях: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Т.В. Левкова. – Биробиджан: БГПУ, 2003. – 164 с.
115. Леонтович О.А. Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами: дисс. ... докт. Филол. наук: 10.02.20 / О.А. Леонтович. – Волгоград, 2002. – 389.
116. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
117. Лысак И.В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.13 / И.В. Лысак. – Ростов-н/Д., 2007. – 326 с.
118. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
119. Маркова Л.Ф. Когнитивная идентификация речевого жанра: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.Ф. Маркова. – Краснодар, 2003. – 170 с.
120. Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку / Г.Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. сб. науч. ст. – Ставрополь: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2003. – С. 26–40.
121. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.

122. Мулькеева В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.О. Мулькеева. – СПб.: 2005. – 193 с.
123. Нелюба И.В. Конфликтный потенциал выборов в современной России: причины возникновения и пути регулирования деструктивности: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / И.В. Нелюба. – М.: Росс. акад. гос. службы, 2005. – 211 с.
124. Остин Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 22–130.
125. Ощепкова Н.А. Логика аргументативной модели / Н.А. Ощепкова // Труды Международного семинара “Диалог 99” по коммуникативной лингвистике. – Таруса, 1999. – С. 220–223.
126. Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения (на материале предвыборных дебатов на пост президента США): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Ощепкова. – Калуга, 2004. – 209 с.
127. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / О.Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 37 с.
128. Пушкин А.А. Эксепционализм как объект концептуализации политического текста / А.А. Пушкин, Н.В. Кириллова, М.В. Емельянова, Е.Л. Зайцева // Вестник ЧГУ. – Чебоксары, 2017. – № 2. – С.406–414.
129. Родос В.Б. Теория и практика полемики / В.Б. Родос. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1989. – 55 с.
130. Сапрыкина Е.В. Способы репрезентации речевого действия «обвинение» в парламентском дискурсе (на материале парламентских дебатов Бундестага ФРГ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Сапрыкина. – Уфа, 2007. – 18 с.

131. Сатыбалова Е.В. Человеческая деструктивность: основания и формы проявления: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Е.В. Сатыбалова. – Екатеринбург, 2002. – 142 с.
132. Серль Дж.Р. Основные понятия и исчисления речевых актов / Дж.Р. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 18. – С. 242–263.
133. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986а. – Вып. 17. – С. 151–169.
134. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986б. – Вып. 17. – С. 170–194.
135. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта. / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание/ под редакцией И.А.Стернина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 58–65.
136. Степанов В.Н. Прагматические способы номинации речевой интенции говорящего: на материале спонтанной публичной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В.Н. Степанов. – Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т, 1998. – 20 с.
137. Сторожилова Д.Н. Социальный диалог: анализ конструктивного коммуникативного взаимодействия: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Д.Н. Сторожилова. – Р/Д: РГУ, 2006. – 180 с.
138. Сусов И.П. К предмету прагмалингвистики / И.П. Сусов // Содержательные аспекты предложения и текста. – Калинин, 1983. – С. 3–15.
139. Сусов И.П. Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики / И.П. Сусов // Когнитивная лингвистика. – Тамбов, 1998. – Ч.1. – С. 16–21.
140. Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / С.А. Сухих. – Краснодар, 1998. – 30 с.

141. Сухих С.А. Прагмалингвистическое модулирование коммуникативного процесса / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар, 1998. – 160 с.
142. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / В.С. Третьякова. – М.: РГБ, 2003. – 306 с.
143. Фанян Н.Ю. Аргументирующий дискурс во французской диалогической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Ю. Фанян. – М.: АН СССР. Ин-т языкознания, 1989. – 22 с.
144. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Н.Ю. Фанян. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. – 49 с.
145. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа, 2002. – 322 с.
146. Филинский, А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.А. Филинский. – Тверь, 2002. – 163 с.
147. Фролова Е.В. Коммуникативные стратегии формирования имиджа регионального лидера в электронных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Фролова. – Омск: ОмГУ, 2007. – 22 с.
148. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: «Республика», 1994. – 447 с.
149. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – «Академический проект», 2008. – 256 с.
150. Хабермас Ю. Реконструктивные и понимающие науки об обществе / Ю. Хабермас // Философия науки: Хрестоматия / Под ред. Л. А. Микешинной. – М., 2005. – С. 863–870.
151. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л.В. Цурикова. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 276 с.

152. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.
153. Якобсон Р. Речевая коммуникация / Р. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 306–318.
154. Яковлева Е.А. Риторика как теория мыслеречевой деятельности: автореф. дис. ... доктора. филол. наук: 10.02.19 / Е.А. Яковлева – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1998. – 97 с.
155. Якубинский Л.П. Язык и его функционирование / Л.П. Якубинский. – М.: Наука, 1986. – 207 с.
156. Aakhus M. Advancing polylogical analysis of largescale argumentation: Disagreement management in the fracking controversy / M. Aakhus and M. Lewin'ski // *Argumentation* 31(1). – Oxford: Clarendon Press, 2017. – P. 179–207.
157. Brydon R.S. Between One and Many. The Art and Science of Public Speaking / R.S. Brydon and M.D. Scott. – New-York: McGraw-Hill, 2006. – 445 p.
158. Burkhardt A. Zwischen Diskussions - und Schaufensterparlamentarismus / A. Burkhardt. // *Sprache des Parlamentarismus und Semiotik der Demokratie: Studien zur politischen Kommunikation in der Moderne*. – Berlin; New York: de Gruyter, 1995. – S. 17–36.
159. Burkhardt A. Das Parlament und seine Sprache / A. Burkhardt. – Max Niemeyer Verlag GmbH: Tübingen, 2003. – 585 S.
160. Crable R.E. Argumentation as Communication: Reasoning with Receivers / R.E. Crable. – Columbus (Ohio): A. Bell and Howell Company, 1976. – 276 p.
161. Dascal M. Traditions of controversy / M. Dascal, H. Chang. – Amsterdam, 2007. – 224 p.
162. Dieckmann, W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik der politischen Sprache / W. Dieckmann. – Carl Winter Universitätsverlag, Heidelberg 1969. – 131 S.
163. Dieckmann W. Ist die parlamentarische Debatte ein „organisiertes Streitgespräch"? Zum Problem der Gesprächstypologie in Sprach – und Sprechwissenschaft / W. Dieckmann // *Hören und Beurteilen: Gegenstand und Methode*

in Sprechwissenschaft, Sprecherziehung, Phonetik, Linguistik und Literaturwissenschaft / Norbert Gutenberg (Hrsg.). – Frankfurt/Main: Scriptor, 1984. – S. 79–101.

164. Dieckmann W. Streiten über das Streiten: normative Grundlagen polemischer Metakommunikation / W. Deckmann. – Max Niemeyer Verlag GmbH, Tübingen 2005. – 318 S.

165. Dijk T.A. Textwissenschaft: eine interdisziplinäre Einführung / T.A. van Dijk. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – 285 S.

166. Dijk T.A. Strategies of discourse comprehension / T.A. van Dijk, W. Kintsch. – San Diego u.a: Acad. Press, 1992. – 310 S.

167. Dittmann, J. Institution und sprachliches Handeln / J. Dittmann. // Arbeiten zur Konversationsanalyse. – Tübingen, 2001. – S. 198–234.

168. Dung P.M. On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and n-person games / P.M. Dung // Artificial Intelligence., 1995. – P. 321–357.

169. Eemeren F.H. Speech Acts in Argumentative Discussions: A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed towards Solving Conflicts of Opinion / F.H. Eemeren, R. Grootendorst. – Dordrecht-Holland/Cinnaminson-U.S.A., 1984. – 215 p.

170. Eemeren F.H. Handbook of argumentation theory: A critical survey of classical backgrounds and modern studies / F.H. Eemeren, R. Grootendorst, T. Krüger. – Dordrecht etc., 1987. – 245 p.

171. Eemeren F.H. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments / F.H. Eemeren, R. Grootendorst, F.S. Henkemans. – Mahwah, N.J.: Erlbaum, 1996. – 424 p.

172. Finocchiaro M. Arguments about arguments. Systematic, critical, and historical essays in logical theory / M. Finocchiaro. – Cambridge, 2005. – 298 p.

173. Frei N. 1945 und wir. Das dritte Reich im Bewußtsein der Deutschen / N. Frei. – München, 2005. – 198 p.

174. Geifner H. Sprecherziehung: Didaktik und Methodik der mündlichen Kommunikation / H. Geifner. – Königstein / Ts.: Scriptor, 1982. – 228 S.

175. GeiBner H. Rhetorik und politische Bildung / H. GeiBner. – Scriptor Verlag, Frankfurt/Main, 1986. – 134 S.
176. Gorski M. Gebrauchsanweisung für Deutschland / M. Gorski. – München, 2002. – 129 S.
177. Greiffenhagen M. Kampf um Wörter? Politische Begriffe im Meinungsstreit / M. Greiffenhagen. – München/ Wien, Carl Hanser Verlag, 1980. – 552 S.
178. Govier T. A Practical Study of Argument / T.A. Govier. – 6 th ed. Belmont, CA: Wadsworth, 2005. – 188 p.
179. Habermas J. Erläuterungen zur Siskursethik / J. Habermas. – Frankfurt a. M.:Suhrkamp, 1991. – 256 S.
180. Henne H. Gesprächsanalyse – Aspekte einer pragmatischen Sprachwissenschaft /H. Henne // Gesprächsanalyse. Vorträge des Kolloquiums des Instituts für Kommunikationsforschung und Phonetik. – Helmut Buske Verlag Hamburg, 1977. – S. 67–93 .
181. Henne H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne. – 4., durchges. undbibliogr. erg. Aufl. – Berlin; New York: de Gruyter, 2001. – 336 S.
182. Henkemans A.F. Analyzing Complex Argumentation. The Reconstruction of Multiple and Coordinatively Compound Argumentation in a Critical Discussion / A.F. Henkemans. – Amsterdam: Sicsat, 1992. – 170 p.
183. Hitchcock D. Does the Traditional Treatment of Enthymems Rest on Mistake? / D. Hitchcock // Argumentation. – Netherlands, Dordrecht, 1998. – Vol.12. – P. 15–37.
184. Jackson S. Rational and Pragmatic Aspect of Argument / S. Jackson // Argumentation: Proceedings of the Conference on Argumentation. – Ed. by F.H. van Eemeren et. al. – 1987. – Vol. 1. – P. 217–227.
185. Kim Min-Sun. Human Communication Research / M.-S. Kim // Implications for Theory and Practice. – CA: Sage Publications, 1994. – P. 128–151.
186. Kuhn D. The skills of argument / D. Kuhn. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 170 p.

187. Leech J. Principles of pragmatics / J. Leech. – Longman, 1983. – 250 p.
188. Münch P. Ordnung, Fleiß und Sparsamkeit. Texte und Dokumente zur Entstehung der „bürgerlichen Tugenden“ / P. Münch. – München, 1984. – 98 S.
189. Nuss B. Das Faust-Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen / B. Nuss. – Bonn; Berlin, 1993. – 179 S.
190. O'Keefe D.J. Logical Empiricism and the Study of Human Communication / D.J. O'Keefe // Speech Monographs. – Göttingen, 1975. – P. 169–183.
191. Pross H. Was ist heute deutsch? Wertorientierungen in der Bundesrepublik / H. Pross. – Reinbek bei Hamburg, 1982. – 279 S.
192. Simmler F. Die politische Rede im Deutschen Bundestag. Bestimmung ihrer Textsorten und Redesorten / F. Simmler. – Goppingen: Verlag Alfred Kummerle, 1978. – 634 S.
193. Spencer-Oatey H. Intercultural Interaction / H. Spencer-Oatey // J. of Asian Pacific Communication. – Palgrave Macmillan: UK, 2001. – P. 181–201.
194. Thomas A. Training Interkultureller Kompetenz / A. Thomas, K. Hagemann // Interkulturelles Management. – Heidelberg, 1992. – S. 173–199.
195. Thomas A. Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns / A. Thomas // Kulturvergleichende Psychologie : eine Einführung. – Göttingen, 1993. – S. 377–424.
196. Thomas A. Kultur und Kulturstandarts / A. Thomas // Handbuch interkulturelle Kommunikation und Kooperation. Bd 1. Grundlagen und Praxisfelder. – Göttingen, 2003. – S. 2–47.
197. Tillmann A. Ausgewählte Textsorten politischer Sprache. Eine linguistische Analyse parteilichen Sprechens / A. Tillmann. – Göppingen, Kümmerle Verlag, 1989. – 353 S.
198. Toulmin S. The Uses of Argument / S. Toulmin. – London, Cambridge: Cambridge University Press, 1958. – 415 p.
199. Schroll-Machl S. Die Deutschen – Wir Deutsche / S. Schroll-Machl // Fremdwahrnehmung und Selbstsicht im Berufsleben. – Göttingen, 2003. – S. 40–42.

200. Steiner J. Deliberative politics in action. Analyzing Parliamentary Discourse / J. Steiner, A. Bachtiger, M. Spordli, M.R. Steenbergen. – London, Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 199 p.
201. Wagner W. Kulturschock Deutschland: der zweite Blick / W. Wagner. – Hamburg, 1999. – 279 p.
202. Walton Douglas N. A Pragmatic Theory of Fallacy / N.A. Walton Douglas. – London, Tuscaloosa: the University of Alabama Press, 1995. – 324 p.
203. Wenzel J.W. Jurgen Habermas and the Dialectical Perspective on Argumentation / J.W. Wenzel // Journal of the American Forensic Association, 16(2). – 1979. – P. 83–94.
204. Wiezbizka A. Lingua Mentalis: The Semantics Of Natural Language / A. Wiezbizka. – Sydney: Academic Press, 1980. – 367 p.
205. Wiezbizka A. English Speech Act Verbs: A semantic Dictionary / A. Wiezbizka. – Sydney: Academic Press, 1987. – 397 p.
206. Williams J.L. Loaded archetypes: Argumentative Commicid / J.L. Williams, R.E. Crable, L.G. Vasiliev // Лингвистический вестник. – Ижевск, 1999. Вып. 1. – P. 113–120.
207. Wilson B. The Anatomy of Argument, Revised Edition / B. Wilson. – Lanham. New York. London, University Press of America, 1986. – 388 p.
208. Weigand E. Sprache als Dialog: Sprechakttaxonomie und Kommunikative Grammatik / E. Weigand. – Tübingen: Niemeyer, 1989. – 368 S.
209. Wise D. The Politics of Lying: Government Deception, Secrecy and Power / D. Wise. – New York, Random House, 1973. – 310 p.

МЕДИАГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Стенографический отчет немецкого Бундестага [Электронный ресурс] № 18/148 от 13 января 2016, – 28 с. Режим доступа: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18148.pdf>
2. Стенографический отчет немецкого Бундестага [Электронный ресурс] № 18/154 от 17 февраля 2016, – 24 с. Режим доступа: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18154.pdf>
3. Стенографический отчет немецкого Бундестага [Электронный ресурс] № 18/156 от 19 февраля 2016, – 29 с. Режим доступа: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18156.pdf>
4. Стенографический отчет немецкого Бундестага [Электронный ресурс] № 18/158 от 25 февраля 2016, – 20 с. Режим доступа: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18158.pdf>
5. Стенографический отчет немецкого Бундестага [Электронный ресурс] № 18/183 от 7 июля 2016, – 21 с. Режим доступа: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18183.pdf>

Тексты протоколов заседаний в оригинале

Liebe Kolleginnen und Kollegen, es gibt die interfraktionelle Vereinbarung, vor Tagesordnungspunkt 1 eine Vereinbarte Debatte mit dem Titel „Konsequenzen aus den Ereignissen von Köln und anderen Großstädten in der Silvesternacht“ im Umfang von 60 Minuten aufzurufen. Die Dauer der nach der Regierungsbefragung folgenden Fragestunde soll 90 Minuten betragen. Ich will mich vergewissern, ob Sie mit dieser Vereinbarung einverstanden sind. – Das ist offensichtlich der Fall. Dann können wir so verfahren. Ich rufe Zusatzpunkt 1 unserer Tagesordnung auf: Vereinbarte Debatte Konsequenzen aus den Ereignissen von Köln und anderen Großstädten in der Silvesternacht Wir haben uns gerade auf eine 60-minütige Debatte verständigt, die ich hiermit eröffne. Ich erteile das Wort zunächst dem Parlamentarischen Staatssekretär Ole Schröder.

Dr. Ole Schröder, Parl. Staatssekretär beim Bundesminister des Innern:

Verehrter Herr Präsident! Meine sehr verehrten Kolleginnen und Kollegen! Ich will mit drei Blickwinkeln, die alle etwas mit den Ereignissen in der Silvesternacht in Köln zu tun haben, beginnen.

Ich beginne mit der Aussage einer angegriffenen Frau in der Silvesternacht in Köln – ich zitiere –: Wir liefen dann durch diese Männergruppe. Es tat sich eine Gasse auf, durch die wir liefen. Plötzlich spürte ich eine Hand an meinem Po, dann an meinen Brüsten, schließlich wurde ich überall begripscht. Es war der Horror. Obwohl wir schrien und um uns schlugen, hörten die Typen nicht auf. Ich war verzweifelt und glaube, dass ich rund 100 Mal auf den knapp 200 Metern angefasst wurde.

Meine Damen und Herren, die Politik und die Polizeien des Bundes und der Länder müssen und werden gemeinsam alles dafür tun, dass sich so etwas in unserem Land nicht wiederholt.

(Beifall im ganzen Hause)

Es wird keine rechtsfreien Räume in unserem Land geben. Ich danke an dieser Stelle allen Polizeibeamtinnen und Polizeibeamten, die sich in dieser Nacht in ihrem Einsatz schützend vor die Frauen gestellt haben, auch unter eigenem Opfer. Auch daran müssen wir denken.

(Beifall bei der CDU/CSU und der SPD sowie bei Abgeordneten der LINKEN und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Ein zweiter Blickwinkel zeigt sich in den Geschehnissen rund um die Facebook-Gruppe „Netzwerk Köln“. Etwa eine Woche nachdem dort die ersten Informationen zu den sexuellen Übergriffen vor dem Kölner Hauptbahnhof gepostet wurden, musste die Seite vorübergehend geschlossen werden. Der Administrator schrieb dazu am 7. Januar auf der Seite – ich zitiere –: Das Netzwerk ist derzeit nahezu ein Kriegsschauplatz verbaler Gewalt, gegenseitiger Schuldzuweisungen, Aufrufe zur Lynchjustiz, Beleidigungen, Pöbel, Hetze und Rassismus. Auch das ist ein Teil der Geschichte. Auch das ist ein Teil der Konsequenzen, die wir gemeinsam ziehen müssen: Niemand darf die furchtbaren Straftaten der Silvesternacht mit Hass und Rassismus beantworten.

(Beifall im ganzen Hause)

Den dritten Blickwinkel bilden die vielen Hunderttausend Flüchtlinge in unserem Land, die sich nichts zuschulden kommen lassen. In einem offenen Brief an die Bundeskanzlerin schreiben einige Flüchtlinge aus Syrien und Pakistan – ich zitiere –: ... sind wir entsetzt über das, was sich in der Silvesternacht in Köln und anderen Städten zugetragen hat. Wir verabscheuen die sexuellen Übergriffe und Diebstahldelikte ... und verurteilen sie auf das Schärfste.

Die Straftaten in Köln und anderswo betreffen uns alle, auch die Flüchtlinge, die sich anständig verhalten, und das ist die große Mehrheit. Meine Damen und Herren, die Ereignisse der Silvesternacht haben vor allem unser Land als Ganzes getroffen. Mich als Vater von zwei kleinen Töchtern haben – das bekenne ich ganz offen – diese Taten wütend und fassungslos gemacht. Ich möchte nicht, dass meine Töchter in einem Land aufwachsen, in dem sie sich auf öffentlichen Plätzen nicht sicher fühlen.

Heute sprechen wir über die Konsequenzen, und jetzt richte ich meinen Blick auf die Täter. Ihnen, den Tätern der Silvesternacht, sagen wir heute Folgendes: Wenn Sie nach Deutschland

kommen, vielleicht auch, um Schutz zu suchen, hier aber schwere Straftaten begehen, dann haben Sie in unserem Land nichts zu suchen.

(Beifall bei der CDU/CSU und der SPD sowie des Abg. Özcan Mutlu [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN])

Wir haben nun die Aufgabe, die Täter schnell zu finden, sie vor ein Gericht zu bringen und sie zu bestrafen. Einige fordern, dass wir härtere Gesetze machen. Andere fordern einen besseren Vollzug der bestehenden Gesetze. Ich sage: Wir brauchen beides. Die Bevölkerung erwartet von uns, dass wir schnell reagieren.

Gestern haben sich Bundesinnenminister de Maizière und Bundesjustizminister Maas darauf verständigt, die Ausweisung krimineller Ausländer zu erleichtern. Wir wollen die Hürden für die Ausweisung ausländischer Straftäter deutlich absenken. Das machen wir bei Straftaten gegen das Leben, gegen die körperliche Unversehrtheit, gegen die sexuelle Selbstbestimmung, gegen Eigentum und auch bei Angriffen auf Polizisten. Zukünftig liegt ein schwerwiegendes Ausweisungsinteresse dann vor, wenn ein Straftäter wegen dieser Delikte zu einer Freiheitsstrafe verurteilt wurde, unabhängig davon, ob diese Strafe zur Bewährung ausgesetzt ist. Ein besonders schwerwiegendes Ausweisungsinteresse – das ist die nächsthöhere Stufe – liegt zukünftig bei einer Verurteilung zu einer Freiheitsstrafe von mindestens einem Jahr vor.

Asylsuchenden, die Straftaten begehen, werden wir künftig konsequenter die rechtliche Anerkennung als Flüchtling versagen. Bei der Frage, ab wann jemand nicht mehr als Flüchtling anerkannt wird, haben wir uns darauf verständigt, die Schwelle für die genannten Straftaten von drei Jahren Freiheitsstrafe auf ein Jahr Freiheitsstrafe zu senken.

(Katja Keul [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Das gilt doch schon seit dem 01.01.!))

Meine Damen und Herren, das ist eine harte Reaktion des Staates gegenüber den Menschen, die zu uns kommen und meinen, hier Straftaten begehen zu können, ohne dass das Auswirkungen auf ihre Anwesenheit in Deutschland hätte. Der Rechtsstaat muss und wird seine Bürger schützen. Schutz des Rechtsstaates heißt härtere Gesetze, wenn es nötig ist. Schutz des Rechtsstaates heißt auch, dass wir Strafgesetze an neue Arten der Tatbegehung anpassen müssen. Schutz des Rechtsstaates Deutscher Bundestag – 18. Wahlperiode – 148. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 13. Januar 2016 14573 (A) (C) (B) (D) bedeutet aber vor allem Vollzug unserer Gesetze. Für den Bereich der Polizei heißt das mehr Personal und bessere Ausrüstung. Wir haben in den

Haushaltsverhandlungen für dieses Jahr 3 000 zusätzliche Stellen für die Bundespolizei erhalten. Ich gehe davon aus, dass auch die Länder ihre Polizeien jetzt wieder verstärken werden.

(Beifall bei der CDU/CSU und der SPD)

Meine Damen und Herren, zu den Konsequenzen aus der Silvesternacht gehört auch, dass wir nicht verschweigen, aus welchen Ländern die Täter kamen, und darüber reden, dass auch kulturelle Hintergründe bei den Taten eine Rolle spielen. Die Silvesternacht macht deutlich, wie schwer es ist, gerade junge, alleinstehende Männer mit arabischer Herkunft hier in unserem Land zu integrieren. Die Silvesternacht macht auch deutlich, dass jede Integrationskraft einer Gesellschaft endlich ist.

Kein Generalverdacht, aber auch kein Verschweigen oder Relativieren von Tatsachen, Integration der zu uns kommenden Menschen, aber keine Toleranz gegenüber Straftätern – das ist die Aufgabe, nicht nur in Köln, sondern überall in unserem Land. Vielen Dank.

(Beifall bei der CDU/CSU und der SPD)

Präsident Dr. Norbert Lammert: Nächste Rednerin ist die Kollegin Katja Kipping für die Fraktion Die Linke. (Beifall bei der LINKEN)

Katja Kipping (DIE LINKE):

Herr Präsident! Meine Damen und Herren! In der Silvesternacht waren viele Frauen sexualisierter Gewalt ausgesetzt. Das, was auf dem Bahnhofsvorplatz in Köln passierte, war ein übler männerbündischer Exzess. Es ist ein Unding, dass die Polizei den Frauen nicht eher helfen konnte. Ich möchte den betroffenen Frauen auch ganz persönlich mein Mitgefühl aussprechen. Sexuelle Belästigung ist keine Lappalie. Diese gilt es überall zu bekämpfen.

(Beifall bei der LINKEN, der SPD und dem BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU)

Die Straftaten müssen umfassend aufgeklärt werden. Die Täter müssen nach den Regeln der Gesetze zur Rechenschaft gezogen werden. Da darf es weder einen Bonus noch einen Malus für die Herkunft geben.

(Beifall bei der LINKEN sowie bei Abgeordneten der SPD und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Sexismus ist keine Importware aus dem Ausland, sondern leider fester Bestandteil unserer Gesellschaft. Die Hälfte aller Frauen in Europa wurde schon sexuell belästigt, so die Agentur der Europäischen Union für Grundrechte. Laut Kriminalstatistik werden hierzulande jeden Tag 20 Vergewaltigungen angezeigt. 25 Prozent der in Deutschland lebenden Frauen haben bereits Gewalt durch frühere oder aktuelle Partner erfahren, so eine Studie des Familienministeriums. Ein großer Teil der Gewalt findet also in den Familien statt. Es sind in der Regel eben nicht die Fremden, sondern die Männer, die den Frauen vermeintlich nahestehen, die an ihnen Gewalt verüben. Nun mag diese alltägliche häusliche Gewalt nicht so spektakulär sein wie die öffentliche in Köln, aber aus Sicht der Betroffenen ist sie gleichermaßen belastend. Deswegen meine ich: Wir müssen sexualisierte Gewalt auch dann thematisieren und bekämpfen, wenn die Täter nicht die vermeintlich Fremden sind.

(Beifall bei der LINKEN sowie bei Abgeordneten der SPD und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Wenn Sie, Herr Schröder, von einer Integrationspflicht reden, so finde ich, dass sie für alle Gewalttäter gelten muss.

(Volker Kauder [CDU/CSU]: Auch die der Linken!)

Auch die deutschen gewalttätigen Partner müssen offensichtlich integriert werden.

(Beifall bei der LINKEN sowie bei Abgeordneten des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Denn Sexismus ist wahrlich nicht das Alleinstellungsmerkmal einer Religion oder einer bestimmten Kultur. Die Unterdrückung von Frauen ist fester Bestandteil aller Kulturen, auch der westlichen. Hierzulande mussten die Frauenrechte doch hart erkämpft werden, und zwar von der Frauenbewegung. Sie hat diese oft gegen den erbitterten Widerstand des politischen Establishments erkämpft. Erinnerung sei nur daran, dass noch 1997 große Teile der Union dagegen waren, die Straffreiheit bei Vergewaltigung in der Ehe aufzuheben – als ob ein Trauschein eine Vergewaltigung weniger schlimm machen würde.

Es ist schon erstaunlich, wer alles angesichts muslimischer Geflüchteter nun auf einmal zur Instantfeministin wird. Viele, die nun angeblich im Sinne des Schutzes der Frauen vor sexualisierter Gewalt in „Ausländer raus“-Rhetorik verfallen, waren bis vor kurzem noch dafür, das Geld für Frauenschutzhäuser zu streichen. Insofern wird man den Eindruck nicht los, dass in der Debatte Frauenanliegen instrumentalisiert werden. Viele Feministinnen sagen deshalb zum Beispiel in dem Aufruf #ausnahmslos: Wir lassen uns nicht für rassistische Hetze missbrauchen.

(Beifall bei der LINKEN und dem BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN sowie bei Abgeordneten der SPD)

Auffällig an den Debatten nach Köln ist auch Folgendes: Bei fast allen lautet die Fragestellung: Wie können wir Ausländer schneller und effizienter abschieben? Wem es wirklich um die Frauen geht, der müsste die Frage doch anders stellen: Wie können wir Frauen, Kinder und Männer generell besser vor sexualisierter Gewalt schützen?

(Beifall bei der LINKEN sowie bei Abgeordneten des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN und der Abg. Ulli Nissen [SPD])

Ich möchte dazu drei konkrete Maßnahmen vorschlagen:

Erstens, gesetzliche Schutzlücken schließen. Es gibt in der Tat eine Schutzlücke für Opfer sexueller Gewalt. So kommt es nur bei jeder zehnten angezeigten Vergewaltigung überhaupt zu einer Verurteilung. Das heißt, neun von zehn Frauen, die den Mut aufbringen, eine Vergewaltigung anzuzeigen, müssen erleben, dass der Täter straffrei davonkommt. Insofern gibt es aus gutem Grund schon viel länger eine Debatte dahin gehend, dass das Sexualstrafrecht überarbeitet werden muss, gemäß dem Motto: Nein heißt nein! Hier gibt es Regelungsbedarf, um Opfern von sexualisierter Gewalt tatsächlich zu helfen. Also schließen Sie endlich diese Schutzlücke, anstatt Geflüchtete unter Generalverdacht zu stellen!

(Beifall bei der LINKEN sowie bei Abgeordneten der SPD und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Zweitens. In den vergangenen Tagen haben Politiker verschiedener Couleur immer wieder unterstrichen, wie wichtig der Schutz von Frauen vor sexueller Gewalt ist. Hier werden wir Sie beim Wort nehmen, wenn es um die Finanzierung der Frauenschutzhäuser geht.

(Beifall bei Abgeordneten der LINKEN und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Drittens. Dass die Situation vor Ort so eskalieren konnte, liegt womöglich auch an einer fehlenden Sensibilität der Polizei für die Straftat sexuelle Belästigung.

(Lachen bei Abgeordneten der CDU/CSU – Gegenruf der Abg. **Karin Binder [DIE LINKE]**: Das ist aber so!)

Um so etwas in Zukunft zu vermeiden, bedarf es, wie ich finde, noch einmal einer Schulungsoffensive, einer Beratung, wie man bei Polizei und Justiz mit dieser heiklen Situation umgeht. Unterhalten Sie sich doch einmal mit Frauen, die eine Vergewaltigung angezeigt haben. Diese Frauen hatten nicht immer das Gefühl, dass sie bei Polizei und Justiz mit ihrer spezifischen Problemlage gut aufgehoben waren.

(Beifall bei der LINKEN sowie bei Abgeordneten des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

An den Reaktionen auf die Straftaten in Köln wird noch etwas anderes deutlich: ein zunehmend aggressiver, ja pogromartiger Rassismus. Straftaten einer üblen Männergruppe werden missbraucht, um Stimmung gegen alle Nichtdeutschen zu machen,

(**Michael Grosse-Brömer [CDU/CSU]**: Das ist ja unglaublich! – Weitere Zurufe von der CDU/CSU)

und während dieser Stimmungsmache explodiert die rassistische Gewalt. Wissen Sie, was mich wirklich schockiert? Das ist die Hierarchie der Empörung, die sich hier breitmacht. Vergewaltigen wir uns doch noch einmal das Maß der Aufregung und der Berichterstattung, wenn nichtdeutsche Täter auf üble Art und Weise Frauen angreifen, und vergleichen wir das mit der deutlich geringeren Aufregung, wenn sich deutsche Rassisten zu einer Menschenjagd verabreden, wenn ein tunesisches Mädchen krankenhaushausreif geschlagen wird. Sollte uns nicht jedes Opfer gleichermaßen umtreiben und belasten?

(Beifall bei der LINKEN und dem BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN sowie bei Abgeordneten der SPD)

Wir haben ein Problem in dieser Gesellschaft – das wurde auch in den Debatten über Köln deutlich –: Wir haben eine Zunahme an Rassismus und rassistischer Gewalt; im Zusammenspiel von Hooligans, Neonazis in Nadelstreifen und Rechtspopulisten der Straße nimmt die rassistische Gewalt in diesem Land zu. (Zuruf des Abg. Charles M. Huber [CDU/CSU]) Sie kennen die Zahlen auch. Diese Gewalt strahlt bis weit in die Mitte der Gesellschaft.

Ich finde es unverantwortlich, wenn Politik und Medien diesen Rassismus auch noch befeuern. Sexuelle Gewalt und Kriminalität gilt es zu bekämpfen. Aber wer diesen Kampf kulturalistisch auflädt, wer den Eindruck erweckt, dies sei das spezielle Problem einer bestimmten Kultur oder einer bestimmten Religion, der macht sich am Ende des Tages zum Helfershelfer der AfD und von Pegida.

(Beifall bei der LINKEN sowie der Abg. Corinna Ruffer [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN])

Wenn diese Regierung eine Pegida-Forderung nach der anderen in Gesetzesform gießt, (Widerspruch bei der CDU/CSU und der SPD) dann leistet sie damit eine Aufbauhilfe für AfD und Pegida.

(Thomas Strobl [Heilbronn] [CDU/CSU]: Jetzt hört es aber auf!)

Schauen Sie sich doch einmal den Forderungskatalog an, den Pegida vor einem Jahr erstellt hat! Die Hälfte der Punkte ist bereits ganz oder teilweise umgesetzt.

(Thomas Strobl [Heilbronn] [CDU/CSU]: Eine Unverschämtheit!)

Wer glaubt, AfD und Pegida zu schwächen, indem man ihnen nach dem Mund redet, der irrt gewaltig. Ganz im Gegenteil: Man stärkt sie damit.

(Beifall bei der LINKEN und dem BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN) Im Kampf gegen Rassismus und Sexismus war und ist Opportunismus kein guter Ratgeber. Die Ängste ernst zu nehmen, darf nicht heißen, selber rassistisch zu werden. Es geht darum, die Ängste zu nehmen. Wer die Ängste, auf denen

Rassismus gedeiht, nehmen will, der muss kräftig in die Bereiche Soziales und Bildung investieren, der muss alle sanktionsfrei vor Armut schützen, der muss bezahlbaren Wohnraum für alle sicherstellen, und der muss verbindlich Sozial- und Rentenkürzungen ausKatja Kipping Deutscher Bundestag – 18. Wahlperiode – 148. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 13. Januar 2016 14575 (A) (C) (B) (D) schließen. So trocknet man den Nährboden aus, auf dem Rassismus gedeiht. Vielen Dank.

(Beifall bei der LINKEN sowie bei Abgeordneten des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Präsident Dr. Norbert Lammert: Das Wort erhält nun der Bundesminister der Justiz, Heiko Maas. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU)

Heiko Maas, Bundesminister der Justiz und für Verbraucherschutz:

Herr Präsident! Meine sehr verehrten Damen und Herren! Mit Blick auf die Ereignisse in der Silvesternacht in Köln will ich Folgendes feststellen:

Erstens. Niemand darf sich in Deutschland über Recht und Gesetz stellen, und zwar völlig unabhängig davon, welchen Pass er hat oder ob er überhaupt einen Pass hat.

Zweitens. Für sexuelle Übergriffe auf Frauen gibt es keine Rechtfertigung und auch keine Entschuldigung. Auch ein möglicher kultureller Hintergrund entschuldigt nichts. Ganz im Gegenteil: Er ist noch nicht einmal als Erklärung akzeptabel. (Beifall im ganzen Hause)

Drittens. Kriminelle müssen für ihre Taten konsequent zur Rechenschaft gezogen werden. Bei kriminellen Ausländern ist auch die Ausweisung eine solche Konsequenz. (Beifall bei der SPD und der CDU/CSU)

Ausländer, die sich in Deutschland strafbar machen, werden wir nach Umsetzung der Vorschläge, die Herr de Maizière und ich gestern unterbreitet haben, in Zukunft schneller ausweisen können. Sie werden auch schneller ihre Anerkennung als Flüchtling verlieren können. Die Änderungen im Ausweisungsrecht, die wir vorgeschlagen haben, sind nach meiner festen Überzeugung nicht nur angemessen, sondern sie sind auch notwendig.

Wir befinden uns zurzeit in einer kritischen Phase, in der sich viele Bürgerinnen und Bürger Sorgen um die Handlungsfähigkeit des Staates machen. Das dürfen wir nicht zulassen.

(Beifall bei der SPD und der CDU/CSU sowie bei Abgeordneten des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN) Das gilt im Übrigen auch für diejenigen, die sich in den letzten Wochen und Monaten sehr engagiert für Flüchtlinge eingesetzt haben. Ja, das gilt auch für Flüchtlinge. Ich habe mit Flüchtlingen gesprochen, die mir gesagt haben: Sorgen Sie dafür, dass diese Menschen hart bestraft werden, und schicken Sie sie dann weg. Denn wir wollen wegen diesen Kriminellen nicht in Verruf geraten.

Es kommt auf zwei Dinge an: Ja, Recht ist nur so viel wert, wie es durchgesetzt wird. Wir müssen – unabhängig von den Abläufen in der Silvesternacht – die Behörden mit ausreichend Personal ausstatten, damit sie das Recht auch durchsetzen können. (Beifall bei der SPD und der CDU/CSU sowie bei Abgeordneten der LINKEN und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN) Darüber wird überall in den Ländern längst diskutiert. Auch die Bundesregierung hat bereits gehandelt. Nicht umsonst haben wir 3 000 zusätzliche Stellen für Bundespolizisten im Haushalt ausgewiesen.

Wenn notwendig, müssen wir auch Gesetze ändern. Wenn wir die Gesetze, wenn es notwendig ist, schnell ändern, hat das nichts mit einem Schnellschuss zu tun. Wir sind der Auffassung, dass für eine besondere Tätergruppe – wir machen das nicht pauschal für alle, sondern für diejenigen, die vorsätzlich Straftaten gegen Leib und Leben, gegen die körperliche Unversehrtheit, gegen die sexuelle Selbstbestimmung, gegen Vollstreckungsbeamte begehen, und auch für Serientäter bei Eigentumsdelikten – die Voraussetzungen abgesenkt werden sollten, um sie ausweisen zu können. Das wird dazu führen, dass es mehr Ausweisungen gibt. Das wird auch dazu führen, dass es in Zukunft mehr Abschiebungen gibt. Das sind wir nicht nur den Opfern der Silvesternacht in Köln schuldig, sondern das dient auch dem Schutz zukünftiger Opfer. Im Übrigen schützen wir damit Hunderttausende unbescholtene Flüchtlinge in unserem Land, die es nicht verdient haben, mit Kriminellen in einen Topf geworfen zu werden.

(Beifall bei der SPD und der CDU/CSU sowie bei Abgeordneten des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Wir ändern das Recht auch an einer anderen Stelle. Ja, es gibt im Gesetz Schutzlücken bei der sexuellen Nötigung und auch bei der Vergewaltigung. Deshalb hat die Bundesregierung schon im

Dezember des letzten Jahres einen Gesetzentwurf in die Länder- und Verbändeanhörung eingebracht, mit dem wir diese Schutzlücken schließen wollen. Es ist bedauerlicherweise nun einmal so, dass die Rechtsprechung in der Vergangenheit nicht wegen Vergewaltigung verurteilen konnte, wenn sich ein Opfer nicht ausreichend zur Wehr gesetzt hat. Wir wissen aber, dass es Fälle gibt, in denen es dem Opfer durch ein Überraschungsmoment gar nicht möglich ist, sich zu wehren. Der Kölner Fall ist ein solcher Fall. Wenn viele Männer um Frauen herumstehen und die Frau gar nicht weiß, von wem sie angefasst wird, ist das nichts anderes als ein Überraschungsmoment. Die hier im Gesetz bestehende Schutzlücke schließen wir. (Beifall bei der SPD und der CDU/CSU)

Wir schließen auch eine andere Lücke. Wenn Frauen auf Widerstand verzichten, weil sie sich ansonsten noch größerer Gewaltaussetzung ausgesetzt sehen, dann hat auch das in der Vergangenheit dazu geführt, dass nicht bestraft werden konnte, zumindest nicht im Rahmen dessen, was nach § 177 Strafgesetzbuch möglich ist. Auch diese Schutzlücke schließen wir. Das heißt, wir werden – das ist ein Thema, mit dem wir uns schon länger beschäftigen – mit dem Gesetzentwurf, den die Bundesregierung auf den Weg gebracht hat, Frauen ganz massiv besser vor Katja Kipping 14576 Deutscher Bundestag – 18. Wahlperiode – 148. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 13. Januar 2016 (A) (C) (B) (D) sexueller Gewalt schützen. Es ist bitter notwendig, dass wir das jetzt zügig umsetzen.

(Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU)

Meine Damen und Herren, ich möchte aber noch etwas anderes feststellen: Ja, es stimmt, dass viele Täter in Köln Migranten waren. Aber das Triumphgeheul der Populisten und der Rassisten sowie die pauschale Hetze gegen Flüchtlinge, die danach eingesetzt hat, sind widerlich. (Beifall im ganzen Hause) Die Krawalle von rechtsradikalen Hooligans am Montag in Leipzig sind genauso empörend wie die Vorfälle in Köln; auch diese verdienen eine Antwort. (Beifall im ganzen Hause)

Meine Damen und Herren, wir werden unsere Hilfe für Millionen Flüchtlinge in Not nicht dadurch infrage stellen lassen, dass einige Hundert von ihnen kriminell sind. Eines sollten wir auf jeden Fall deutlich sagen: Wir werden es nicht zulassen, dass Kriminelle den gesellschaftlichen Frieden in unserem Land dauerhaft kaputtmachen, und zwar ganz gleich, ob es straffällige Ausländer oder deutsche Rechtsradikale sind. Herzlichen Dank. (Beifall bei der SPD und der CDU/CSU sowie bei Abgeordneten der LINKEN und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Präsident Dr. Norbert Lammert: Katrin Göring-Eckardt ist die nächste Rednerin für die Fraktion Bündnis 90/Die Grünen.

Katrin Göring-Eckardt (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN):

Herr Präsident! Liebe Kolleginnen und liebe Kollegen! Wir haben Tag 13 nach Köln, und immer noch gibt es neue Informationen. Eben hat der Innenausschuss getagt. Wir sind bei der Aufklärung ein Stück weiter. Dennoch: Es gibt noch vieles zu klären. Jeder, dem die Flüchtlinge besonders am Herzen liegen – das sage ich auch ganz persönlich –, will lückenlos wissen, was da passiert ist, wer es war und wie die Sicherheit von Frauen im öffentlichen Raum geschützt werden kann. (Beifall beim BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU, der SPD und der LINKEN)

Jede Frau muss sich frei und ohne Angst in der Öffentlichkeit bewegen können. Das zu garantieren, ist Aufgabe des Staates. Wenn der Staat hier versagt, dann macht das Angst.

Sexuelle Übergriffe im öffentlichen Raum sind kein neues Problem. Sie waren schon ein Problem, bevor Flüchtlinge kamen. Aber neu ist diese Erscheinungsform, die wir bisher nur aus patriarchal geprägten Gesellschaften wie Indien oder Marokko kannten. Wir haben sie jetzt hier. Das macht Frauen zusätzlich Angst – nicht mehr und nicht weniger als bei anderen Straftaten, aber eben zusätzlich.

Frauen, die überrumpelt wurden, deren Arglosigkeit für sexuelle Übergriffe ausgenutzt wurde, waren schon immer schutzlos. Frauen sind bei Übergriffen in vielen Fällen bislang rechtlos. Deswegen, Herr Maas, hatte meine Fraktion schon im letzten Sommer vorgeschlagen, diese Lücke zu schließen. Sie haben damals gesagt, man könne erst einmal alles beim Alten belassen. Die gesamte Bundesregierung hat diese Gesetzesänderung verschleppt. Das Nein einer Frau muss ein Nein sein, meine Damen und Herren. Sie hätten dieses Gesetz schon haben können. Ihr Versäumnis baden jetzt

womöglich auch die Opfer von Köln aus, weil die Täter nicht bestraft werden können; auch das gehört zur Wahrheit.

(Beifall beim BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN sowie bei Abgeordneten der LINKEN – Widerspruch bei Abgeordneten der CDU/CSU)

Es gehört sich in einem zivilisierten Land, dass man einen Täter einen Täter und einen Flüchtling einen Flüchtling nennt. (Beifall bei Abgeordneten der LINKEN) Nicht aber gehört es sich – das sage ich all denjenigen, die diese Debatte missbrauchen –, dass, wenn ein Täter – oder seien es auch 10, 20 oder 100 – ein Flüchtling war, alle Flüchtlinge zu potenziellen Tätern gemacht werden, meine Damen und Herren.

(Beifall beim BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN und bei der LINKEN – **Michaela Noll** [CDU/CSU]: Das macht kein Mensch! – **Michael Grosse-Brömer** [CDU/CSU]: Das macht doch niemand!)

Denn genau das unterscheidet einen Rechtsstaat, eine demokratische und offene Gesellschaft von allen anderen. Deshalb braucht es Aufklärung. Es braucht aber keine aufgeregte Debatte und keine Schnellschüsse.

Dass Sie schon vor dem Abschluss der Sachverhaltsaufklärung einen fertigen Gesetzentwurf haben, meine Damen und Herren von der Großen Koalition, ist keine Antwort auf das, was in Köln passiert ist. Was fehlte denn in der Silvesternacht in Köln, und was fehlte anderswo? Herr Schröder, Sie haben das hier sehr deutlich gesagt.

Die Handlungsfähigkeit ist aber noch längst nicht hergestellt. Es fehlt schlicht und ergreifend an genügend Polizei. (Beifall des Abg. Matthias W. Birkwald [DIE LINKE])

Es waren dort nicht genügend Polizistinnen und Polizisten, die die widerwärtigen Taten hätten verhindern können. (Andreas Scheuer [CDU/CSU]: Wer regiert denn in Nordrhein-Westfalen?) Es waren nicht genügend Einsatzkräfte vor Ort, die die Personalien der Täter hätten aufnehmen können.

(Andreas Scheuer [CDU/CSU]: Wer ist denn verantwortlich für den Polizeipräsidenten? – Gegenruf des Abg. Matthias W. Birkwald [DIE LINKE]: Gut zuhören!)

Angeblich war sogar nur eine einzige Polizistin auf dem Revier, um dort Anzeigen aufzunehmen.

Weil Sie fragen, wer in Nordrhein-Westfalen verantwortlich war – ich weiß nicht, ob es Herr Scheuer oder wer auch immer war –, will ich Ihnen eines sagen: Wer hat denn die meisten Polizeikräfte eingestellt? Das waren die rot-grünen Landesregierungen. Vorher wurde dies versäumt. Das kann man leider nicht von einem Tag auf den anderen machen.

(Beifall beim BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN sowie bei Abgeordneten der SPD)

Ich rufe Sie zu einer sachlichen Debatte (Lachen bei Abgeordneten der CDU/CSU) und dazu auf, einen klaren Kopf zu bewahren. Herr Maas und Herr de Maizière haben gestern gesagt: Das Entscheidende ist und bleibt die Integration.

Ihre Antwort auf diese Taten sind jetzt neue Gesetze, um Abschiebungen zu beschleunigen. Ja, ich finde, dass bei Straftaten auch ausländerrechtliche Konsequenzen zu ziehen sind. Vor 14 Tagen haben Sie ein neues Gesetz in Kraft gesetzt, das eine solche Verschärfung vorsieht. Tun Sie aber bitte nicht so, als wäre das die zentrale Antwort. Wohin wollen Sie denn die Flüchtlinge abschieben? Nach Syrien, nach Madaja oder Rakka? Sie wissen, dass das nicht geht. Es gibt eben Probleme, die sich nicht ganz schnell mit dem Bundesgesetzblatt erschlagen lassen.

Ja, es geht um Integration. Dazu gehört, dass alle, die hier leben, Frauen mit Respekt behandeln und akzeptieren müssen, dass ein Nein ein Nein ist und dass es daran nichts zu deuten gibt.

(Beifall beim BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN und bei der LINKEN sowie bei Abgeordneten der SPD) Der Schlüssel ist Integration.

Schauen wir uns jetzt doch bitte einmal die Marokkaner an, die hierhergekommen sind und deren Asylverfahren zwei Jahre dauern. Was machen sie eigentlich in dieser Zeit? Absolvieren sie einen Integrationskurs und lernen Deutsch? Lernen sie etwas über das Frauenbild in unserem Land? Nein, denn einen Integrationskurs bekommen sie nicht genehmigt, weil ihre Anerkennungsquote nur bei 2 Prozent liegt. (Andreas Scheuer [CDU/CSU]: Sicheres Herkunftsland!) Arbeiten können sie auch nicht, weil ihnen das verwehrt wird. Nein, das ist keine Entschuldigung für irgendeine Straftat und

auch keine Relativierung, aber das gehört zur Wahrheit dazu. Und ich finde, auch diese Wahrheit sollten Sie nicht verschweigen.

(Beifall beim BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN)

Schauen wir bitte einmal in ein anderes Land, in dem ähnliche Taten geplant gewesen sind, nämlich nach Finnland. In Helsinki haben Integrationsbehörden sehr frühzeitig darauf hingewiesen, dass es zu solchen Taten kommen kann. Deswegen hat die Polizei dort sehr frühzeitig dafür gesorgt, dass dies nicht geschehen ist. Wenn wir uns Helsinki und Köln anschauen, dann wissen wir, woran

es hier mangelt. Es mangelt an Integrationszentren. Die Kräfte vor Ort müssen gebündelt werden, und die Leute müssen wissen, was geschehen kann. Dadurch könnten solche Taten verhindert werden.

Die Integration wird der Schlüssel sein. Die Probleme müssen sehr frühzeitig erkannt und benannt werden, um dann auch handeln zu können und es nicht dem Zufall zu überlassen.

Deutschland ist eine wehrhafte Demokratie und hat eines der besten Rechtssysteme der Welt. Wir sehen aber mit zunehmender Sorge, dass sich junge Männer verabreden, um, wie es heißt, „big party“ zu machen. Wie furchtbar und widerlich ist es, wenn dazu sexuelle Übergriffe gehören. Dem müssen wir uns entgegenstellen – auch mit Ausweisungen, die unsere Gesetze bereits ermöglichen.

Deutschland hat eine wehrhafte Demokratie. Wir sehen aber mit Sorge, dass 250 Neonazis in Leipzig-Connewitz gewalttätige Krawalle organisieren, Autos zerdeppern, Häuser anzünden und Schaufenster einschmeißen. Auch darauf muss der Rechtsstaat mit Konsequenzen reagieren.

(Beifall beim BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU, der SPD und der LINKEN)

Wir haben eine wehrhafte Demokratie. Wenn Rocker und Türsteher in Köln auf Ausländerjagd gehen und versuchen, Selbstjustiz zu üben, dann ist klar: Das muss Konsequenzen haben. Wir haben eine wehrhafte Demokratie, und die Anschläge auf Asylbewerberheime reißen nicht ab. Wir haben eine wehrhafte Demokratie, und mehrere Hundert rechtsradikale Täter sind in Deutschland – wie uns die Bundesregierung gerade auf eine Anfrage hin gesagt hat – nach wie vor auf freiem Fuß. Wir haben eine wehrhafte Demokratie, und wir sehen und erleben eine völlig enthemmte Hetze und Androhung von Gewalt im Netz, meine Damen und Herren.

All das zu sehen, gehört dazu, wenn wir wollen, dass unser Staat wehrhaft und stark ist. Auch deswegen sollten wir eine klare und sachliche Debatte mit kühlem Kopf führen. Und wenn es irgendetwas gibt, was mich an Köln zusätzlich ärgert, dann das, dass die rechten Hetzer jetzt neue Munition haben, meine Damen und Herren. Es kommt darauf an, dass wir klarmachen: Unser Staat ist handlungsfähig, und wir lassen das nicht zu.

Deswegen bitte ich Sie sehr herzlich: Sorgen Sie dafür, dass es mehr Einsatzkräfte bei der Polizei gibt.

(Volker Kauder [CDU/CSU]: Das müsst ihr machen! Ihr seid dort doch an der Regierung! – Max Straubinger [CDU/CSU]: Das gehört zur Landespolizei!)

Sorgen Sie dafür, dass niemand den Rassisten noch zusätzliche Munition gibt, meine Damen und Herren, und tun wir es erst recht nicht, indem wir Flüchtlinge vorverurteilen oder insgesamt beurteilen. Vielen Dank.

(Beifall beim BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN sowie bei Abgeordneten der SPD und der LINKEN)

Präsident Dr. Norbert Lammert: Thomas Strobl ist der nächste Redner für die CDU/CSU-Fraktion. (Beifall bei der CDU/CSU)

Thomas Strobl (Heilbronn) (CDU/CSU):

Herr Präsident! Meine sehr verehrten Damen und Herren! Die Silvesternacht beinhaltet einige bittere Wahrheiten. Eine der bitteren Wahrheiten ist, dass sich die Ereignisse mitten im

Herzen einer Großstadt ereignet haben. Es gab sie aber im Übrigen nicht nur in Köln. Auch in Stuttgart, Frankfurt und Hamburg gab es ähnliche Ereignisse.

Ich mache mir schon Sorgen über Verrohungstendenzen und mangelnden Respekt, über eine Brutalisierung in der Sprache und in den Netzwerken und auch auf unseren Straßen. Das ist ein

gesellschaftliches Problem. Wir sollten darüber eine Wertediskussion führen – nicht nur in Nordrhein-Westfalen, sondern in ganz Deutschland.

Es hat mich beeindruckt, dass gestern ein junger Mann, der offensichtlich aus einer Moschee kam und der, auf der Straße vom Fernsehen befragt, was er zu Köln meine, drei Worte sagte: Ich schäme mich. – Auch ich schäme mich, wenn ich so manches in den sozialen Netzwerken lese. Ich schäme mich, wenn Deutsche auf Demonstrationen einen Galgen oder eine Guillotine vor sich hertragen. Das ist nicht unser Deutschland, das ist Vergangenheit und nicht Deutschland im Jahre 2016!

(Beifall bei der CDU/CSU und der SPD sowie bei Abgeordneten der LINKEN und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Zu dieser Wertediskussion gehört auch, dass es bei uns Regeln und Gesetze gibt, an die sich alle halten müssen – egal woher man kommt. Und es gehört auch dazu, dass wir die Kraft in diesem Land entwickeln, unsere Rechtsvorschriften von Anfang an konsequent durchzusetzen.

Die Kölner Domplatte ist doch nicht erst seit dem 31. Dezember letzten Jahres ein Problem, sondern die Zustände dort sind schon seit Monaten und Jahren bekannt. Hier in dieser Stadt, in der wir gerade die Diskussion führen, gibt es seit Jahren Verhältnisse, die nicht in Ordnung sind. Lassen Sie uns Köln auch als einen Weckruf ansehen. Es darf in Deutschland keine No-go-Areas geben. Es darf in Deutschland keine rechtsfreien Räume geben. Es ist jetzt allerhöchste Zeit, dass wir die Missstände überall beseitigen, damit sich Frauen und Männer in Deutschland Tag und Nacht überall frei bewegen können. Dazu müssen wir handeln.

(Beifall bei der CDU/CSU und der SPD sowie bei Abgeordneten der LINKEN)

Unsere Polizei: Ja, wir tun etwas für unsere Bundespolizei. Es gibt mehr Mittel, mehr Personal und mehr Möglichkeiten. In diesem Haushalt haben wir 3 000 zusätzliche Stellen für unsere Bundespolizei geschaffen. Das darf ein Vorbild auch für die Landespolizeien sein.

Rasches Handeln ist gefordert, wenn wir erkennen, dass wir eine Verschärfung unserer Gesetze brauchen.

(Katrin Göring-Eckardt [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Hätten wir schon haben können!)

Ich bin dem Bundesjustizminister und dem Bundesinnenminister außerordentlich dankbar, dass wir uns in so kurzer Zeit verständigen konnten. Diese Koalition redet nicht nur, sondern sie handelt.

(Beifall bei Abgeordneten der CDU/CSU und der SPD) Das gilt für das Thema Ausweisung von straffälligen Ausländern und von Asylbewerbern. Es ist unerklärlich, wie man vor Gewalt, Vergewaltigung, Folter und Krieg flüchtet, um hier dann Ähnliches zu tun. Es ist richtig, solche Menschen aus dem Asylverfahren herauszunehmen. Selbstverständlich gibt es in Deutschland für das „Antanzen“ – was für ein verharmlosender Begriff! – und das hundertfache Begrapschen von Frauen die rote Karte. Deswegen werden wir die Gesetze entsprechend ändern.

(Beifall bei der CDU/CSU sowie bei Abgeordneten der SPD – Zuruf des Abg. Özcan Mutlu [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN])

Mit Blick auf den Bericht des Bundespolizeipräsidenten heute Morgen im Innenausschuss möchte ich einen Punkt erwähnen, der hier noch nicht angesprochen worden ist. Die Polizistinnen und Polizisten, die in dieser Nacht ihren Kopf hingehalten haben, hatten keinen einfachen Job. An dem Verhalten der Bundespolizei gibt es jedenfalls nichts zu kritisieren. Ich danke allen Polizistinnen und Polizisten für ihre Arbeit vor Ort in dieser Nacht. Sie verdienen unseren Respekt und unsere Dankbarkeit.

(Beifall bei der CDU/CSU sowie bei Abgeordneten der SPD)

Ob Lageeinschätzung und Einsatzleitung der Landespolizei in Ordnung waren, ist nicht mein Thema. Das mag der Landtag von Nordrhein-Westfalen untersuchen, und das wird er tun. Nicht den Polizistinnen und Polizisten in der Silvesternacht ist ein Vorwurf zu machen. Aber, meine Damen und Herren, dem Polizisten, der am 1. Januar in der warmen Amtsstube eine Pressemitteilung geschrieben hat, in der von einem friedlichen Abend und einer entspannten Einsatzlage die Rede war, ist wohl ein Vorwurf zu machen.

Präsident Dr. Norbert Lammert: Herr Kollege, achten Sie bitte auf Ihre Redezeit.

Thomas Strobl (Heilbronn) (CDU/CSU):

Ich komme sofort zum Ende, Herr Präsident. – Diese Pressemitteilung ist nicht am 1. Januar korrigiert worden, auch nicht am 2. oder am 3. Januar, sondern diese Meldung ist tagelang im Raum stehen geblieben. Dieser Versuch des Vertuschens und des Täuschens der Öffentlichkeit hat die Glaubwürdigkeit der staatlichen Organe und der Politik erschüttert und sie aufs Spiel gesetzt. Das ist der eigentliche politische Skandal in dieser Angelegenheit. (Beifall bei der CDU/CSU)

Wir werden in der Großen Koalition alles dafür tun, verlorengegangenes Vertrauen in unseren Rechtsstaat wiederherzustellen. Dafür arbeiten wir. Ich lade Sie ein, daran mitzuwirken. Herzlichen Dank. (Beifall bei der CDU/CSU sowie bei Abgeordneten der SPD)

Präsident Dr. Norbert Lammert: Für die SPD-Fraktion erhält nun die Kollegin Eva Högl das Wort. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU) Dr.

Eva Högl (SPD):

Sehr geehrter Herr Präsident! Liebe Kolleginnen und Kollegen! Auf die Ereignisse auf der Domplatte in Köln in der Silvesternacht, auf die erschreckenden Übergriffe, auf die unfassbaren Vorkommnisse gibt es keine einfachen Antworten. Ich möchte hier noch einmal ganz deutlich sagen, dass diese fürchterlichen Ereignisse nicht straffrei sind, damit hier kein falscher Eindruck entsteht. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU, der LINKEN und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN) Es geht jetzt in erster Linie darum – das sind wir nicht zuletzt den Opfern schuldig –, diese Straftaten konsequent und lückenlos aufzuklären und die Täter zu ermitteln und umgehend zu bestrafen. Das ist die entscheidende Konsequenz aus den Ereignissen in Köln. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU und des BÜNDNISSES 90/ DIE GRÜNEN)

Ja, liebe Kolleginnen und Kollegen, wir müssen auch fragen: Wer waren die Täter? Woher kamen sie? Auch das gehört dazu. Da darf es keine Tabus geben, und da darf auch nichts verschwiegen werden. Ich finde es wichtig, auch das in dieser Debatte noch einmal zu betonen. Das ist für die Aufklärung ganz entscheidend. Die Tatsachen dürfen auch nicht für rassistische Hetze genutzt werden. Denn die Herkunft der Täter darf nicht dazu führen, dass die Verfolgung ins

Gegenteil verkehrt wird. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU, der LINKEN und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Dafür, liebe Kolleginnen und Kollegen, müssen wir zunächst einmal überhaupt kein Gesetz ändern, sondern wir müssen Handlungsfähigkeit demonstrieren, und das tun wir auch. Wir müssen die bestehenden Gesetze konsequent anwenden und vollziehen. Wir brauchen ausreichend Polizei – das ist schon gesagt worden; ich betone es noch einmal ausdrücklich –, eine effiziente Strafverfolgung und ausreichende Kapazitäten in der Justiz.

Als Zweites – das ist für die Analyse wichtig – müssen wir uns fragen, wie es überhaupt dazu kommen konnte und wie es uns in der Zukunft gelingt, solche Straftaten wirksam zu vermeiden. Denn so etwas hat in unserem Land keinen Platz. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU)

Deswegen fragen wir: Gab es genug Polizeikräfte? Hatte die Polizei in Köln die richtige Strategie? Und was müssen wir in Zukunft besser machen? Das A und O ist: Wir brauchen mehr Polizei. Das ist schon oft gesagt worden, und es kann nicht oft genug gesagt werden. Deswegen fordert die SPD: Nicht nur kleckern, sondern klotzen! Wir sagen: Wir brauchen 12 000 Polizeibeamtinnen und -beamte mehr in Bund und Ländern. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU)

Wofür brauchen wir sie, liebe Kolleginnen und Kollegen? Wir brauchen sie vor allen Dingen auf den öffentlichen Plätzen, in Einrichtungen, Parks und in den Bahnen. Wir müssen die öffentlichen Plätze stärker sichern. Es darf in Deutschland keine Angsträume geben. Wir wissen aber, dass es solche Angsträume gibt. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU) Wir müssen es schaffen, dass alle Bürgerinnen und Bürger sich überall sicher fühlen, ob Tag oder Nacht, ob in der Bahn oder auf einem Platz. Das ist unsere gemeinsame Aufgabe.

Es darf nicht nur in Köln keine Angsträume geben, sondern auch in Leipzig, wo rechtsextreme Hooligans ganze Straßen verwüstet haben, und in anderen Städten. Es darf auch keine Orte wie Jamel in Mecklenburg-Vorpommern geben, wo Demokratinnen und Demokraten nicht mehr sicher leben

können, weil Rechtsextreme das Dorf beherrschen. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der LINKEN und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Liebe Kolleginnen und Kollegen, im Deutschen Bundestag müssen wir uns fragen, ob wir gesetzgeberischen Handlungsbedarf haben. Ich möchte noch einmal betonen, dass es ganz wichtig ist, dass wir nicht auf jeden Vorfall – und sei er noch so schlimm; Köln war ein schlimmer Exzess und für die Opfer individuell besonders schrecklich – mit dem Ruf nach neuen Gesetzen reagieren. Das ist nicht angemessen. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der LINKEN und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Aber dort, wo wir nach einer sachlichen und konzentrierten Diskussion gemeinsam feststellen, dass es Lücken gibt, müssen wir sie auch schnell und unaufgeregt schließen. Das tun wir gerade, und damit demonstrieren wir Handlungsfähigkeit. Auch ich bin sehr dankbar – Heiko Maas hat es hier dargelegt –, dass wir schnell reagieren, indem wir sagen: Wir müssen unser Ausweisungsrecht noch einmal verschärfen, auch wenn wir das bereits getan haben. Kriminelle Ausländer haben in Deutschland keinen Platz. Das halte ich für die richtige Konsequenz. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU)

Wir verschärfen unser Sexualstrafrecht nicht wegen Köln – der Vorschlag liegt schon lange vor –, (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der LINKEN) sondern wir verschärfen es – und schaffen damit hoffentlich eine richtige Grundlage und ein gutes Strafrecht –, damit solche Vorfälle wie in Köln und anderswo in Zukunft konsequenter bestraft werden können. Wir wollen, dass alle Formen nichteinvernehmlichen Geschlechtsverkehrs bestraft werden. (Beifall bei Abgeordneten der SPD) Wir wollen sexuelle Belästigung bestrafen. Wir haben eine hervorragende Grundlage aus dem Justizministerium, über die wir weiter beraten werden. Diejenigen, die bisher diesen guten Gesetzentwurf blockiert haben, sollten sich fragen, ob das die angemessene Reaktion war. (Beifall bei der SPD – Zuruf der Abg. Renate Künast [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN])

Diese Nebenbemerkung sei mir erlaubt.

Dann, liebe Kolleginnen und Kollegen, haben wir im Weiteren eine ausreichende Grundlage für eine besonnene und konzentrierte Diskussion über den nötigen Reformbedarf. Ich bin mir sehr sicher, dass wir im Deutschen Bundestag aus den Vorfällen in Köln und anderen schrecklichen Vorkommnissen die richtigen Schlüsse ziehen, damit wir sie in Zukunft konsequent verhindern können. Herzlichen Dank. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU)

Präsident Dr. Norbert Lammert: Wolfgang Bosbach erhält nun das Wort für die CDU/CSU-Fraktion. (Beifall bei der CDU/CSU)

Wolfgang Bosbach (CDU/CSU):

Herr Präsident! Liebe Kolleginnen und Kollegen! Die Politik hat schnell und hart reagiert – nun auch mit Maßnahmen der Bundesregierung –, zunächst einmal vor allen Dingen rhetorisch. Die ganze Härte des Gesetzes müsse die Straftäter treffen, heißt es. Was denn sonst? Die Ministerpräsidentin von Nordrhein-Westfalen, Frau Kraft, hat sich wie folgt eingelassen: „Straftäter sind Straftäter, egal wo sie herkommen.“ In den Fällen, wo die Voraussetzungen gegeben seien, müssten sie abgeschoben werden. Was denn sonst? Das eigentlich Überraschende ist, dass man das sagen und betonen muss. Warum muss man das eigentlich sagen? Weil es offensichtlich in der Praxis nicht selbstverständlich ist. Weil es eine große Diskrepanz zwischen dem geltenden Recht und der Durchsetzung des Rechts gibt. (Beifall bei der CDU/CSU) Alle gesetzlichen Regelungen, sowohl die bestehenden als auch diejenigen, über die wir noch sprechen werden, laufen ins Leere, wenn es an dem Willen fehlt, das geltende Recht konsequent anzuwenden. Das ist die Bewährungsprobe, vor der wir stehen.

Frau Göring-Eckardt, es war interessant, zu erfahren, dass die Grünen nun mehr Polizei fordern. Das war einmal anders. (Beifall bei Abgeordneten der CDU/CSU – Dr. Anton Hofreiter [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]):

Das ist überhaupt nicht wahr! – **Katrin Göring-Eckardt [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]:** Das fordern wir seit vielen Jahren!

Ihre Forderung, die in der Sache richtig ist, wäre viel glaubwürdiger, wenn Sie in der Regierungsverantwortung vor allen Dingen in Berlin und in Nordrhein-Westfalen um das Jahr 2000

herum nicht für einen massiven Abbau von Polizeistellen gesorgt hätten. (Beifall bei der CDU/CSU – Sören Bartol [SPD]: Schauen Sie doch einmal nach Hessen!)

Wir können der Polizei nicht ständig neue Aufgaben übertragen.

(Dr. Anton Hofreiter [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Jetzt können wir die einzelnen Landesregierungen schön gegeneinander aufrechnen! Schauen Sie sich einmal an, was woanders passiert! – Zurufe von der SPD)

Präsident Dr. Norbert Lammert: Wir sollten uns darauf verständigen, dass derjenige, der das Wort hat, es auch nutzen kann.

Wolfgang Bosbach (CDU/CSU): Dass das wehtut, Herr Hofreiter, ist mir klar.

(Dr. Anton Hofreiter [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Nein, es geht um die Wahrhaftigkeit Ihrer Aussage!)

Sie sind doch so sehr für politische Korrektheit. Politisch korrekt ist die Wahrheit.

(Dr. Anton Hofreiter [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Ganz genau!)

Deswegen müssen Sie sich das in Ruhe anhören.

(Beifall bei der CDU/CSU – **Dr. Anton Hofreiter [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]:** Die Wahrhaftigkeit ist Ihr Problem!)

Wir können der Polizei nicht ständig neue Verantwortung und neue Aufgaben übertragen, ohne sie personell angemessen auszustatten. Die Polizei braucht die richtige Personalausstattung, das richtige rechtliche Instrumentarium und auch die notwendige technische Ausstattung.

Präsident Dr. Norbert Lammert: Lieber Kollege Bosbach, lassen Sie eine Zwischenfrage des Kollegen von Notz zu?

Wolfgang Bosbach (CDU/CSU):

Ja, selbstverständlich. Präsident Dr. Norbert Lammert: Bitte.

Dr. Konstantin von Notz (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN):

Geschätzter Herr Kollege Bosbach, vielen Dank für das Zulassen meiner Zwischenfrage. – Es ist interessant, dass Sie auf Berlin rekurren. Wir Grüne haben vor vielen Jahren einmal in Berlin regiert. Dass das für Sie eine so prägende Erfahrung war, ist interessant.

Mich interessiert aber eine andere Frage viel mehr – Sie waren schließlich lange Jahre Vorsitzender des Innenausschusses –: Wie ist es denn um die Verantwortung der Union bestellt? (Beifall bei Abgeordneten der SPD) Seit über zehn Jahren tragen Sie Verantwortung für die Innenpolitik auf Bundesebene. Sie wollen das offenbar mit Ihrem Hinweis auf Berlin im Jahr 2000 vernebeln. Wo ist die Kompetenzzuschreibung der Union? Sind die nun bestehenden Missstände nicht durch die Innenpolitik der Union in den letzten zehn Jahren verursacht worden? Vielen Dank. (Beifall beim BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN sowie bei Abgeordneten der SPD und der LINKEN)

Wolfgang Bosbach (CDU/CSU):

Ich bin Ihnen für diese Frage ausgesprochen dankbar; denn sie gibt mir die Gelegenheit, Ihnen die Kenntnisse zu vermitteln, die Sie eigentlich schon hätten haben müssen, bevor Sie sich um ein Mandat im Deutschen Bundestag beworben haben. (Beifall bei der CDU/CSU – Zurufe von der SPD und dem BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN: Oh! Oh!)

Wir haben die Verantwortung für das Bundesamt für Verfassungsschutz. Wir haben die Verantwortung für die Bundespolizei. Wir haben die Verantwortung für das Bundeskriminalamt. (Katrín Göring-Eckardt [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]: Genau!) Den massiven Stellenabbau, den es in einigen Bundesländern in der Vergangenheit gegeben hat, (Ulli Nissen [SPD]: Was ist mit der Bundespolizei?) hat es im Verantwortungsbereich des Bundes nie gegeben, und zwar völlig unabhängig in welcher Konstellation die Bundesregierung im Amt war. Gegenteil: Wir haben sogar einen deutlichen Aufwuchs der Stellen im Verantwortungsbereich des Bundes zu verzeichnen. (Beifall bei der CDU/CSU – Thomas Oppermann [SPD]: Seitdem wir dabei sind!)

Anders sieht es im Verantwortungsbereich der Länder aus. Viele Länder haben Stellen abgebaut. (Zurufe von der SPD: Hessen! Hessen!) Einige haben aber auch Stellen aufgebaut. Den größten Stellenabbau hat es um das Jahr 2000 herum gegeben. Fast die Hälfte des Stellenabbaus der damaligen Zeit entfällt auf zwei Bundesländer: auf das Land Berlin und das Land Nordrhein-Westfalen. Das wollte ich Ihnen an dieser Stelle nur einmal mitteilen. (Beifall bei der CDU/CSU)

Bei aller Kritik, die es in den letzten Tagen gegeben hat: Es besteht überhaupt keine Veranlassung, die Polizei, die in Köln im Einsatz war, so pauschal zu kritisieren. Es stimmt: Es hat eine Fehleinschätzung der Polizeiführung gegeben. (Matthias W. Birkwald [DIE LINKE]: Mehrere!) Aber wir sollten uns heute einmal ausdrücklich bei denen bedanken, die in dieser Silvesternacht in Köln und in anderen Großstädten in dramatischer Unterzahl ihren Kopf hingehalten haben, um die bedrohten Menschen, insbesondere Frauen, zu schützen. (Beifall bei der CDU/CSU sowie bei Abgeordneten der SPD und des BÜNDNISSES 90/ DIE GRÜNEN – Ulli Nissen [SPD]: Alles schon gemacht!)

Was mir in den letzten Tagen viel zu kurz gekommen ist, ist die politische Selbstkritik. Wir müssen uns schon als Parlamentarier, als Politiker selber fragen, ob wir nicht auch durch Tun und Unterlassen einen Beitrag dazu leisten, dass es überhaupt zu solchen dramatischen Vorfällen kommen kann. Die Gewerkschaft der Polizei schreibt am 3. Dezember – ich zitiere –: Eine Situation, in der die zuständige Grenzpolizei in Hunderttausenden Fällen nicht mehr erfährt und wegen politischer Absprachen nicht mehr erfahren kann, wer unter welchem Namen und aus welchem Grunde in das Land einreist, ist mit Blick auf die Gewährleistung der inneren Sicherheit staatsgefährdend.

Ein Polizist, der in Köln in dieser berühmten Silvesternacht im Einsatz war, schreibt: Zahlreiche Bürgerinnen wurden nicht vor diesen Männern geschützt, und das hat nicht nur mit polizeilicher Arbeit, sondern auch mit politischen Entscheidungen zu tun, die dazu führen, dass sich in einem bisher unbekanntem Ausmaß Männer mit solchem Verhaltensbild in derartiger Größenordnung zusammenrotten.

Es ist richtig, dass unser Asylrecht keine Obergrenzen kennt.

Präsident Dr. Norbert Lammert: Herr Kollege.

Wolfgang Bosbach (CDU/CSU): Unser Asylrecht kennt keine Quoten und kennt keine Höchstgrenzen.

(Zuruf der Abg. **Renate Künast** [BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN]) Aber das bedeutet im Umkehrschluss nicht, dass wir eine völlig unbegrenzte Aufnahmefähigkeit haben, eine völlig unbegrenzte Integrationskraft. Das gilt weder für die Gesellschaft noch für den Arbeitsmarkt. (**Ulli Nissen** [SPD]: Haben Sie das der Kanzlerin schon gesagt?)

Je besser und je rascher Integration gelingt, desto eher ist die Möglichkeit gegeben, dass sich solche Ausschreitungen nicht wiederholen. Wir stehen nicht nur vor einer Herausforderung, – **Präsident Dr. Norbert Lammert:** Lieber Kollege Bosbach.

Wolfgang Bosbach (CDU/CSU): –

wir stehen vor einer Überforderung unseres Landes. Deswegen brauchen wir eine politische Kurskorrektur. Diesen Kontrollverlust, den wir seit Sommer vergangenen Jahres haben, müssen wir so rasch wie möglich beenden. (Beifall bei der CDU/CSU)

Präsident Dr. Norbert Lammert: Nun hat die Frau Bundesministerin Schwesig das Wort. (Beifall bei der SPD)

Manuela Schwesig, Bundesministerin für Familie, Senioren, Frauen und Jugend:

Sehr geehrter Herr Präsident! Sehr geehrte Damen und Herren Abgeordnete! Jede Frau, die schon einen sexuellen Übergriff erlebt hat, weiß, dass er sich verdammt schlimm anfühlt, und sie weiß, dass keine Beschreibung der Tat – auch nicht wirklich Gesetze – das aufheben kann, was sie erlebt hat und was sie auch begleiten wird, vielleicht ein Leben lang. Dennoch müssen wir dafür Sorge tragen, dass jede Frau in unserem Land weiß, dass sie den Übergriff ansprechen soll, dass sie ihn zur Anzeige bringen soll und dass wir mit aller Konsequenz solche Taten verfolgen, egal wer sie begangen hat, woher er kommt oder wohin er will. Jeder Übergriff gegen eine Frau ist ein Übergriff zu viel. (Beifall im ganzen Hause)

Wir sind das den Frauen schuldig, die in Köln und in anderen Orten in der Silvesternacht Schlimmes erlebt haben, in einer Form, die wir uns so bisher nicht vorstellen konnten, und wir sind es auch den Frauen schuldig, die Übergriffe im Alltag erleben und sich vielleicht manchmal allein mit diesem Thema fühlen, weil es nicht angesprochen wird. Das betrifft den Arbeitsplatz, den Bekanntenkreis, die U-Bahn oder auch das Zuhause. Wir sind es jeder einzelnen Frau schuldig.

Ich liebe eigentlich eher lebendige parlamentarische Debatten. Es gehört sicherlich dazu, dass man gegenseitig Versäumnisse aufrechnet. Aber ich glaube, es geht jetzt weniger darum, gegenseitig aufzurechnen, wer wann wie viel Polizei zur Verfügung stellt, sondern mehr um einen Konsens aller demokratischen Fraktionen. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der LINKEN)

Diese müssen sagen: Wir wollen diese Vorfälle zum Anlass nehmen, um Frauen, die so etwas erleben, den Rücken zu stärken, die Taten zur Anzeige zu bringen, damit sie konsequent verfolgt werden können. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Wenn wir das wollen, müssen wir über jede einzelne Tat und auch über die Umstände offen sprechen können. Wenn wir wollen, dass die Rechtsextremen diese Taten jetzt eben nicht so widerlich benutzen, wie sie es tun, dann müssen wir Demokraten den Mut haben, anzusprechen: Ja, in der Silvesternacht waren es viele Männer aus anderen Ländern, die eigentlich gesagt haben, sie wollten Schutz bei uns; aber sie haben den Frauen hier Schutz genommen. Das muss ausgesprochen werden. Alles andere ist Wasser auf die Mühlen von Rechtsextremisten. Das nicht zuzulassen, sind wir den Frauen und allen Flüchtlingen, die hier anständig leben und leben wollen, gemeinsam schuldig. (Beifall bei der SPD und der CDU/CSU sowie bei Abgeordneten des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN und des Abg. Matthias W. Birkwald [DIE LINKE])

Wir sollten aber gleichzeitig darüber sprechen – das haben heute schon viele getan –, dass sexuelle Gewalt in ganz verschiedenen Formen im Alltag viele Frauen betrifft. Wir müssen diese Diskussion jetzt zum Anlass nehmen, den Frauen besser zu helfen. Deshalb unterstütze ich sehr die Vorschläge des Bundesjustizministers, die Lücken im Sexualstrafrecht zu schließen, und deshalb müssen wir noch stärker als bisher in unserem Land auch eine Debatte darüber führen, wie wichtig uns gleiche Rechte für Frauen und Männer sind.

Es ist auch eine Chance, deutlich zu machen: Wir haben eine ganz klare Trennlinie. Wir erwarten, dass jeder, der in diesem Land aufwächst, und jeder, der zu uns kommt, die Rechte von Frauen achtet und unterstützt. Wir wollen den gesellschaftlichen Zusammenhalt. Für sexistische Gewalttäter ist in diesem Land genauso wenig Platz wie für Rassisten, egal ob sie Deutsche sind

oder Ausländer. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der LINKEN und des Abg. Paul Lehrieder [CDU/CSU]) Wir müssen dieses Signal senden.

Ich sage ganz klar: Wenn Menschen in anderen Ländern, aus denen viele vor Gewalt und Krieg fliehen, mitbekommen, dass wir ein Land sind, das Schutz für Kinder, Frauen und Männer bietet – ein solches Land wollen wir weiterhin sein –, dann müssen sie auch mitbekommen, dass wir eine Werteordnung haben, und diese Werteordnung beinhaltet auch die Rechte der Frauen. Das heißt aber auch, dass wir hier, im eigenen Land, mit gutem Beispiel vorangehen müssen. (Beifall bei Abgeordneten der SPD und der LINKEN)

Wir haben jetzt gemeinsam die Chance, die Rechte von Frauen viel stärker in den Mittelpunkt zu rücken und diese auch viel stärker als bisher zum Thema in Integrationskursen und auch in anderen Debatten zu machen. Wir haben es jetzt selber in der Hand, zu klären, ob das Jahr 2016 so schrecklich, wie es für viele Frauen begonnen hat, bleibt oder ob wir es zu einem Jahr für Frauen, für mehr Rechte von Frauen, für mehr Respekt vor Frauen machen. Das liegt in unserer Hand, und dafür werbe ich. (Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten der CDU/CSU, der LINKEN und des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

Präsident Dr. Norbert Lammert: Andreas Scheuer ist der nächste Redner für die CDU/CSU-Fraktion. (Beifall bei Abgeordneten der CDU/CSU)

Andreas Scheuer (CDU/CSU):

Herr Präsident! Verehrte Kolleginnen und Kollegen! Frau Bundesministerin, ich glaube, wir sollten nicht Köln zum Anlass nehmen, diese Diskussion zu führen; vielmehr sollte es in unserer Gesellschaft eine Selbstverständlichkeit sein, dass alle gegen Übergriffe in Form sexueller Gewalt ankämpfen, egal wer sie ausübt und egal was gerade für eine politische Diskussion geführt wird. (Beifall bei Abgeordneten der CDU/CSU und der SPD – Zurufe vom BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN)

Aber wir müssen natürlich auch darüber diskutieren und klarstellen, dass Deutschland ein Staat des Rechts und der Sicherheit ist. Das ist auch der Grund dafür, dass Deutschland in der Welt so angesehen ist. Deutschland hat in einzigartiger humanitärer Verantwortung Flüchtlinge aufgenommen

und viel geleistet. Aber unsere Maxime muss auch sein, dass Bürgerinnen und Bürger die Klarheit und die Garantie haben, dass Deutschland sicher ist und auch sicher bleibt. In dieser Verantwortung müssen wir die Diskussion führen. Niemand stellt Ausländer unter Generalverdacht. Wer das trotzdem tut, stellt die gesamte Bevölkerung unter Generalverdacht.

Die Bürgerinnen und Bürger können die Wahrheit schon richtig einschätzen. Die Bürger können zwischen gesetzestreuen Migranten und Kriminellen unterscheiden. Das sage ich auch, selbst wenn jetzt hier oft eine andere Diskussion geführt wird oder versucht wird, etwas anderes in die politische Diskussion zu bringen: Es gibt gewaltbereite und kriminelle Extremisten, aber nicht nur von rechts, sondern auch von links, und das muss auch klargestellt sein. (Beifall bei der CDU/CSU)

Die Bürger aber dürfen nicht bevormundet werden, wenn es um den Anspruch auf Information, auf Wahrheit und auf Tatsachen geht. Das treibt viele Bürgerinnen und Bürger in den Zuschriften an die Abgeordneten und an die Parteien um: dass wir eine gefährliche gesellschaftliche Diskussion bekommen, wenn wir nicht offen auch die Probleme und Sorgen der Bürgerinnen und Bürger ansprechen und wenn in verschiedenen Berichten sogar versucht wird, zu vertuschen, was vorgefallen ist. Es ist unsere Aufgabe, das offen zu diskutieren.

Deswegen geht es um Vertrauen – Vertrauen in die Politik, in unsere Demokratie. Die Bevölkerung wurde über die Schande von Köln lange im Unklaren gelassen, und deswegen müssen wir dafür sorgen – alle in unserer Gesellschaft haben da dieselbe Verantwortung –, dass dieses Vertrauen in Medien, Politik, in Behörden hergestellt ist. Nur so kann die Herausforderung der Integration bei millionenfacher Zuwanderung gelingen. Die Bevölkerung – da gebe ich Kollegen Bosbach absolut recht – muss wissen, wer zu uns kommt, wer bei uns lebt, wer sich bei uns aufhält. Deswegen müssen wir auch über die Behörden in den einzelnen Bundesländern dafür sorgen, dass die, die zu uns kommen, ordentlich registriert werden. Das ist schon allein dem Anspruch auf Sicherheit, auf Recht und Ordnung geschuldet, den die einheimische Bevölkerung hat. (Beifall bei der CDU/CSU)

Köln war ein Ort des Versagens in der Silvesternacht – und ein Versagen der politischen und polizeilichen Führung. Es ist schäbig und feige, sich mit Verweis auf einzelne Polizeibeamte herauszureden. Es geht darum, den Polizeibeamten die notwendige Klarheit in der Strategie zu geben. Und ich sage Ihnen: Das bayerische Konzept, wenn es solche Vorfälle gibt, ist „Deeskalation durch Stärke, durch Stärke im Auftreten“ und nicht „Deeskalation durch Rückzug und Schwäche“. Das muss klargestellt werden, damit diese Gruppen auch sehen, dass der Staat sofort, in derselben Sekunde, handelt, wenn es solche Übergriffe gibt. (Beifall bei der CDU/CSU sowie des Abg. Florian Post [SPD])

Deswegen bin ich dankbar für die jetzige Übereinkunft der zuständigen Fachminister zur Verschärfung. Aber ich sage auch: In den Bundesländern – wir haben in dieser Debatte schon viel über Personalabbau geredet – brauchen wir mehr Uniformierte, mehr Videüberwachung an den Brennpunkten, vor allem in den Großstädten, und wir brauchen mehr unangemeldete Personenkontrollen bei solchen Aufläufen. (Beifall bei Abgeordneten der CDU/CSU – Zuruf des Abg. Niema Movassat [DIE LINKE])

Bundesministerin Manuela Schwesig Meine Damen und Herren, Nordrhein-Westfalen wird selber im Landtag darüber diskutieren müssen, wie die politische Leistung des zuständigen Fachministers zu bewerten ist. Aber ich sage Ihnen ganz bewusst, dass es natürlich auch darum geht, ein zweites Köln, ein zweites Stuttgart, ein zweites Hamburg in Deutschland nicht passieren zu lassen. Deswegen haben wir alle gemeinsam eine Verantwortung.

Wer als Asylbewerber hier unsere Gastfreundschaft missachtet, muss sofort abgeschoben werden. Das ist die klare Botschaft, und das müssen wir ohne Scheuklappen und große politische Unterschiede den Bürgerinnen und Bürgern auch ganz klar sagen.

Frau Göring-Eckardt, ganz zum Schluss: Ich habe aus Ihren Bemerkungen herausgehört, dass Sie sehr an einer gelingenden Integration interessiert sind. Ich sage aber: Die Verfahren für Angehörige bestimmter Staaten, die nachweislich rein als Wirtschaftsflüchtlinge hierherkommen – Sie haben die Marokkaner angesprochen –, dauern zu lange. Warum? Weil die Ausdehnung der Gruppe der sicheren Herkunftsstaaten fehlt. (Zuruf der Abg. Dr. Eva Högl [SPD]) Wir müssen einen

Schnellbescheid erwirken, damit diese Gruppen als Wirtschaftsflüchtlinge schnellstens wieder raus aus unserem Land kommen –

Präsident Dr. Norbert Lammert: Herr Kollege.

Andreas Scheuer (CDU/CSU): – und wir uns auf die konzentrieren können, die wirklich schutzbedürftig sind, nämlich die Unbescholtenen, die, die vor Krieg und Krisen geflüchtet sind. Das ist unsere gemeinsame Verantwortung. (Beifall bei der CDU/CSU) Deswegen würde ich mich freuen, wenn Sie bei der Ausdehnung der Gruppe der sicheren Herkunftsstaaten mitmachen würden. Herzlichen Dank. (Beifall bei der CDU/CSU)

Präsident Dr. Norbert Lammert: Letzte Rednerin zu diesem Tagesordnungspunkt ist die Kollegin Karin Maag für die CDU/CSU-Fraktion. (Beifall bei der CDU/CSU)

Karin Maag (CDU/CSU):

Herr Präsident! Liebe Kolleginnen und Kollegen! Ich will am Ende der Debatte den Fokus noch einmal auf die Frauen lenken, die die Hauptopfer in Köln waren. Silvester in Köln: Das war ein bisher noch nie dagewesener Angriff auf die körperliche Integrität, aber vor allen Dingen auf die Würde von Frauen und auf den Respekt vor Frauen. Alle diese Frauen haben ausnahmslos mein Mitgefühl.

Zwei Anzeigen wegen Vergewaltigung; Frauen wurden bedrängt, begrapscht und bestohlen – und die Polizei war nicht in der Lage, die Sicherheit zu gewährleisten. Damit wir uns richtig verstehen – es wurde hier schon gesagt –: Ich mache nicht einem einzelnen Polizisten einen Vorwurf. Ich gehe davon aus, dass jeder in dieser Nacht an seinem Platz das Richtige, Notwendige und Mögliche getan hat. Die schiere Masse war es, die nicht zu bewältigen war.

Umso mehr muss von Köln das Signal ausgehen, dass wir eine solche Provokation des Rechtsstaats nicht mehr dulden; denn mit den Frauen trifft man die verletzlichste Seite unseres Gemeinwesens, und das geht gar nicht. (Beifall bei der CDU/CSU – Katja Kipping [DIE LINKE]: Was ist das für ein Frauenbild?)

Meine Damen und Herren, liebe Kolleginnen und Kollegen, mir als Frau sind übrigens die Nationalität und der Status eines Angreifers zunächst egal. Unsere Gesetze und die zugrundeliegenden Wertvorstellungen müssen für alle gelten. Ich weiß, dass die überwiegende Mehrzahl der Migranten und Flüchtlinge diese Vorstellung teilt. Auch sie wollen ja ihre Töchter, ihre Ehefrauen und ihre Freundinnen vor sexuellen Angriffen geschützt sehen.

Ich begrüße ganz ausdrücklich, dass die Reform des Sexualstrafrechts endlich vorangeht und auch Grapschen strafbar werden soll.

Ich bin erleichtert, dass sich die Regierung darauf verständigt hat, Personen, die Straftaten insbesondere auch gegen die sexuelle Selbstbestimmung begehen, die rechtliche Anerkennung als Flüchtling konsequent zu versagen.

Zu den ganz alltäglichen Selbstverständlichkeiten gehört aber auch, dass Frauen alleine oder in Begleitung jederzeit im öffentlichen Raum sicher unterwegs sein können. Dieses Recht und diese Freiheit sehe ich gefährdet, und zwar nicht erst seit Köln. Viele Frauen haben heute schon in der U-Bahn und auf öffentlichen Plätzen ein unsicheres Gefühl. Das heißt, wir haben doch vor allem ein Problem bei der Durchsetzung des Rechts.

Polizeistellen in den Ländern – wir haben es gehört – wurden abgebaut. Ich will auch noch einmal den Fokus auf die Polizeiarbeit lenken. Wertvolle Arbeitszeit muss zum Beispiel darauf verwendet werden, Bilder von Rotlichtsündern abzugleichen. Diese Beamten fehlen doch auf der Straße.

Wenn dann Straftäter gefasst werden, werden Personalien festgestellt. Die Strafverfahren folgen nach Monaten – Verurteilung ungewiss. Auch die Justiz ist überlastet.

Dort müssen wir ansetzen. Jedenfalls müssen die Täter aus Köln genau deshalb zeitnah strafrechtlich belangt werden. Wir müssen beweisen, dass unser Rechtsstaat handlungsfähig und auch sichtbar ist.

Jetzt komme ich noch einmal zu den Tätern. Die meisten kommen aus Marokko, Tunesien oder Algerien, hat man mir aus Köln berichtet. Offensichtlich liegen auch Erkenntnisse vor, dass seit einigen Monaten verstärkt Personen aus dem nordafrikanischen Raum als Flüchtlinge getarnt zu uns

reisen. Dazu sage ich klipp und klar: Menschen, die das Gastrecht missbrauchen, müssen gehen. (Beifall bei der CDU/CSU)

Mir ist aber wichtig, dass wir differenzieren. Nach der Auswertung seitens der Kölner Polizei ist von den Schutzsuchenden aus Syrien nicht einmal ein halbes Prozent polizeilich aufgefallen. Wenn es um die Bleiberechte dieser Schutzbedürftigen geht, bin ich nach wie vor davon überzeugt, dass Integration gut gelingen kann.

An dieser Stelle geht es auch um kulturelle Bildung. Sie ist oft patriarchalischer Art und auch nicht zwangsläufig ähnlich unserer. Das kann sich aber ändern. Der Kriminologe Christian Pfeiffer hat in seinen Forschungen an jungen Migranten festgestellt, dass und wie sich eine Macho-Orientierung abschwächt und sich die Geschlechterrollen in den Familien verändern, wenn die Menschen hier sind. Es sei so einfach: Arbeit, Bildung und deutsche Freunde.

Präsident Dr. Norbert Lammert: Frau Kollegin.

Karin Maag (CDU/CSU): Gerade gestern konnte ich mich mit meiner Gruppe der Unionsfrauen und den Arbeitnehmern in der Unionsfraktion davon überzeugen, dass die BA im Hinblick auf die Flüchtlinge gut gerüstet ist. Ich komme zum Schluss. Wir müssen uns noch stärker für ein funktionierendes Gemeinwesen einsetzen. Das gelingt nur, wenn sich niemand zurücklehnt und wir uns nicht in eine beobachtende Haltung – ich spreche da vor allen Dingen von den sozialen Netzwerken – zurückdrängen lassen. Nein, das Beobachten reicht nicht. Wir müssen uns – da spreche ich jetzt auch für die Bürgerinnen und Bürger – für diesen Staat einsetzen. Wir müssen uns für das Gemeinwesen verantwortlich fühlen. Für uns ist das ein politischer Auftrag. Herzlichen Dank. (Beifall bei der CDU/CSU sowie bei Abgeordneten der SPD)